

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА
ТВЕРСКОГО КРАЯ

Памяти А. В. Гончаровой

(1923–2009)

Сборник научных статей и публикаций

ТВЕРЬ 2013

УДК 930.85(470.331)
ББК ТЗ(2Рос–4Тве)-7
Т65

Ответственный редактор
Доктор филологических наук, профессор
Л. Н. Скаковская

Т65 Традиционная культура Тверского края: Памяти А. В. Гончаровой (1923–2009): сб. науч. статей и публикаций / отв.ред. Л. Н. Скаковская; сост. М. Л. Логунов, С. Ф. Меркушов, А. А. Петров, Л. Н. Скаковская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. – 152 с.

ISBN 978-5-7609-0869-8

Настоящий сборник составлен по материалам круглого стола, посвященного 90-летию ученого-фольклориста, краеведа Александры Васильевны Гончаровой, который прошел 21 мая 2013 года в отделе редких книг Научной библиотеки ТвГУ. Тематическое своеобразие данного сборника состоит в его ориентации на круг научных интересов А. В. Гончаровой, что и определило структуру издания: статьи по теории и истории фольклора и литературоведению, публикации архивных и полевых записей. В нем напечатаны работы не только специалистов по фольклору, но и краеведов, студентов, школьников, представлены фотографии из частных и государственных архивов. Книга предназначена для фольклористов, краеведов, этнографов и широкого круга читателей.

УДК 930.85(470.331)
ББК ТЗ(2Рос–4Тве)-7

ISBN 978-5-7609-0869-8

© Л. Н. Скаковская, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Тверской государственной
университет, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.....	5
-------------------------	---

IN MEMORIAM

<i>Мишурова Р. И.</i> Сорокино-село (памяти А. В. Гончаровой).....	7
<i>Редькин В. А.</i> В народном творчестве душа Руси великой.....	8
<i>Белецкая Е. М.</i> И снова всё о ней: слово об учителе.....	12
<i>Кириянов С. Н.</i> Сберегая слово.....	21

ТЕОРИЯ ФОЛЬКЛЮРА

<i>Кузьмина О. М.</i> Фронтальная музыкальная культура как часть бытовой жизни в эпоху Великой Отечественной войны (на примере традиции Тверского края).....	27
<i>Петров А. А., Тахтина А. Е.</i> Фольклор Кимрского края: перспективы изучения (по материалам индивидуальной практики 2011 г.).....	35
<i>Михайлова И. А.</i> Репертуар Н. Н. Жуковой: передача традиции в фольклоре.....	46
<i>Шитков А. В.</i> Часовня Ахтырской иконы Божьей Матери деревни Илейкино Старицкого района: история и современность.....	58

ЭКСПЕДИЦИИ

Полевые материалы из Спировского района: рукописная традиция <i>Подготовка текстов Харитонова В. С.</i>	65
Частушки Молоковского района Тверской области <i>Подготовка текстов Бердникова М. А.</i>	72
Жестокие романсы Андреапольского района Тверской области <i>Подготовка текстов Логунова А. И.</i>	78

АРХИВЫ

Песни села Рыбинское (Рыбинское-Заручье) Максатихинского района Тверской области <i>Подготовка текстов Концедайло Л. М., Петров А. А.</i>	88
Песни Калязинского района Тверской области из коллекции Л. М. Концедайло <i>Подготовка текстов Пиценко Т. И.</i>	97
Песни Торопецкого района Тверской области в частных и государственных архивах <i>Подготовка текстов Дмитриева А. С.</i>	100

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

<i>Скаковская Л. Н.</i> Функция фольклора в пространственно-временной организации русской исторической прозы второй половины XX века.....	110
<i>Богданова Е. А.</i> Фольклорные традиции в сказке «Тайна Волшебной лагуны, или Приключения дельфина по имени Динь» Н. О. Метлиной.....	119
<i>Николаева С. Ю.</i> Фольклорные мотивы в поэзии И. А. Бунина, Ю. П. Кузнецова, Н. И. Тряпкина.....	129

IN MEMORIAM

<i>Петров А. А.</i> Список научных и методических трудов А. В. Гончаровой.....	140
---	-----

Вместо предисловия

Сборник научных статей и публикаций, а также воспоминаний посвящен тверскому фольклористу и краеведу — Александре Васильевне Гончаровой.

А. В. Гончарова (Аракчеева) родилась 1 мая 1923 г. в деревне Борискове Тверского уезда (ныне — Калининского района Тверской области). В 1940 г. она окончила школу и поступила в Калининский государственный педагогический институт на факультет русского языка и литературы. Оккупация города во время Великой Отечественной войны прервала обучение. Студентка Аракчеева вместе с другими принимала участие в погрузочно-разгрузочных работах, дежурила в госпиталях, а в 1942 г. продолжила занятия в вузе. В последний год обучения она перевелась по семейным обстоятельствам в Московский областной пединститут, который окончила в 1944 г. В 1946 г. она поступила в аспирантуру в Калининский государственный педагогический институт к профессору А. М. Смирнову-Кутаческому, которого вспоминала до последних дней жизни с глубокой благодарностью. Защитив в 1948 г. кандидатскую диссертацию, посвященную проблеме районного исследования фольклора (на примере Ржевского района), А. В. Гончарова преподавала в Калининском пединституте им. М. И. Калинина, специализируясь в области фольклористики и русской литературы XX в.

Память о Великой Отечественной войне пронизывает всю научную работу А. В. Гончаровой. Она исследовала связь художественной прозы о войне с фольклором, народность и фольклоризм русской литературы. Именно этому была посвящена ее докторская диссертация «Устные рассказы о Великой Отечественной войне и советская художественная проза», защищенная в 1985 г. в Институте русской литературы Академии наук. А. В. Гончарова была профессором (1988), почетным работником Тверского университета (1997). Ей принадлежит большое число научных работ, в том числе книги «Устные рассказы Великой Отечественной войны» (1974), «Русский фольклор о Великой Отечественной войне» (1985), «Из истории культуры Тверского края» (совместно с Н. А. Забелиным, 1990), «У истока: Фольклорные традиции в русской литературе 1970–1990-х годов» (совместно с Л. Н. Скаковской, 2001), «Народные устные рассказы о Великой Отечественной войне и художественная проза 40–80-х годов» (2005). Она подготовила сборники фольклорной прозы «Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне» (1979), «Золотые зерна: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края» (два вы-

пуска: 1999, 2002). Собранные фольклорные материалы она передала в архив Института русской литературы (Пушкинский Дом) и в Государственный архив Тверской области.

А. В. Гончарова была увлеченным педагогом. Многие поколения студентов с благодарностью вспоминали и вспоминают ее уроки преданности русской культуре. Александра Васильевна никогда не расставалась с университетом. Выйдя на пенсию, она продолжала трудиться в качестве члена специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций, работала над книгами, статьями и воспоминаниями.

Скончалась Александра Васильевна Гончарова 26 мая 2009 г.

В 2013 году в зале редких книг Научной библиотеки ТвГУ во время проведения дней Славянской письменности и культуры состоялся круглый стол, посвященный памяти – 90 лет со дня рождения Александры Васильевны. На этом собрании было предложено выпустить сборник статей и публикаций, отражающих научные интересы Александры Васильевны – фольклор (полевые и архивные изыскания), его теоретическое осмысление, а также взаимоотношения устного народного творчества и литературы.

Составители

IN MEMORIAM

Р. И. Мишурова

СОРОКИНО-СЕЛО

Александре Васильевне Гончаровой¹

— Мама, когда построили
церковь в с. Намесково?
— Ее начали строить тогда,
когда провалилось под землю
село Сорокино вместе
с церковью и колокольней.

Из разговора с моей матерью

Скажи, не знаешь ли аула Бастунджи?

М. Ю. Лермонтов

По проселочной дороге
Я иду, взметая пыль.
Ах, село, село Сорокино —
Легенда или быль?
Ныне по соседству с ним
Есть Разморское — деревня,
Это что за топоним?
Даже близко не бывало
Здесь ни моря, ни реки.
Почему же так назвали
Это место земляки?
Помню, мать не разрешала
По болотине ходить,
Где в бездонные провалы
Можно сходу угодить.
Там «обманные» березы,
Елки. Весь болотный лес,
Где торговец из обоза
Прямо с лошадьё исчез.

¹ Это стихотворение прозвучало на круглом столе 21 мая. Его автор — краевед Раиса Ивановна Мишурова, знакомая Александры Васильевны. О легенде про Сорокино см.: Золотые зерна. Кн. 2: Сказки, народные рассказы Тверского края / Сост. А. В. Гончарова. Тверь: ЧуДо. 2002. С. 249, 327. *Прим. сост.*

Были и другие *были*
Всем известные окрест.
Здесь в округе люди жили,
Мая среднерусских мест.
...Вот в Намесково дорога,
Колокольня и погост,
Мне идти совсем немного,
По проселку путь мой прост.
На засеке отдыхаю,
У поваленной сосны,
С наслаждением вдыхая
Терпкий запах старины.
Свою память вопрошу я,
(Если время не смело),
Но у встречного спрошу я
Про Сорокино-село.

В. А. Редькин

В НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ДУША РУСИ ВЕЛИКОЙ

*Частушка, песня, сказ, рассказ —
Всё это было.
Для сердца всё, не напоказ —
Она любила.*

Я поступил учиться на историко-филологический факультет Калининского государственного педагогического института им. М. И. Калинина в 1958 году. В памяти всплывают яркими картинками, как на экране, впечатления того времени: знакомство с сокурсниками, обустройство в общежитии в комнате на семь человек, поездка в колхоз. Наконец, наступил первый день занятий. Читаем в расписании: устное народное творчество, доцент А. В. Гончарова. Я был городской житель, приехал из г. Риги, и мое представление о фольклоре ограничивалось несколькими сказками, которые я прочитал в детстве, и частушками с картинками, которые я только что слышал в колхозном клубе. Что тут можно изучать и для чего, — размышлял я. И вот вводная лекция Александры Васильевны Гончаровой. Фольклор — это национальное достояние, это богатейший клад с сюжетов, образов, мотивов, метафор и сравнений, это необыкновенное разнообразие жанров, мыслей и чувств. А наш богатейший русский фольклор еще полностью не собран, не издан. Преподавательница так горячо, заразительно, эмоционально и искренне говорила о народном слове, что буквально покорила аудиторию. Оказывается, великие русские писатели:

А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. А. Блок, М. А. Шолохов, произведениями которых я зачитывался в школе, *пили из живого родника народного творчества* и только поэтому достигли вершин. На занятиях А. В. Гончаровой я получил такой заряд любви к народному искусству, который пронес через всю свою жизнь. И, освещая различные грани творческой индивидуальности А. Твардовского, Н. Рыленкова, С. Есенина, Н. Тряпкина, Н. Рубцова, В. Шишкова или Ю. Кузнецова, я не забывал сказать о влиянии на них народного эпоса и лирики, использовании ими народной символики и идиоматических выражений. Это направление научной мысли, заложенное А. В. Гончаровой, я постарался передать и своим ученикам, нынешним докторам и кандидатам наук.

Свое лекторское слово А. В. Гончарова поддерживала организацией встреч студентов с фольклорными коллективами. Перед нами не раз выступал народный хор Пролетарки. Помню, как трогательно звучали народные песни в его исполнении. Наши девочки с удовольствием подпевали старушкам. Лекций нам казалось мало, и мы

ходили к Александре Васильевне в фольклорный кружок¹.

Когда в расписании на второй семестр мы увидели, что А. В. Гончарова будет преподавать у нас древнерусскую литературу, нашей радости не было предела. Ее лекции по этой дисциплине незабываемы. «Слово о полку Игореве» она знала наизусть, цитировала источники на древнерусском языке, который знала блестяще.

Много ценных советов А. В. Гончарова дала мне, когда я проходил педагогическую практику в школе уже на четвертом курсе. Запомнились ее доброта и почти материнская заботливость. Я дал несколько уроков по литературе, которые она оценила очень высоко. Остался последний контрольный урок. Но семейные обстоятельства сложились так, что мне необходимо было уехать в Москву. А на контрольный урок мог прийти с проверкой заведующий кафедрой профессор В. А. Никольский, тоже замечательный человек, но строгий и бескомпромиссный. Позже я узнал, что Александра Васильевна, отпустив меня на несколько дней, рисковала. Но она не была формалисткой, человечность и отзывчивость — одна из главных черт ее характера.

¹ См. это фото, воспроизводимое нами здесь, участников кружка 1959 года, где присутствует В. А. Редькин, в кн. *Гончарова А. В. Золотые зерна. Книга 2: Сказки, народные рассказы Тверского края*. Тверь: Чудо, 2002. С. 337. *Прим. сост.*

Прошло десять лет. Я закончил аспирантуру в Москве, защитил кандидатскую диссертацию и вновь оказался в стенах нашего ВУЗа, уже университета, в качестве преподавателя. И если кто порадовался этому, то именно А. В. Гончарова. Во мне она видела своего единомышленника. Мне тогда поручили читать курс литературы народов СССР, и она посоветовала начать его с изучения устного творчества разных народов нашей страны, что позволит выявить истоки национальной самобытности. Она уже в это время начала работать над докторской диссертацией и была очень занята, но находила время для общения. Вскоре мне поручили руководить фольклорной практикой студентов, предстояло выехать в Кашинский район, и снова пришлось обращаться к Александре Васильевне за консультациями.

Жизнь продолжалась. Меня по рекомендации В. А. Никольского отправили в длительную командировку в Польшу для работы в Лодзинском и Силезском университетах, а в это время А. В. Гончарова собрала и оформила великолепную коллекцию фольклорных материалов по Тверской области. Позже она передала ее на хранение в библиотеку Пушкинского Дома.

Новым словом в фольклористике была разработанная ею концепция устного народного рассказа как фольклорного жанра. Но, как это часто бывает, далеко не все ученые признали важность этого направления. После моего возвращения из Польши меня, вопреки моему желанию, избрали секретарем партийной организации филологического факультета, и теперь уже я старался помочь

своему учителю и наставнику. Докторская диссертация, работу над которой к тому времени закончила Гончарова, была посвящена роли устного народного творчества в произведениях М. А. Шолохова, что было для меня очень близким в творческом отношении. По моему приглашению в Тверь приехал известный литературовед и фольклорист П. С. Выходцев, работавший в то время руководителем одной из секций Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН). У меня с ним были близкие, доверительно-дружеские отношения. Я этим воспользовался и постарался ближе познакомить его с Александрой Васильевной. Она взялась провести с нами пешую экскурсию по Твери. Помню, как они восхищались старыми улочками города, деревянными постройками, резными наличниками на окнах и мечтали сохранить всё это для потомков. Конечно же, восхищение вызвал и наш старинный храм Белая Троица.

П. С. Выходцев, а позже и Д. С. Лихачев полностью поддержали идеи А. В. Гончаровой. Сложнее дело обстояло на ее родной кафедре, в нашем университете. Чтобы добиться представления диссертации к защите, пришлось организовывать совместное заседание кафедр истории русской литературы и советской литературы. Кафедра советской литературы, где я в то время работал, дала высокую оценку научному труду А. В. Гончаровой. Мы, ее ученики, которые работали на разных факультетах, выступили в защиту ученого на Ученом совете университета. Цель была достигнута, докторскую диссертацию А. В. Гончарова защитила, но сколько ей это стоило сил, нервов, здоровья!

В дальнейшем наши близкие, дружеские отношения только крепли. Александра Васильевна живо интересовалась не только моей работой в университете, моими научными трудами, но и моей личной судьбой, с интересом знакомилась с моими стихами. Старалась помочь добрым советом. Она поддерживала мою маму, которая, переехав ко мне из Риги, чувствовала себя очень одиноко. Довольно часто мы со Светланой Юрьевной Николаевой бывали у нее в гостях и по праздникам, и на днях рождения, и просто так проводывали ушедшую на пенсию коллегу. Она дарила нам книги из своей библиотеки, рассказывала о своей, полной драматизма, жизни. После этих встреч становилось теплее на душе.

И еще одна картина всплывает в памяти. Первая пасхальная служба в храме Трех исповедников (Воскресенской) г. Твери. Когда нам удалось добиться выселения сторонних организаций из здания церкви, началось ее восстановление. Я со своими студентами помогал в этом насколько мог: мы разбирали завалы, выносили мусор, старались освободить хотя бы часть помещения для службы. А. В. Гончарова целиком одобряла наше увлечение. И вот среди первых прихожан я вижу Александру Васильевну в платочке на голове, простой неяркой одежде. Она истово молится на икону Божьей Матери, которую кто-то пожертвовал в храм. И предстала она не преподавателем ВУЗа с большим стажем, не известным ученым, а простой русской женщиной, полной мудрости и веры, прожившей долгую и трудную жизнь.

Александра Васильевна была воцерковленным человеком. Ее посещения церкви были не данью моде, а глубоко выстраданным порывом души. В этом же храме по православному обычаю она и была отпета. Священник Александр Шабанов, который ее хорошо знал, нашел самые трогательные и утешительные слова, провожая ее душу в иной мир.

И СНОВА ВСЁ О НЕЙ: СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

*Общение никак не отменить,
И занятость моя не оправданье:
А вдруг это последнее свиданье
И больше встречи может и не быть?!
Общение ничем не заменить...*

23.03.2009 г.

...Я листаю страницы в папке стихов. Нашла! Вот они, весенние строчки, которые возникли по дороге домой, навеянные очередной, но не последней — предпоследней встречей с Александрой Васильевной Гончаровой. Почти все они проходили у нее дома и по ее инициативе. Обычно раздавался телефонный звонок, и хорошо знакомый голос произносил примерно следующее: «Что-то ты давно у меня не была, надо встретиться». Иногда следовала еще одна фраза: «И кое-что обсудить». Ссылаться на занятость или на какие-либо другие причины было бесполезно, и я всегда приезжала к Александре Васильевне по ее просьбе. Требовательность к себе, целеустремленность и обязательность, которые ей были присущи, невольно передавались и тем, кто с ней общался.

В тот год нам удалось встретиться еще раз, в апреле; в майские праздники ограничились поздравлениями по телефону, потому что весна, вместо подарка ко дню ее рождения, принесла ухудшение здоровья. В конце месяца я уехала на научную конференцию в Государственный республиканский центр русского фольклора (кстати, именно с подачи А. В. Гончаровой я начала ездить сначала на ноябрьские, а потом на майские конференции в ГРЦРФ), а когда вернулась, Александры Васильевны уже не было в живых...

Боль утраты долго не проходила. Я потеряла старшего друга, наставника, замечательного Учителя, уникального человека, наделенного щедрой душой и твердым характером, которого знала почти сорок лет. Такие люди встречаются в жизни достаточно редко, и я благодарна судьбе за то, что она дала мне возможность столь длительного общения — профессионального, педагогического и просто человеческого — с Александрой Васильевной Гончаровой.

А начиналось все так: познакомились мы в Ленинграде, в Пушкинском Доме (ИРЛИ), на научной конференции, посвященной проблеме взаимоотношений фольклора и литературы. Александра Васильевна выступала с докладом, я присутствовала как аспирантка-заочница сектора фольклора. Вторая встреча, положившая начало длительному общению, состоя-

лась зимой 1975/76 учебного года, уже в Калинин, куда я была направлена на курсы повышения квалификации, так как работала в должности ассистента кафедры русской и зарубежной литературы Чечено-Ингушского государственного университета (в основном вела практические занятия по фольклору и древнерусской литературе). В тот год А. В. Гончарова читала курс древнерусской литературы.

Свои посещения занятий доцента Гончаровой я помню так хорошо, как будто это было вчера, так они меня поразили. Это было какое-то чудодейство, а если перевести на научный язык — настоящее профессионально-педагогическое творчество. Действительно, что обычно дают педагоги в качестве домашнего задания? Прочитать текст произведения, чаще всего в переводе, по хрестоматии, выучить наизусть отрывок, ответить на вопросы по содержанию, найти и прокомментировать художественные приемы, использованные безымянным автором, и т. п. А на занятиях Александры Васильевны звучали отрывки из «Слова о полку Игореве» в стихотворных переводах с древнерусского, сделанных самими студентами. Оказывается, это было домашнее задание. Студенты читали свои стихи, а я их слушала и не переставала удивляться.

Заинтересовала меня и вышедшая в 1974 году книга Гончаровой, которую удалось купить в Калинин: «Устные рассказы Великой Отечественной войны»¹. В фольклористике несказочная проза была представлена преимущественно сказаниями, преданиями и легендами. Устные рассказы тогда еще только начинали изучать, причем не как самостоятельный жанр, предметом изучения становился социально-исторический аспект². В вузовских учебниках устные рассказы практически не изучались.

Судьба свела нас еще раз, снова в Ленинграде, осенью 1986 года, когда у меня кончался срок двухмесячных курсов повышения квалификации. В конце октября на заседании Ученого совета утверждали решение сектора фольклора ИРЛИ о допуске к защите моей кандидатской диссертации по песням гребенских казаков. Александра Васильевна выступала там же с научным докладом по теме своей докторской диссертации: «Устные рассказы о Великой Отечественной войне и советская художественная проза». Потом мы гуляли по городу-музею Ленинграду, прошли по набережной р. Мойки; говорили о Пушкине, вспоминали и других поэтов и писателей, жизнь и творчество которых были связаны с городом белых ночей...

В Тверь я переехала из Грозного в 1994 году. Начала работать в уни-

¹ Гончарова А. В. Устные рассказы Великой Отечественной войны: Спецкурс / Ред. Н. А. Гуляев. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1974. 174 с.

² Например, раздел «Устные рассказы рабочих крепостной эпохи» в главе II академического издания очерков по истории русского народного поэтического творчества. См. Русское народное поэтическое творчество: Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII — первой половины XIX века. Т. II. Кн. 1. М.; Л.: АН СССР, 1955. С. 89—100.

верситете, но не на филологическом факультете. Встретились мы с Александрой Васильевной случайно, в областной библиотеке им. А. М. Горького, а потом стали видеться регулярно, но уже в другой библиотеке, им. А. И. Герцена, где проходили заседания Клуба краеведов.

У профессора Гончаровой был дар вовлекать в поле своих интересов и деятельности других людей, находить союзников и единомышленников. Она всегда волновалась, когда сама выступала с докладом, хотя говорила увлеченно, обстоятельно, прекрасно ориентируясь в материале, поражая слушателей своей эрудицией. Уговорила и меня выступить на одном из заседаний клуба. Темой того доклада стали частушки Великой Отечественной войны, присланные в Калининский Дом народного творчества на конкурс в 1944–1945 годах и хранившиеся в ГАТО. Позже часть архивных материалов была опубликована нашей университетской типографией в небольшом сборнике «На Калининском на фронте»¹. Так мы оказались в одном тематическом пространстве: Великая Отечественная война и частушки, которыми увлекалась еще студентка Александра Аракчеева.

После одной из вузовских научных конференций, на которой мы опять, не сговариваясь, встретились, Александра Васильевна предложила продолжить обсуждение услышанных докладов у нее дома. Первое, на что я обратила внимание в ее кабинете, — обилие книг. Редкие издания монографий и сборников, книги с автографами известных ученых, авторские публикации. Не удержалась, попросила одну из книг, которые в библиотеках хранятся в отделе редких, взять на время домой и получила согласие хозяйки. Зная, как ученые дорожат книгами из своих библиотек и боятся их потерять, по достоинству оценила степень ее доверия к людям и щедрость души.

В маленькой кухне я заметила куклу в народном костюме на заварном чайнике. Оказывается, изготовлением таких кукол занимается ее внучка Оля, студентка исторического факультета ТвГУ, настоящая рукодельница! И наряды им сама придумывает. Примечательно, что ни одно мое посещение этой уютной квартиры не обходилось без угощения. Это был своеобразный ритуал. Александра Васильевна ставила на газ чайник, нарезала сыр и колбасу на бутерброды, удивляла еще чем-нибудь вкусеньким; иногда заставляла меня съесть полный обед, несмотря на мои попытки протестовать. Пили свежесваренный чай, а потом переходили в кабинет и принимались за пищу духовную.

Это были и рассказы о прошлом, и обмен мнениями по тем или иным

¹ На Калининском на фронте: Частушки Великой Отечественной войны: Хрестоматия / Сост. Е. М. Белецкая. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. 64 с.

проблемам фольклористики. И хотя Александра Васильевна по научным взглядам была ближе к Московской школе, переписывалась и перезванивалась с В. П. Аникиным, возглавлявшим долгое время кафедру фольклора в МГУ, а я шла по стопам Б. Н. Путилова и отдавала предпочтение ленинградцам, общий язык с профессором Гончаровой мы всегда находили. Впрочем, и среди ленинградцев у Александры Васильевны было много единомышленников и друзей: П. С. Выходцев, В. Е. Гусев, А. А. Горелов и, конечно же, М. Я. Мельц и В. И. Жекулина.

Рассказывала Александра Васильевна о своих студенческих годах, прерванных оккупацией Калинина, о трудностях военного времени. Вместе с остальными студентами дежурила в госпиталях, приходилось иногда и грузчиками становиться, ведь шла война. Надо было и за маленькими племянниками присматривать, потому что их мама работала в три смены, а отец-фронтовик после тяжелого ранения находился на длительном лечении в госпитале, причем в другом городе. Из-за этого пришлось переехать в Москву, где она сразу поступила на четвертый курс Московского областного педагогического института (МОПИ). После окончания вуза и работы в Шатуре, куда была направлена по распределению, вернулась в родной Калинин.

Еще до отъезда в Москву, будучи студенткой Калининского пединститута, Александра Аракчеева¹ слушала лекции по фольклору, а затем и по другим курсам (по истории древнерусской литературы, XVIII века, затем истории XIX века), которые читал Алексей Матвеевич Смирнов-Кутаческий. Его, по словам Александры Васильевны, всегда отличала глубокая серьезность и самостоятельность суждений. В мае 1945 года произошла новая встреча вернувшейся в Калинин выпускницы пединститута со своим вузовским преподавателем, который предложил ей учебу в аспирантуре.

Из воспоминаний Александры Васильевны я узнала, с каким интересом ученый относился к современному фольклору, особенно к частушкам, с каким удовольствием с кафедры передавал их экспрессивную силу: «На стене висит пальто, / Меня не сватает никто. / Пойду, выйду, закричу: / — Караул, замуж хочу!» Мне запомнился еще один эпизод из ее биографии. «А ведь я и Смирнову-Кутаческому приглянулась за частушки», — как-то призналась мне Александра Васильевна и рассказала, как это произошло.

Во время дежурства в госпитале, расположенном в школе № 16, в палату, где находились студентки, незаметно вошел Алексей Матвеевич. Девушки читали раненым художественные произведения, в том числе повесть Ванды Василевской «Радуга». Вдруг «вспыхнул разговор о частушках», и Александра привела свои любимые: «Девушки молоденьки, / Не

¹ Я как-то сказала Александре Васильевне, что ее требовательность, напористость, деловитость определялись и ее девичьей фамилией — Аракчеева; в ответ она рассказала любопытную историю появления этой фамилии в их семье.

будьте гордоватые. /Любите раненых ребят, / Они не виноватые. / Они не где-нибудь — в бою / Сгубили молодость свою». Этот случай Алексей Матвеевич вспомнил позже, когда зашел разговор об аспирантуре¹.

Рассказ Александры Васильевны о своем научном руководителе изредка прерывался моими вопросами: «А что значит вторая часть фамилии — “Кутаческий”? Кто еще учился тогда вместе с Вами в аспирантуре? Какие курсы были общими для всех? Кто их читал?» и т. д. И на каждый вопрос я получала исчерпывающий ответ, причем с перечислением фамилий, имен и отчеств (как аспирантов, так и преподавателей — память у А. В. Гончаровой была отличная!), с такими подробностями, о которых я бы никогда не узнала из письменных источников, — например, о том, что старые поезда (быстроходных электричек тогда еще не было), которые преодолевали расстояние между Москвой и Калинином за 5—6 часов, не отапливались, что «проезд в той же электричке был закрыт: было много шпионов» и др.

А еще я узнала, что аспиранты читали лекции студентам старших курсов, и среди них был Андрей Дементьев, тот самый, который потом стал известным поэтом, автором моего любимого стихотворения, в котором повторяются строки: «А мне приснился сон, что Пушкин был спасен», и других замечательных стихов. Он тоже слушал лекции Александры Васильевны.

Наверное, стоит остановиться на двойной фамилии А. М. Смирнова-Кутаческого. Смирнов — одна из самых распространенных русских фамилий, поэтому присоединенная вторая часть подчеркивала, откуда он родом — из села Кутаки². Александра Васильевна рассказывала, что из Кутаков крестьянские остроловы уходили скоморошить по матушке Руси. По преданию, в память о прежней традиции сохранилось название села: кутаки — значит, «скоморохи».

В 2000 году мы с Александрой Васильевной принимали участие в научно-практической конференции, организованной Архивным отделом Администрации Тверской области, Тверским областным краеведческим обществом и Тверским отделением Российского общества историков-архивистов. Доклад Гончаровой, связанный с именем А. М. Смирнова-Кутаческого, опубликован в материалах конференции, где и объяснялось название села, в котором родился ее будущий научный руководитель³.

¹ Впоследствии эти воспоминания были опубликованы в сборнике, посвященном личности и научному наследию ученого. См.: *Гончарова А. В.* Каким помнится мне Алексей Матвеевич Смирнов-Кутаческий // А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. С. 35.

² Сам А. М. Смирнов-Кутаческий указывал в «Автобиографии» место рождения село Кутаки в Дмитровском уезде бывшей Московской губернии. См. *Смирнов-Кутаческий А. М.* Автобиография // Там же. С. 10. *Прим. сост.*

³ *Гончарова А. В.* Воспоминания о старом учителе: К истории создания личного фонда

Никогда не забуду, как Александра Васильевна «направила» меня в докторантуру. Это было на юбилейном заседании Клуба краеведов, проходившем в библиотеке им. А. И. Герцена. Доктор наук, профессор Гончарова обратилась к сидящему рядом М. В. Строганову с прямым вопросом: «Ты обещал взять Е. М. Белецкую в докторантуру?» — «Обещал», — ответил он несколько обескураженный. — «Так выполняй свое обещание!» Честно говоря, меня это еще больше ошеломило, настолько неожиданным было такое развитие событий. В докторантуру годом раньше поступил мой бывший студент В. В. Сдобнов, который учился в Чечено-Ингушском университете, когда я там уже работала, а теперь он сам преподавал на кафедре истории русской литературы Тверского государственного университета.

И уже осенью 2001 года я уже была докторантом кафедры. Более того, после окончания срока, отведенного для написания диссертации, уже готовой к защите, первым вопросом, который мне задавала А. В. Гончарова, был всегда один и тот же: «Ты когда будешь защищаться?!?» Затем следовали убеждения, насколько это для меня необходимо, и даже требования сделать это в самом ближайшем будущем. В этом, пожалуй, отразилась наиболее яркая черта ее характера: не успокаиваться, не останавливаться на достигнутом, доводить все до конца и буквально заставлять окружающих следовать ее примеру. И все это — невзирая на возраст.

Вспомнилась еще одна история, запечатленная на страницах «Тверской жизни» 5 мая 1998 года, как своеобразный подарок любимому преподавателю к 75-летию. Заметка называлась «И это всё о ней» и представляла собой запись беседы двух аспирантов А. В. Гончаровой — С. Н. Кирьянова и Г. М. Григорьевой и доцента ТвГУ Е. М. Белецкой. Беседа состоялась в библиотеке им. А. М. Горького. Каждый из присутствующих делился своими впечатлениями от общения с Александрой Васильевной. С. Н. Кирьянов отметил, что студентов она приобщала не только к стихам, но и к серьезной научной работе, в том числе с архивными материалами. «В рукописи сборника “Золотые зерна”, — сказал Сергей, — указана и моя фамилия. Далек не каждый ученый сошлется на фамилию студента, принимавшего участие в подготовке его труда»¹.

Г. М. Григорьева поделилась своими впечатлениями о восприятии лекций Александры Васильевны по фольклору и древнерусской литературе («У нее великолепная память!») и о том, что на спецсеминарах знакомились с устными рассказами о Великой Отечественной войне по архивам и ее монографии, а тема «Фольклор и литература» определила научные ин-

А. М. Смирнова-Кутаческого (1876—1958) // Личные фонды и коллекции тверских краеведов в архивах: Материалы научно-практической конференции (Тверь, 15 июня 2000 г.). Тверь: ГЕРС, 2000. С. 31.

¹ Гончарова А. В. Золотые зерна: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция, 1999. С. 6, 13.

тересы аспирантки. Галина обратила внимание еще на одну особенность Александры Васильевны: она никогда не откажет в помощи (кстати, я сама убеждалась в этом неоднократно).

В общем разговоре я тоже участвовала, но так как мне доверили оформить запись беседы и подготовить ее к печати, то пришлось придумать... псевдоним. Девичья фамилия моей мамы — Данилочкина, первые две буквы «ушли» в имя — Дарья или Даша, осталась Нилочкина, — чем не фамилия? Вот так и появилась заключительная фраза: беседу аспирантов Г. М. Григорьевой и С. Н. Кирьянова и доцента ТвГУ Е. М. Белецкой записала Д. Нилочкина.

Увлечлась раскрытием тайны псевдонима и чуть не забыла о самом главном, ради чего мы тогда собрались, — о тексте поздравления «уважаемого преподавателя с 50-летним стажем, доктора филологических наук» с пожеланиями ей «долгих лет жизни, внимания окружающих, осуществления всех творческих замыслов, новых сборников и монографий и, конечно, человеческого счастья». Там же была помещена майская фотография А. В. Гончаровой на фоне книжного шкафа в домашнем кабинете¹.

К восьмидесятилетию почетного работника Тверского университета (1997), действующего члена специализированного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций филологический факультет подготовил сборник научных трудов, в котором были представлены статьи двадцати одного автора, включая юбиляра². Это была шестидесятая публикация Александры Васильевны, а всего их было 67, причем последняя статья вышла в 2008 году³.

В моей личной библиотеке немало печатных работ А. В. Гончаровой. Одни — с автографами, другие — без них. Вторых больше, по той простой причине, что иногда я имела возможность познакомиться с ее статьями в своем авторском экземпляре. Иными словами, мы часто печатались в одних и тех же научных сборниках. А вот с монографиями и сборниками фольклорных текстов все было по-другому. Они всегда были подписаны автором⁴.

Честно говоря, про автографы в личной библиотеке можно написать целое исследование: ведь это живые голоса дорогих и близких по духу людей. Многие из них уже никогда ничего не напишут, потому что их уже нет на этом свете. Но их чувства, их отношение к тем, кому они дарили

¹ Григорьева Г. М., Кирьянов С. Н., Белецкая Е. М. (Нилочкина Д.) И это всё о ней // Тверская жизнь. 1998. 5 мая. № 80. С. 3.

² Художественные традиции в русской литературе: К 80-летию профессора А. В. Гончаровой: Сб. науч. тр. / Ред. С. Ю. Николаева. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. 162 с.

³ Гончарова А. В. Каким помнится мне Алексей Матвеевич Смирнов-Кутаческий... С. 28—40.

⁴ См. автографы А. В. Гончаровой, помещенные в Приложении к статье.

свои труды, запечатлены в автографах.

Одна из первых работ, подаренных мне Александрой Васильевной, называлась «Моя историческая родина». Она была опубликована в журнале «Русская провинция»¹. Это не просто исследование ученого-краеведа, это взволнованный рассказ о своей малой родине, о своей семье, родных и близких. Никакой пересказ не заменит слов автора, в которых отразились крестьянские корни и прирожденная культура родной речи. Авторский текст надо прочитать самому, ощущая вкус каждого удачно найденного слова, докапываясь до глубины вложенного в него смысла.

Потом последовали бесценные «Золотые зерна», первая и вторая книги. Это сборники сказок и устных рассказов, это «серебряные родники» — истоки народного творчества, с любовью собранные, набранные и опубликованные Александрой Васильевной и ее помощниками. О реакции на эти книги красноречиво говорят рецензии и отзывы, написанные маститыми учеными, коллегами, журналистами. Среди них В. П. Аникин и Т. Маркова, М. Я. Мельц и М. Сивакова, С. Н. Кирьянов и Н. Серов. Если собрать воедино все, что написано о работах А. В. Гончаровой и о ней самой, то получится небольшая библиотека: в «Вестнике ТвГУ» за 2010 год перечислено 52 публикации².

В этом году Александре Васильевне исполнилось бы 90 лет. Этот юбилей отмечался в Дни славянской письменности и культуры. В научной библиотеке университета 21 мая прошел «Круглый стол», посвященный памяти профессора А. В. Гончаровой. Гости познакомились с выставкой ее печатных работ. В непринужденной обстановке читального зала в откровениях людей, которые много лет знали Гончарову, открылись какие-то новые штрихи к ее портрету. Об этом проникновенно написала Татьяна Георгиева³.

В завершении круглого стола каждый из его участников мог выбрать себе подарок — книгу из личной библиотеки А. В. Гончаровой. Мы брали с собой частицу ее щедрой души, воплотившейся в детях, ее любви к людям. Есть поверье, что душа не умирает; не зря у наших пращуров бытовал культ предков. О бессмертии души пишут в церковных книгах. Духовно человек действительно живет, несмотря на факт физической смерти: «Пока о человеке помнят, он живой, умрет он лишь в беспомытстве забвенья». Мы — помним, и свидетельством этого явилась еще одна статья, опубликованная в той же газете в преддверие юбилея; в ней Татьяна Маркова рассказала о своем посещении Александры Васильевны Гончаровой накануне ее восьмидесятилетия.

¹ Гончарова А. В. Моя историческая родина // Русская провинция. 1998. № 4. С. 83—93.

² Петров А. А., Строганов М. В. Александра Васильевна Гончарова. Список научных и методических трудов А. В. Гончаровой. Публикации о А. В. Гончаровой // Вестник ТвГУ. 2010. № 4. Серия «Филология». Вып. 2. С. 263—274.

³ Георгиева Татьяна В поле ее любви // Тверская жизнь. 2013. 24 мая. № 96. С. 8.

Фотографии, интересные биографические детали, воспоминания Александры Васильевны о своем деде, который сорок лет возил почту в Емельяново, в любую погоду, и как его встречали дома, согревая зимой горячим чаем из самовара, и многие другие факты насыщают эту публикацию. Особенно запомнились мне слова старшей дочери Александры Васильевны, Татьяны, приведенные в статье: «Мама научила меня любить: искренне, беззаветно, преданно, как любила она нас, своих детей, студентов, свою Родину. Любить жизнь!»¹ А я вспомнила, как в одну из первых наших встреч, когда Александра Васильевна узнала, где я работаю, она сказала, что ее младшая дочь Ирина тоже работает на Соминке, и добавила: «Я хочу, чтобы вы подружились». Так оно есть.

Подводя итог всему сказанному, хочу добавить следующее: сочетание безграничного человеколюбия с принципиальностью и требовательностью к себе и другим дает основание считать А. В. Гончарову эталоном гражданственности и порядочности как в науке, так и в обычной жизни. Монографии об устных рассказах, тем более на материале Великой Отечественной войны — несомненно, весомый вклад в российскую фольклористику, удачное соединение анализа фольклорного материала и литературного творчества писателей XX века. Это, без преувеличения, новое слово в науке, не всеми и не сразу принятое, но все-таки пробившее себе дорогу и получившее признание ученых. Ведь все новое, как правило, рушит наши прежние представления; к новому надо привыкнуть, разобраться в нем, чтобы оценить по достоинству. Такой сложный путь к славе был и у Александры Васильевны Гончаровой, и она с честью прошла его от начала до конца.

П р и л о ж е н и е

А в т о г р а ф ы А . В . Г о н ч а р о в о й

1999

Дорогой Екатерине Михайловне Белецкой. Желаю мирного счастья на тверской земле.

18.02.2000 г.²

¹ Маркова Татьяна Золотые зерна серебряных родников: Вспоминая Александру Гончарову // Тверская жизнь. 2013. 30 апреля. № 82. С. 4.

² Гончарова А. В. Золотые зерна: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция, 1999. 344 с.

2002

Екатерине Михайловне Белецкой — единомышленнику на ниве русской культуры и другу, приятелю.

5 марта 2002 г.¹

2003

Со словами посвящения: «Детям и внукам моим, а также светлой памяти братьев-фронтовиков посвящается эта книга».

Дорогой Екатерине Михайловне Белецкой с пожеланием скорейшей защиты докторской диссертации.

28 января 2003 г.²

2005

Дорогой Екатерине Михайловне Белецкой.

Ты еще в Питере сумела прильнуть к моей душе.

Желаю здоровья, скорейшей успешной защиты.

Мир дому твоему, Катюша!

От автора.

Май 2005 года³.

2006

Дорогой Екатерине Михайловне Белецкой, которая, как истинный фольклорист, может оценить по достоинству открытие жанра народного устного рассказа.

17.04.06.⁴

С. Н. Кирьянов

СБЕРЕГАЯ СЛОВО

Слово не воробей... Но как порой много значит к месту сказанная фраза, невзначай оброненное замечание. Слово было вначале, слово есть сейчас, слово останется в веках. Услышанное, пойманное и сохраненное Слово.

¹ Гончарова А. В., Скаковская Л. Н. У истока: Фольклорные традиции в русской литературе 1970—90-х годов: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 240 с.

² Гончарова А. В. Золотые зерна. Книга 2: Сказки, народные рассказы Тверского края. Тверь: Чудо, 2002. 348 с.

³ Гончарова А. В. Народные устные рассказы о Великой Отечественной войне и художественная проза 40—80-х годов: Монография. Тверь: Золотая буква, 2005. 296 с.

⁴ Гончарова А. В. Народный устный рассказ как жанр фольклора (на материале художественной прозы 40—80-х годов). Тверь: Золотая буква, 2006. 296 с.

Делу сохранения «летучего» слова посвятила всю свою жизнь профессор А. В. Гончарова. На моей книжной полке среди книг с автографами авторов работы Александры Васильевны занимают особое место. Это выстраданные, прошедшее сквозь душу, счастье и горе, смех и слезы, пот и кровь сотен рассказчиков, поделившихся своими выдуманными и правдивыми историями. Историями, которые мы знаем благодаря труду Александры Васильевны.

Книга А. В. Гончаровой — доктора филологических наук, фольклориста, литературоведа «Золотые зерна» — первое целостное издание народных русских сказок и несказочной прозы (легенд, преданий, мемуарных рассказов, анекдотов) древней Тверской земли, входящей в исторический центр России. Более того, в книге собран уникальный фольклорный материал, нигде до этого не публиковавшийся. В основу легли материалы, хранящиеся в государственном архиве Тверской области (ГАТО), архиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург (ИРЛИ), архиве научной библиотеки Тверского государственного университета (ТвГУ) и частных архивах. Исключение составляют лишь сказки, легенды, анекдоты (15 текстов) из сборника А. Н. Афанасьева, ставшие классикой народного искусства. Именно сказки афанасьевского сборника открывают «Золотые зерна». Здесь составителю пришлось отойти от общепринятой в современной фольклористике классификации материала по сказочникам и рассказчикам и пойти вслед за Афанасьевым, расположив тексты по их тематике (сказки о животных, волшебные сказки и т. д.) В дальнейшем принцип классификации по сказочникам последовательно соблюдается. Материал сборника скомпонован по уровню художественного мастерства сказителя и по числу записанных от него текстов начиная с Н. С. Сидорова, сохранившееся наследие которого 34 сказки (из 60 записанных), и заканчивая исполнителями единичных произведений. Классификация текстов в рамках репертуара сказителя — афанасьевская (сказки о животных, волшебные, бытовые сказки, предания, легенды, анекдоты, устные мемуарные рассказы).

Открывая книгу, мы не только слышим живое слово старины, а некоторые сказки, безусловно, восходят к древним языческим мифам, но и чувствуем сопричастность этой культуре, читая помещенные в Примечания к сборнику биографические справки сказителей. Это не скупое перечисление почти «немых» дат — здесь ощущается душевная теплота и тонкое человеческое чутье автора-составителя к подборке материала. Так, о Н. С. Сидорове сказано, что «„это бодрый 72-летний старик, с ласковыми, мудрыми глазами и с такой же ласковой и мудрой речью.” Он хорошо помнил мотивы множества песен и даже играл на жалейке. Но главное его пристрастие — сказки и рассказы, за которые его называли Толстым, а ху-

тор, где он жил, называли Ясной Поляной»¹. И так же о многих других. К сожалению, реконструировать жизненный путь всех сказителей не представляется возможным.

Широка тверская география сказок: здесь материалы экспедиций в Андреапольский, Бежецкий, Бологовский, Калининский, Конаковский, Лихославльский, Торжокский районы, Максатиху, Селижарово и т. д. В изданиях местного фольклора принято выделять региональные особенности. Тверская земля — водораздел трех великих рек, сплетение сосудов восточнославянской жизни не только в географическом, историческом, но и в этнографическом, культурном отношениях. В легендах, преданиях, мемуарных рассказах местный колорит очевиден: топонимика, исторические события, люди, оставившие свой след в летописях родного края. Поразительно прекрасны в своей искренней простоте предания о происхождении сел, деревень, названиях лесов, полян. Это «Предание о деревнях Восцы и Сахариха», «Предание о деревне Тутань», «Название „Кесова Гора”». Просто завораживают «Легенда о Днепре, Волге и Западной Двине», «Вазуза и Волга», «Легенда об Оковцах», «Легенда об образе Рождества Христова», «Легенда про чудотворную икону Николы-Чудотворца». Болью и памятью о героизме тверских ратников пронизаны «Легенда о кровавом потоке», военные рассказы «На немецких танках», «Пишут родным, что я погиб», «Половченя — легендарный герой» и т. д. Со сказками сложнее. Тверской фольклор можно назвать общерусским. Особенности его определяются своеобразным варьированием сюжетных линий. Так, сказки «Бык» и «Как свинья орехи грызть ходила» (Н. К. Пухлов и П. П. и А. М. Хитровы) восходят к сюжету «Зимовье зверей», но повествуют об иных животных, с иными повадками. Сказка «Пошел бык от зимы лето искать» (Е. Иванов) динамично изображает животных: борова, барана, петуха, гуся. У каждого свой характер: боров норовит подрывать столбы, баран — ударить в стену лбом и т. д. Встречаются и уникальные тексты, не зарегистрированные ни одним указателем. Таковы две «Былинки» (Н. К. Пухлов), сказка «Мужик и дятелок» (Н. С. Сидоров) и другие.

В «Золотых зернах» отражена более чем вековая эволюция прозаических жанров тверского фольклора: начиная с 40—50-х годов XIX века по XX век. Характерная жанровая особенность тверских сказок — устойчивая тенденция «угасания» волшебных сказок на фоне «процветания» бытовых, новеллистических сказок. Из 34 текстов Н. С. Сидорова свыше 20 бытовых, из 13 текстов М. Ф. Фомина более половины бытовых, у М. К. Пухлова из 9 сказок 6 бытовых. В Тверском регионе получили значительное распространение сказки про Ивана-дурака, семейно-бытовые сказки, сказки о женитьбе, о супружеской неверности, о ловком работнике, о барине и попе, об удалом воре, об исправлении ленивых и строптивых

¹ Золотые зерна: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция. 1999. С. 299.

жен. Искрометный юмор, едкая ирония, христианская мораль, высокая эстетическая ценность — вот те отличительные черты, которые позволяют поставить сказки из сборника А. В. Гончаровой в один ряд с шедеврами мирового художественного слова.

«Золотые зерна» снабжены научным аппаратом, выполненным на высоком уровне. Примечания составителя отличаются полнотой и корректностью, они плод кропотливого труда. На все сказки, включая собранные А. Н. Афанасьевым, дается ссылка на номера «Сравнительного указателя сюжетов. Восточнославянская сказка»¹. Отсутствие ссылки на указатель свидетельствует об уникальности текста.

Работа над «Зернами» имеет большое значение в лингвистическом аспекте: здесь содержатся ценные данные для исследователей народных говоров Тверской области, которая в силу исторических причин отличается чрезвычайно сложным диалектологическим ландшафтом. В Приложениях помещены четыре сказки в первоизданном виде, как они существуют в архивных фондах. Это, по словам А. В. Гончаровой, «непричесанные „лохматые” сказки»: «Надзей, папов унук» (Ржевский уезд, рубеж 40–50-х годов XIX века), «Про Климку-вора» (Селигеро-Торжокский регион, 1936 год), «Интересная птица» (1937 год), «Хрустальный мост» (1925 год). Некоторые сказки сборника были подвергнуты в большей или меньшей степени редакторской правке. Возникает вопрос о правомерности внесения каких-либо изменений в структуру фольклорного материала. Однако следует помнить, что книга адресована прежде всего широкому кругу читателей, и включение в него только «лохматых» сказок, а также редакторских правок, например, в скобках, могло существенно затруднить его восприятие.

Особо хочется отметить общий дизайн книги, иронические иллюстрации, а также немаловажную деталь, придающую оформлению художественно-эстетическую спаянность с содержанием — портреты Н. Сидорова, М. Пухлова, О. Бишева, восстановленные по старым фотографиям.

Это подвижнический труд ученого в деле собирания и сохранения «золотых зерен» мудрости народной. И «Золотые зерна» дали ростки — новые замечательные публикации.

Полевые записи фольклора Тверской и сопредельных областей были сданы профессором А. В. Гончаровой в архив Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук в Санкт-Петербурге, объем коллекции номер 281 – 60 папок. Весьма ценны устные рассказы о Великой Отечественной войне.

Эта работа приобретает особую актуальность в связи с насущной потребностью в воспитании уважения к национальным традициям, к своему языку, к памяти предков.

¹ Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 440 с.

Книга «Народные устные рассказы о Великой Отечественной войне и художественная проза 40–80-х годов» – личная победа автора. Уж очень долго и трудно шла она к читателю.

Устные народные рассказы как фольклорный жанр известны достаточно давно. Однако так уж получилось, что их долгое время игнорировали и собиратели, и ученые. В книге А. В. Гончаровой впервые представлена теория народного рассказа на материале устных рассказов о Великой Отечественной войне и дан анализ их взаимосвязи с художественной прозой 40–80-х годов.

Материал книги – записи устных рассказов, рассеянные по разным изданиям, хранящиеся в крупнейших архивах страны, личном архиве автора. Для тверитян же особенно ценны рассказы, записанные во время экспедиций Тверского государственного университета (бывшего Калининского пединститута) в местах ожесточенных боев: в Ржевском, Торжокском, Оленинском, Калининском, Пеновском, Максатихинском, Весьегонском, Бельском, Старицком и других районах.

Вот оно мастерство и вера ученого, влюбленность в профессию и жизнь, которую военное лихолетье не обошло стороной. Читая рассказы, по-новому смотришь на известную из учебников и кино войну. Здесь скрупулезный научный анализ жанровой специфики сменяется чередой великолепных рассказов. В ином ключе воспринимаются и знакомые со школы произведения классиков. Взаимодействие фольклора и литературы – исторически закономерный процесс, принципы которого постичь стремятся многие филологи. А. В. Гончарова делает это с легкостью. Потому, прочитав книгу, можно не только понять сложные вещи, но и получить удовольствие от самого чтения.

Конечно, А. В. Гончарова не пытается разыскать в архивах рассказ неизвестного солдата и дословно сопоставить его с литературным произведением. Освоение устного военного рассказа литературой – процесс сложный. И время здесь играет не последнюю роль. Произведения военных и первых послевоенных лет обильно насыщены рассказами очевидцев: от мемуарных до анекдотических. И это понятно: писателям требовалась острота эмоций, непосредственность. Да и сможем ли мы с достаточной уверенностью разграничить рассказы бойцов на привале от заметок фронтовых корреспондентов, которые вместе со всеми шли в атаку, только с фотокамерой и блокнотом.

Что же привлекает в подчас сбивчивом, «лохматом» рассказе? Почему мы при случае слушали байки стариков о гражданской, о Великой Отечественной? Манила прежде всего эмоция рассказчика, его язык, живой, плотный, пересыпанный подчас такими колоритными выраженьицами, которые специально-то и не выдумаешь. А манера рассказывания! Да сам человек, наконец!

Герой рассказа, вроде бы обычный человек, подчас превращается в фольклорного чудо-богатыря, которого и погибель не берет. «В это время одна пуля пробила ухо, другая вошла пониже правого виска, а вышла с противоположной стороны из нижней челюсти. Тут же разорвалась граната: одним осколком оторвало большой палец правой руки, другим – ранен в правую руку, а еще один в левый бок угодил, в легкое, и целая куча вонзилась в подбородок... мой танк взорвался». А рассказчик еще помогает (!) снять вооружение с другого танка, чтобы не досталось врагу, спасает (!) его экипаж. И только «когда очутился ближе к своим – потерял сознание». Вот они – созданный А. Твардовским Василий Теркин, шолоховские Лопухины, Звягинцевы, Некрасовы, Соколовы и сотни других литературных персонажей, простых солдат, героев, вернувшихся и навечно оставшихся на Великой Отечественной.

Народные рассказы о Великой Отечественной войне не просто бесстрастное исследование ученого А. В. Гончаровой. Это в первую очередь дань памяти тем, кто выстоял в ту войну. И за это земной поклон Александре Васильевне.

ТЕОРИЯ ФОЛЬКЛОРА

О. М. Кузьмина

ФРОНТОВАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ЧАСТЬ БЫТОВОЙ ЖИЗНИ В ЭПОХУ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (на примере традиции Тверского края)

«Песня на войне была для нас и очагом, и костром, и похлебкой, а еще сердечной думкой. Всегда было как-то легче, когда мы пели, собравшись в кругу: пропадала куда-то печаль, сжигалась тревога, вновь набирались мы силушки».

*Из воспоминаний
ветерана Великой
Отечественной войны¹*

«Жизнь фронтовая — она все равно жизнь: и горе, и радости, ко всему привыкаешь. А без песни было нельзя... нельзя выжить, чтобы остаться человеком».

*Из воспоминаний ветерана Великой Отечественной войны из г. Славянск-на-Кубани Славянского района Краснодарского края
В. В. Шпилевого².*

Народная художественная культура военных событий — это не только описательно-повествовательная и эмоциональная страница эпохи,

¹ Кузьмина О. М. Военные песни Ржевского края. Ржев: ГУ РПП, 2005. С. 6.

² Ярешко А. С. Народные песни Великой Отечественной войны. М.: Композитор, 2012. С. 15.

но и кровная частица жизни и времени тех поколений, чьи судьбы были вплетены в летопись данных исторических фактов. Сама традиция воспроизведения такой культуры жива и сегодня. Для примера вспомним песни Афганской и Чеченской войн. Как замечает А. С. Ярешко: «Эти песни, своими истоками уходящие в фольклор традиционный, представляют собой образно-тематическую *модификацию* (курсив наш — О. К.) в русле новых событий»¹.

Мы согласны с тем, что «народное песенное творчество никогда не прекращалось, но формы его естественно менялись соответственно меняющимся общественным отношениям, условиям жизни и быта»². Конечно, для каждого поколения будут востребованы свои поэтические и художественные средства выразительности, адаптированные для новых художественных проявлений.

Песня, как подчеркивает Б. В. Асафьев, являясь подлинным и настоящим свидетелем народного быта, жизненного уклада, культа, отражает чувственное состояние и «памятность» образов, высокие обертоны тонких струн мира эмоций³.

Изучение вопроса о военных песнях имеет свою историю⁴, но подчеркнем, что количество изданного специализированного тематического материала, основанного на тверской региональной традиции, незначительно. Среди известных нам самых ранних сборников — это прежде всего два свода, в которых собраны народные военные песни второй половиной XIX в, но они зафиксированы без нотных образцов⁵.

¹ Ярешко А. С. Народные песни Великой Отечественной войны. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 2001. С. 13.

² Бацер Д., Рабинович Б. Русская народная музыка: Нотографический указатель (1776—1973) Ч. 1. М.: Советский композитор, 1981. С. 19—20.

³ Асафьев Б. В. О народной музыке / Сост. И. И. Земцовский, А. Б. Кунанбаева. Л.: Музыка, 1987. С. 108.

⁴ См., например издания сборников: Альбрехт Е. К., Вессель Н. Х. «Сборник солдатских, казацких и матросских песен». Вып. 1. 100 песен. Слова собрал Н. Х. Вессель. С голоса на ноты положил Е. К. Альбрехт / СПб: Типография В. Балашова, 1875. 86 с.; Попов Г. М. Боевые песни русского солдата. Изд. 1 Харьков: Типография А. Дарре, 1888. 178 с. (Изд. 2. СПб: Типография В. Березовского, 1893, 382 с.; Изд. 3 / СПб: Типография В. Березовского, 1902. 436 с.) и др.

⁵ Первый — это сборник «Памятная книжка Тверской губернии на 1861 год», где этно-традициям посвящен целый раздел: «Песни, собранные в городе Зубцове». Это свод текстов из 16 песен разных жанров. Они публикуются простым текстовым набором без делений на куплеты и даны в обобщенном литературном варианте усеченного вида. См. Песни, собранные в городе Зубцове // Памятная книжка Тверской губернии на 1861 год. Тверь: Типография губернского правления, 1861. Отд. 3. С. 27—37. Второй — Смоленский край в истории русской культуры: Сб. статей. Смоленск: СмГПИ, 1973. С. 55—69. Это тексты 23 песен без нотографии, записанных С. А. Рачинским от крестьян-жителей с. Татова Бельского уезда Смоленской области (ныне — Оленинский район Тверской области) и ближних деревень.

Говоря об историографии песен и в целом о музыкальной культуре Великой Отечественной войны 1941–1945 годов, заметим, что собственно постановка проблемы о необходимости сохранения и популяризации народной культуры была озвучена уже в самом начале военных событий¹. По замечанию А. В. Гончаровой: «В ноябре 1942 г. из действующей армии один из молодых фольклористов писал профессору М. К. Азадовскому: “Немцы не только уничтожают нашу культуру, они поганят ее. Они используют наш же фольклор в борьбе с нами... Таким образом, для фольклористов открылся свой настоящий фронт”»².

В архивах можно обнаружить, что записи фронтового фольклора начали непосредственно осуществляться с 1942 года, когда Всесоюзный Дом народного творчества им. Н. К. Крупской (г. Москва) организовал экспедиции по следам боев в освобожденные от оккупации районы, а также объявил конкурс среди собирателей фольклора³. Уже к 1946 году в Государственном литературном музее (г. Москва) рукописный фонд художественных документов военных лет составил более 650 записей песен, свыше 1000 частушек и других записей этнокультуры⁴. По замечанию исследователей, эпоха Великой Отечественной войны охарактеризована высоким духовным порывом и ярким патриотизмом, которые сформировали целые инновационные пласты народного творчества. Они характеризуются различными стилевыми наслоениями, множеством исполнительских форм.

А. В. Гончарова подчеркивает, что «в Великую Отечественную войну произошла заметная переакцентировка жанрового состава народного творчества»⁵. Стихи, песни, всевозможные «истории», предания, легенды и прочее создавали фронтовики и партизаны, трудовое население тыла. Эти тексты также сочиняли и аранжировали профессиональные деятели искусства и самодеятельные композиторы и поэты, любители художественного

¹ Так, уже в первые годы войны выходят сборники: *Песни Ленинградских партизан* / Сост. П. Велин. Л.: б/и, 1943 (1944 г. второе изд.); *Фронтовой фольклор* / Сост. В. Ю. Крупянская. М.: б/и, 1944. Из сборников, изданных сразу в послевоенное время, и тематических публикаций нам известны следующие: *Крупянская В. Ю., Минц С. И.* Материалы по истории песни Великой Отечественной войны. М.: Изд-во АН СССР, 1953; *Акимова Т. М.* Песни Саратовского Поволжья в годы Великой отечественной войны // *Литературный Саратов*. Кн. 10. Саратов: Саратовское обл. гос. изд-во, 1949; *Русские народные песни, записанные в Ленинградской области 1931—1949* / Сост. В. Кравчинская и П. Ширяева. М.; Л.: Музгиз, 1950.; *Русский фольклор Великой Отечественной войны*. М.; Л.: Наука, 1964 и др.

² *Гончарова А. В.* Золотые зерна. Книга 2: Сказки, народные рассказы Тверского края. Тверь: ЧуДо, 2002. С. 10.

³ *Ярешко А. С.* Народные песни Великой Отечественной войны. Саратов: Приволжское кн. изд-во, 2001. С. 2.

⁴ Это 700 стихотворений поэтов-фронтовиков, около 300 пословиц и других жанров традиционной культуры. См. *Минц С. И.* Фольклор Великой Отечественной войны в Московских архивах // *Советская этнография*. 1946. № 2. С. 25.

⁵ *Гончарова А. В.* Золотые зерна... С. 10.

творчества и участники самодеятельности, народные аутентичные ансамбли и отдельные исполнители¹. Распространенность в бытовой среде получили личные записные книжки и дневники, где хранились письма и фотокарточки.

Годы Великой Отечественной войны обострили национальное самосознание. Как итог, именно на тот исторический момент отмечается новый рост фольклорных источников — появление песен-легенд о народных героях, трансплантация известных мелодий на современные литературные тексты, развитие яркой лирической тематики, закрепление новых музыкальных жанров.

Собственно в военном быте присутствовали многие формы музыкального просветительства: публикация и повсеместное обязательное распространение песен-листовок, где печатались известные песни военного времени; регулярные полевые концерты лучших исполнителей, которые подчас проходили прямо на боевых позициях; трансляции музыкальных передач на радиоточках.

По замечанию А. С. Каргина, музыкально-художественная работа осуществлялась «как бы тремя потоками — в тылу, в действующих частях и соединениях, в партизанских отрядах и партизанских зонах»². Прави-

¹ А. В. Гончарова ставит особый приоритет в созидании именно «слова». Она пишет: «Наряду с песней, пословицей особенно широкого распространения достиг именно устный мемуарный рассказ, который принял на себя величайшую миссию выражения народного понимания войны». См. *Гончарова А. В.* Золотые зерна... С. 10.

² *Каргин А. С.* Самодеятельное художественное творчество. История. Теория. Практика: Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1988. С. 202. Укажем на то, что 22 и 23.06.1941 г. в Комитете по делам искусств при СНК СССР состоялось срочное совещание в связи с новыми военными условиями. 30.06.1941 при Комитете создана специальная репертуарная комиссия по отбору новых произведений для профессиональных и самодеятельных коллективов. В 1941—1943 гг. во многих республиках, краях и областях были организованы конференции руководителей художественной самодеятельности. 23.10.1942 г. ЦК ВКП(б) в Специальном письме затребовал организовать при каждом клубе постоянно действующие коллективы художественной самодеятельности. Были разработаны особые программы по развитию культурно-просветительной и художественно-массовой работе, в числе первых значится Калининская область. // *Там же.* С. 203—204. Регулярными становились смотры, фестивали самодеятельности и агитбригад. Для примера: в апреле — июне 1943 г. в Ленинграде прошел смотр, где участвовало 112 коллективов и 2100 участников. За время блокады было дано свыше 20 тысяч концертов. Цит. по: *Каргин А. С.* Самодеятельное художественное... С. 206. В работе смотров участвовал и В. А. Коллар — музыкант родом из Ржева. Он работал концертмейстером, организатором. В сентябре 1942 г. при содействии Всеволода Александровича была возобновлена работа музыкального училища, деятельность которого была прервана военными событиями. Специальным решением Главного управления дирекции учебных заведений при СНК СССР (г. Москва) он был назначен исполняющим обязанности директора. См. подробнее: *Кузьмина О. М.* Первый ржевский музыковед // *Город над Волгой: Ржевский литературно-исторический альманах.* Вып. 3 Старица: Старицкая типография, 2008. С. 57—67.

тельством было рекомендовано во всех частях организовать группы танцоров, певцов, музыкантов, чтецов¹. Во Ржеве, например, при госпитале² создается концертная бригада и хор, которые обслуживали фронт. Ими руководил хормейстер и музыкант П. П. Павлов³.

Уникальным образцом музыкальной работы следует считать еще один факт. Осенью 1941 года наркомат обороны своим приказом № 220 направил в действующую армию 12 тысяч, а зимой 1941–1942 годов более 40 тысяч (!) гармоней⁴ для поддержания боевого духа армии. Популярным инструментом на фронте и в тылу также была гитара⁵.

Подъем патриотических чувств, формирование новых народных профессиональных хоров⁶ именно в этот период истории можно считать показателем ценностной значимости традиционного певческого искусства, привязанности к фольклорным корням.

Важнейшим примером этого начинания в 1943 году для Тверской земли стало создание ансамбля песни и пляски при Калининской филармонии⁷. По воспоминаниям тех лет: «Где-то вдали от города рвались сна-

¹ В отчетных документах значится, что по стране в организованном 1943 г. смотре участвовало около 600 тыс. любителей-артистов, объединенных в 48,5 тыс. коллективов. См. *Каргин А. С.* Самодеятельное художественное творчество... С. 207.

² Здание сохранилось. Теперь здесь детская библиотека (ул. Большая Спасская, д. 21 — *О. К.*).

³ Павел Петрович Павлов / Ред. О. М. Кузьмина. Ржев: ГУ РПП, 2004. С. 5. С началом военных действий во Ржеве госпиталь переводят в г. Тулу и Н. Комиссаржевский — начальник госпиталя — пишет ходатайство в генеральный штаб с просьбой перевести туда основной состав концертной бригады. Военный маршрут ржевских артистов (Тула — Осташков — Резекне — Каунас) закончился только в 1945 г.

⁴ Тогда на 40 — 50 человек специально выдавался один инструмент. 9 мая 1945 г. у стен Рейхстага состоялся праздничный концерт, где пела Л. А. Русланова и играли 60 гармонистов из частей, освобождавших Берлин. Каждому из них была подарена специально изготовленная гармонь «Победа». В этом празднике участвовал и ржевский гармонист Михаил Куренков. См. подробнее: *Кузьмина О. М.* Дедова «Победа» // *Город над Волгой: Ржевский литературно-исторический альманах. Вып. 3* Старица: Старицкая типография, 2008. С. 85—88.

⁵ Из воспоминаний бывшего солдата: «Я пришел на передовую с гитарой. Потом был ранен, лечился. Вернулся к своим разведчикам, а гитара все была на месте, в землянке. Но была вся расписана, потому что передавалась из рук в руки. Бывало, придешь с разведки, — удачной или неудачной, скорее к печке. Сядем в кружок, а все подхватывают или просто слушают. Сочиняли сами много, но не записывали» См. *Ярешко А. С.* Народные песни Великой Отечественной войны... С. 15.

⁶ В 1942 г. образован Воронежский, в 1943 — Уральский, в 1945 — Сибирский, в 1945 — хор русской песни Всесоюзного радио и центрального телевидения, в 1946 — Рязанский хор русской песни. Впоследствии им был присвоен государственный статус профессиональных концертных коллективов. См. подробнее: *Калугина Н. В.* Методика работы с русским народным хором: Учебное пособие. М.: Музыка. 1977. 254 с.

⁷ За первый год своей работы ансамбль дал 80 шефских концертов для солдат и состоялось около 100 выступлений в городах Калининской (Тверской) области: Калинин (Тверь), Ржев, Бежецк, Торжок, Максатиха, Вышний Волочк др. См. *Дроздецкая Н. К.*

ряды, стрекотали пулеметы, глухо ухали разрывы мин и бомб... Еще дымились развалины зданий. Зияли глубокие воронки. И вот, почти рядом с фронтом, под сводами высокого здания звучала широкая и раздольная русская песня»¹.

Тверская земля стала ареной крупнейших сражений в эпоху Великой Отечественной войны, в эпицентре которых стояли полуторагодовалые Ржевские сражения, бои за Калинин, Зубцов, Белый. И эта тема непосредственным образом отразилась на народных песнях.

На Верхневолжье в числе первых исследователей, кто занимался изучением народного творчества военной поры, стала А. В. Аракчеева (Гончарова). Одна из глав ее диссертации «Развитие народно-песенной культуры в Ржевском районе» (1949 г.) напрямую посвящена песням войны 1941–1945 годов.²

Эта тема стала неотъемлемой частью образовательной и научной деятельности филолога, профессора Калининского института им. М. И. Калинина (Тверского государственного университета) А. В. Гончаровой³, которая, говоря о фронтовой культуре, неоднократно подчеркнула, что всегда «верным помощником и другом бойцов была русская песня»⁴.

Само создание песен фронтовых лет – это глубоко художественное, нравственно ценностное явление, в котором отразились среда и мир чувств людей разных поколений, сфер деятельности, жизненного уклада, воспитания, образования. Художественная мысль наших соотечественников в эти годы отличалась особым синкретизмом творческого начала. Б. Добровольский подчеркивает: «В песнях Отечественной войны мы находим в смешанном и обособленном виде интонации самых разнообразных стилей: крестьянскую лирику второй половины XIX века и начала XX века, мещанский романс, русскую агитационную и революционную песни, песни Гражданской войны, эстрадную музыку 20-х и 30-х годов и так называемые “массовые песни” советских композиторов предвоенных

Музыкальная жизнь Твери и губернии. Тверь: ООО «Гид», 2008. С. 11.

¹ Дроздецкая Н. К. Музыкальная жизнь Твери и губернии... С. 111.

² Аракчеева А. В. Развитие народно-песенной культуры в Ржевском районе: (К вопросу районного изучения фольклора): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1949. 16 с.

³ См. Гончарова А. В. Устные рассказы Великой Отечественной войны: Спецкурс / Ред. Н. А. Гуляев. Калинин, 1974. 174 с.; Она же. Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне. М.: Современник, 1979. 286 с.; Она же. Золотые зерна: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция, 1999. 344 с.; Она же. Золотые зерна. Книга 2: Сказки, народные рассказы Тверского края. Тверь: Чудо, 2002. 348 с.

⁴ Гончарова А. В. О чем шумит ржевский бор // Калининская правда. 1970. 5 июля. № 155. С. 4.

лет»¹.

Народные песни военного времени по своей природе напитаны традиционностью, которая, в данном случае, проявляется в формообразующих принципах ее построения², общих приемах многоголосного пения, типичных хоровых распевах и т. д. Кроме того, практически все эти песни следуют закону функционирования фольклорных произведений. Его суть определяется вариантностью как важнейшим основополагающим свойством «жизнеспособности» музыкальных образцов.

Собственно тематика военных песен раскладывается на три сегментарных начала:

а) героико-патриотическое, куда входят призывные песни, марши, строевые песни, с одной стороны, и с другой – песни-размышления, новые героические баллады, современный эпос;

б) лирико-бытовое – это новейшие романсы и песни аналогичного содержания;

в) шуточно-сатирическое, сюда примыкают разновидности частушек и страданий, песенные образцы тематически им соответствующие.

Как пишет А. В. Гончарова, в августе – сентябре 1942 года в дни ожесточенных боев за Ржев был сложен «Марш 29-й армии» и «Песня 113 полка»³. Именно во Ржеве во время войны рождались песни о беззаветной любви к Родине⁴, о беспримерном героизме ее защитников:

Слушают отряды песню фронтовую,
Сдвинутые брови, сжатые сердца.
Родина послала в бурю огневую,
К бою снарядила верного бойца⁵.

Или:

В битве не состарится, не умрет герой,
Кто за Ржев и Старицу дрался с немчурой.
По дорогам глинистым, по лугам Тверцы,
По полям калининским проходят бойцы.

Чтоб цвели, по-прежнему, голубые льны,
Мы идем с надеждами сквозь огонь войны.
Ко Ржеву вперед! На Запад вперед!
Умрем, но назад ни шага!¹

¹ Русский фольклор Великой Отечественной войны. М.; Л.: Наука, 1964. С. 145.

² Используются типичные строфные формы песенной традиции: запев-припев, запев и хоровой подхват и др.

³ «С боями до Ржева прогнали врага, / Под Жиздрой его потеснили. / И вновь, наконец, враг узнал у Орла / Об удали нашей и силе». См. *Гончарова А.В.* «О чем шумит...»

⁴ Приведем еще один пример: «Грозная, ударная — люди на подбор — / Бьется наша армия за родной простор. / Мы полками вклинимся в линии врага / И вернем калининцам Волги берега». См. *Гончарова А. В.* «О чем шумит...»... С. 4.

⁵ Там же. С. 4.

Ржевская битва стала для каждого из ее участников тяжелейшим бременем военных воспоминаний:

Выпью водки — и все позабуду,
Позабуду, что было со мной.
Лучше было погибнуть под Ржевом,
Чем вернуться калекой домой².

В наших полевых записях ржевских народных песен, приуроченных к событиям Великой Отечественной войны встречаются самые разные жанры: солдатские, старинные рекрутские³. Это как примеры традиционного музыкального фольклора⁴, так и песни, сочиненные в период тех военных действий⁵. Всего в сборнике «Военные песни Ржевского края» содержится 24 народные песни и блок частушек (90 №№).

Характерной особенностью песен о Великой Отечественной войне стало использование известных в фольклоре сюжетов: ожидание любимого, воспоминание о прошедшем, надежда на встречу, долг перед Родиной и т. д. Они положены на широко бытующие в то время мелодии, в своей первооснове имеющие авторство. Но именно вариативность народного художественного мышления, личная трактовка каждого исполнителя предлагают нам множество региональных прочтений этого художественного материала. Для примера: «Я встретил его» (вариант «Раскинулось море широко»), «Расцветали яблони и груши» (известная «Катюша») и др.

Большое разнообразие дают песни, музыкально сложенные на известные мотивы-формулы семеновны, подгорной, елецкого, цыганочки, яблочко, барыня и других традиционных напевов. Эти же интонационные матрицы формируют бесконечные частушечные своды.

Фронтальная музыкальная культура — это часть бытовой жизни солдат. Являясь уникальной художественной формой досуга в условиях фронта и быта, она опирается на традиции. До настоящего времени в хранилищах архивов и библиотек содержатся во многом невостребованные литературно-музыкальные сокровища многих военных эпох, проанализировать и раскрыть содержание которых насущная задача искусствоведов: теоретиков и практиков.

¹ Там же. С. 4.

² Ярешко А. С. Народные песни Великой Отечественной войны... С. 7.

³ См. Кузьмина О. М. Военные песни Ржевского края / Ржев: ГУ РПП, 2005. 68 с.

⁴ «Подайте мне коня гнедова», «Из-за лесу, из-за гор», «Ехали казаки со службы», «Черный ворон» и др.

⁵ Многие из них утратили авторство: «Помню день последнего привала», «Утром на светанке шли в деревню танки... («Утром на рассвете») (на светанке — местное название — О. К.)», «Что-то скучно, моя дорогая», «Вечер наступает в светло-синей дымке» и др.

ФОЛЬКЛОР КИМРСКОГО КРАЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

(по материалам индивидуальной практики 2011 г.)

По картам «Степени изученности фольклорной традиции Тверской области» за 1540—1993 годы. Кимрский район, располагающийся в юго-восточной части Тверской области¹, остается одним из малоизученных². Сообщается, что сбор фольклора на территории этой земли начался во второй половине XX в.³, однако этнографическое описание села Кимры было предпринято уже в середине XIX в. священником Н. Г. Лебедевым⁴ и купцом М. В. Малюгиным⁵, а в конце XIX в. дополнено А. Л. Столяровым в

¹ *Вершинский А. Н.* Города Калининской области. Калинин: Калининское книжное литературное издательство, 1939. С. 58—67; Города и районы Калининской области: Краткие очерки / Сост. М. А. Ильин. М.: Московский рабочий, 1978. С. 282—308; Тверская область: Энциклопедический справочник / Ред. М. А. Ильин. Тверь: Тверское книжно-журнальное издательство, 1994. С. 125—126. Также см. *Вершинский А. Н., Ильинский А. П.* Экскурсия от Твери до Кимр, *Ильинский А. П.* Экскурсия от Кимр до Калязина // Дальние экскурсии по Тверской губернии / Ред. А. Н. Вершинский. Тверь: Общество изучения Тверского края, 1928. С. 55—76.

² Отчет о разработке целевой региональной программы «Сохранение, возрождение и стимулирование народного художественного творчества в перспективе» (по материалам Тверской области). Кн. 3. Т. 1. Тверь: б/и, 1993. С. 47—49.

³ Это экспедиция Калининского педагогического университета им. М. И. Калинина в 1974 г. под руководством В. Г. Шоминой. Были обследованы д. Норбужье, с. Горицы. В 1992 г. в этих же населенных пунктах сбор фольклора вел Кимрский отдел культуры. *Там же*. С. 58. По данным на 2010 г. в д. Норбужье проживало 20 чел., в с. Горицы — 1556 чел. // Населенные пункты Тверской области на 1 января 2010 года. Тверь: РОССТАТ, 2010. С. 67, 70.

⁴ *Лебедев Н. Г.* Статистико-этнографическое описание села Кимры Корчевского уезда // Памятная книжка Тверской губернии на 1865 год. Тверь: Типография Губернского правления, 1865. Отд. III. С. 28—51. В начале 1850-х гг. Н. Г. Лебедев был священником с. Кошелево Тверского уезда. В его очерке «Быт крестьян Тверской губернии...» упоминается д. Лукино, д. Ведерня, а также Весьегонский уезд, в котором, вероятно, или служил или родился автор. См. *Лебедев Н. Г.* Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда // Этнографический сборник: Собрание местных этнографических описаний России. СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1853. Т. 1. С. 174—202. В настоящее время д. Кошелево (403 жителя) и д. Лукино (27 жителей) относятся к Городенскому сельскому поселению Конаковского района. См. Населенные пункты Тверской области... С. 75. Один же из первых этнографических очерков о сапожном промысле Кимр см. *Овсянников А.* Сапожный промысел в Тверской губернии: Район с. Кимры // *Овсянников А.* Очерки и картины Поволжья. Т. I. СПб.: Типолитография Цедербаума и Гольденблума, 1878. С. 190—193.

⁵ Записки купца Малюгина: Статистико-этнографическое описание села Кимры 1865 г. / Сост. Е. А. Релина. Кимры: Кашинская городская типография, 1993. 72 с. В это же из-

книге «Село Кимры и его обитатели»¹. В этом издании приводятся сведения по народной топонимике, например, сообщается о Графской горе, которая размещалась «на месте “палат” графини Ю. П. Самойловой, близ церкви Всех Скорбящих Радость»², и Липке, названной так потому, что рядом с Графской горой стоял сад, от которого осталась одна липа³. Указывается, что именно в этих местах 1 мая жители Кимр встречали весну⁴. Приводятся данные и о том, что «месяца за два до пожара <15 июня 1859 г.> вдруг возникли слухи, которые держались упорно и предсказывали, что Кимра сгорит непременно»⁵. Также приводятся сведения о прихрамовом фольклоре, который в этих местах связан со старообрядцами. Например, считалось грехом вносить в дом свидетельства о торговом сборе, а также пользоваться телеграфом — посылать телеграммы⁶. А. Л. Столяров передал дословные разговоры местных жителей по этому поводу: «Доселе есть еще старцы, считающие за грех послать телеграмму.

— От дьявола это, — говорят они.

— От разума человеческого, — говорят им.

— А отчего ваш телеграф не может работать во время грозы господней?.. Ну-ка? От того, что нечистый, защищая от гнева Божия свои проводы, прикрывает их хвостом своим»⁷.

В конце 1930-х годов в Кимрах существовал хор частушечниц. Одна из участниц этого хора — Денисова — была выбрана для выступления в «Сказе льноводов и ткачей» в феврале 1937 года, который проходил в г. Москве⁸.

дании включен очерк Н. Г. Лебедева «Статистико-этнографическое описание...». Там же. С. 47—68. В записках указывается, что «брошюра Н. Г. Лебедева» была составлена в 1863 г. (статистические данные, которые приводит священник Николай Гаврилович, заканчиваются именно 1862 г. — А. П.). Там же. С. 28. Спорной является и датировка рукописи купца Михаила Васильевича Малюгина. События в ней охватывают период примерно с 1865 по 1900 гг. См. вступительную статью Е. А. Релиной. Там же. С. 3—4.

¹ Столяров А. Л. Село Кимры и его обитатели: Очерк. М.: Типография Московского листка, 1899. 72 с.

² Там же. С. 6.

³ Там же. С. 6.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 8. Более подробно об изучении слухов см. Неклюдов С. Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. С. 14; Немировский А. А. Слухи и сплетни в белогвардейском лагере // Живая старина. 2007. № 4 (56). С. 10—11; раздел «Слухи: закономерности возникновения и бытования в обществе» // Традиционная культура. 2011. № 1 (41). С. 142—179.

⁶ Столяров А. Л. Село Кимры и его обитатели... С. 17.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Дмитриева Г. М. Сказ льноводов и ткачей // Музыка Тверского края: По материалам музыкально-краеведческих чтений 2007 — 2008 гг. / Ред. Н. М. Дроздецкая. Тверь: ГИД, 2009. С. 83.

В 1944 году по результатам конкурса на лучшее произведение о войне, объявленным Всесоюзным Домом народного творчества, из Калининского района были присланы материалы, в том числе и инспектором политпросвета Кимрского РОНО Лидией Захаровной Ратмановой¹.

Публикация фольклора, собранного в Кимрском районе, осуществлялась в отдельных сборниках, например, «Тверские частушки» (1990), где представлены тексты, записанные экспедициями Калининского (Тверского) университета (1971, 1976—1980, 1982)². Вероятно, что часть экспедиционных материалов вошла и в другие сборники тверского фольклора, составленные по жанровому принципу, но эти издания были опубликованы без указания точных мест записи³.

В отдельных публикациях и научных статьях представлены записи частушек, сделанные как в самом районе (1974), так и в Кимрах (2002), п. Белый Городок (2002)⁴. О кадрили, записанной во время экспедиции в 2002 году в д. Голузино, сообщается в публикации И. Н. Некрасовой⁵. В сборнике краеведа-фольклориста Л. М. Концедайло представлены описания впечатлений от посещения Кимрского района⁶.

В статье Е. М. Белецкой о приметах в студенческой среде приводится запрет свистеть, записанный на курсах повышения квалификации от информанта из Кимр: «Свистеть — отворачивать от себя лик Богородицы,

¹ «На Калининском на фронте...»: Частушки Великой Отечественной войны: Хрестоматия / Сост. Е. М. Белецкая. Тверь: ТвГУ, 2005. С. 10.

² Тверские частушки / Сост. Л. В. Брадис, Ф. М. Селиванов, В. Г. Шомина. М.: Московский рабочий, 1990. С. 182.

³ Тверские пословицы и поговорки / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь: ТОГДНТ, 1993. 60 с.; Тверской детский фольклор / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь: Тверская областная типография, 2001. 180 с.; Тверские загадки / Сост. Л. В. Брадис, В. Г. Шомина. Тверь: Тверская областная типография, 2005. 112 с.

⁴ Частушки из архива кафедры истории русской литературы Тверского государственного университета *Публикация Е. В. Петренко, М. В. Строганова* // Фольклор Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов / 60-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается / Ред. О. Е. Лебедева, М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 124—128. Частушки о Гитлере из архива Фольклорной лаборатории Центра тверского краеведения и этнографии ТвГУ *Подготовка текстов А. А. Петров* // В памяти народной: Великая Отечественная война в фольклорных и непрофессиональных произведениях / 65-летию Победы посвящается / Сост. Е. М. Белецкая, Л. М. Концедайло, Е. Г. Марина, М. В. Строганов. Тверь: ТвГУ, 2010. С. 177, 186.

⁵ *Некрасова И. Н.* Голузинская кадрили: к вопросу об этических и эстетических нормах мужского поведения на беседах (по материалам экспедиции 2002 г., д. Голузино Кимрского района Тверской области) // Страницы музыкальной истории Верхневолжья: По материалам музыкально краеведческих чтений 2002—2006 / Ред. Н. К. Дроздецкая. Тверь: Гид, 2006. С. 243—245; *Ситников В. И., Ситникова С. А.* О состоянии фольклорно-инструментальной традиции Тверской области // Там же. С. 250.

⁶ *Концедайло Л. М.* Дорогие мои земляки...: Сборник. Тверь: б/и, 2010. С. 115—118, 246—247.

свистеть в доме — опустение»¹. Как мы видим, запрет обусловлен именно религиозными мотивами, что показывает локальную особенность фольклора данного района.

Часть фольклорно-этнографического материала находится в архивах. В фондах Кимрского краеведческого музея имеется машинопись И. Казанского «Историко-археологическое и статистическое описание прихода с. Печетова Кимрского округа Горицкого района 1929 г.», в которой довольно подробно рассказывается о свадебном обряде этих мест. В ГАТО хранится коллекция фольклорных материалы Тверской губернии — Калининской области (1970–1986 гг.), в которой представлены кимрские тексты за 1973–1982 годы², а в архиве преподавателя университета А. В. Гончаровой (1923–2009 гг.)³ находятся документы за 1983–1992 годы⁴.

Летом 2011 года А. Е. Тахтина — студентка I курса филологического факультета (очного отделения) проходила индивидуальную фольклорную практику в Кимрском районе, а именно — в г. Кимры, в с. Ильинское⁵, дд. Вороново и Бабинское. Были записаны рассказы о святках, масленице, свадебном обряде, песни литературного происхождения («Что стоишь, качаясь...», «У церкви стояла карета...»), духовный стих («На всех уж солнце светит...»), частушки, детский фольклор (считалки, альбомные стихи, песни-переделки), фольклор молодежных субкультур и местные легенды и предания.

Среди информантов — Татьяна Владимировна Орлова (1961 г. р.), которая рассказала о дворовом: «Могу рассказать, со слов своей коллеги — Ольги Юрьевны, о, ну, таком, может быть, я не знаю, как события в жизни, который нас всех так удивил. Кто-то с недоверием к этому отнесся, кто-то посмеялся, а кто-то принял очень серьезно. Ну, это было года два

¹ Белецкая Е. М. Приметы в студенческой среде // Славянская традиционная культура и современный мир: Социальные и эстетические нормативы традиционной культуры: Сб. научных статей. Вып. 12 / Сост. М. Д. Алексеевский, В. Е. Добровольская. М.: ГРЦРФ, 2009. С. 205.

² Р-1872. Оп. № 2. Ед. хр. 135—144: Кимрский район (1973—1982 гг.); ед. хр. 145 — «Лабораторные работы (отчеты) о фольклорной практике студентов Калининского университета в Кимрском районе в 1979—1978 гг.»; ед. хр. 146 — *то же* (1979—1982 гг.).

³ Петров А. А., Строганов М. В. Список научных и методических трудов А. В. Гончаровой // Вестник Тверского государственного университета. 2010. № 4. Серия «Филология». Вып. 2. С. 263—274.

⁴ Р-2811. Оп. № 1. Ед. хр. 8 «Песни, частушки, поговорки и др., собранные студенческими фольклорными экспедициями под руководством А. В. Гончаровой в деревнях Кашинского, Кимрского, Краснохолмского и др. <угих> районах. Рукописи. 1983—1992 гг.».

⁵ В очерке Н. Г. Лебедева сообщается, что торг в этом селе шел по пятницам, а в Кимрах — по субботам. См. Лебедев Н. Г. Статистико-этнографическое описание села Кимры... С. 44.

назад, летом, раннее утро. Муж Ольги Юрьевны на даче в д. Прислон Кимрского района отправился на рыбалку. Ольга Юрьевна, проводив его на рыбалку, решила опять прилечь в домике, еще поспать. Только собралась прилечь, вдруг услышала такие бегущие звуки, как будто пробежал быстро мимо домика какой-то ребенок. Ее, конечно, заинтересовало, кто это такой в такое утреннее время, раннее время, сюда пришел. «Побежала к сарайчику, – она говорит, – хоть, может, в сарайчике одни инструменты, но если что-то такое у меня утащат, мне будет жалко». Она решила пойти проверить. Пришла – никого нет. Вернулась к себе, и на своей кровати увидела странную картину: в этих простынях, в пододеяльничке пыхтит, крутится и мнет, и бурчит со всей силой какой-то мужичек маленький – и ручки, и ножки все в перевязочках, очень странного вида. Ну, а Ольга Юрьевна у нас женщина сама такая очень колоритная, самобытная, она встала, подбоченилась и так громко спросила: «Это что такое?» Он оглянулся на нее, посмотрел, и тут же всё исчезло. Ну, после этого она уснуть не смогла, что это такое было? А днем она сходила к соседке, здесь, в этой деревне, к женщине, рассказала ей всё, что произошло, а та ей сказала, что это приходил дворовый. Такие случаи бывали когда-то, и если бы у нее на дворе была бы корова, или какое-то другое домашнее животное, то, конечно же, оно бы погибло, пало»¹.

Жители с. Ильинское рассказали легенду об Ильинском озере: «От знакомых бабушек я слышала, что это озеро интересного происхождения. Раньше на месте этого озера была улица ремесленников, которые занимались гончарным делом. Вот. Однажды люди проснулись и увидели, что на месте этой улицы теперь озеро. Спаслись из всех тех людей, которые жили на этой улице, только пастух и его сын, потому что они с утра выгоняли стадо. И до сих пор мы находим на дне озера глиняные черепки, серебряные ложки»².

Известны легенды о граде Китеж и озере Светлояр³. Подобные рассказы о провалах под землю храмов и церквей в Тверской области бытуют в Андреапольском (д. Церковище⁴) и Торопецком районах (Могилище⁵). Эти легенды схожи с рассказами о «пьяном лесе» Старицкого района Тверской

¹ Зап. А. Е. Тахтина от Т. В. Орловой, 1961 г. р., г. Кимры Тверской обл., 16.08.2011 г.

² Зап. А. Е. Тахтина от К. В. Виноградовой, 1992 г. р., с. Ильинское Кимрского р-на Тверской обл., 4.08.2011 г.

³ *Савушкина Н. И.* Легенда о граде Китеже в старых и новых записях // Русский фольклор: Русская народная проза. Т. XIII. Ленинград: Наука, 1972. С. 58—76.

⁴ Зап. К. А. Испанова, А. С. Некрасова, М. Д. Харитоновой от А. С. Жаровой, 1928 г. р., г. Андреаполь Тверской обл., 2010 г. Из материалов фольклорно-этнографической экспедиции филологического факультета ТвГУ в Андреапольский район Тверской области в 2010 г. Архив кафедры истории русской литературы.

⁵ Зап. А. А. Петров от Е. Н. Трофимовой, 1924 г. р., г. Торопец Тверской обл., 16.08.2008 г. Архив собирателя.

области¹. Подобные записи свидетельствуют об отражении в народной памяти (фольклоре) процессов, связанных с изменением ландшафта.

Еще одно предание связано с д. Вишенье. «Недалеко от д. Вороново находилась д. Вишенье. Сейчас это лес, не осталось ни одного дома. <...> Сейчас эта местность на карте значится как Дорохи. В близлежащем лесу можно встретить одно очень интересное дерево. Это большая старая ель, на которой можно разглядеть большой крест. Мимо этого дерева часто ходят за клюквой. Это называется “пройти мимо убитого”. Эту историю рассказал мне мой дядя. Будто бы, раньше через этот лес была прорублена дорога в какой-то населенный пункт. <...> Один житель нашей деревни часто ходил туда играть в карты на деньги. Однажды он выиграл очень много и пошел домой. Его догнали, отняли выигрыш и убили. Тело нашли, и его друг на ели, рядом с которой нашли тело, вырезал топором крест. Со временем кора затянулась, и на ели появился выпуклый крест»².

Большую же часть материала удалось собрать в Неклюдовском округе Кимрского района — в д. Вороново и Бабинское. Среди записей — ряд запретов. Например, «в уже жилом доме нельзя прорубать окно. Считается, что хозяин этого дома умрет. В д. Вороново было два таких случая, когда человек прорубал в своем доме окно, а потом умирал в довольно молодом возрасте без видимых причин. Также мне рассказывали, что нельзя сажать у дома сосны или ели. Если это дерево вырастит выше дома, то либо дом сгорит, либо хозяин умрет. Такой случай в нашей деревне <д. Вороново> тоже был»³.

Рассказывали, «что раньше был обычай сохранять те яйца, что остались после Пасхи. Если вдруг в деревне загорался дом, то люди не только тушили огонь водой, но и бросали в пламя эти яйца. Считалось, что это помогало от пожара, огонь не мог перекинуться на другие дома. Особенно хорошим знаком было, если кому-то удавалось перекинуть яйцо через дом»⁴.

Больше всего удалось собрать частушек, разнообразных по своей тематике, например:

Спасибо Сталину
За мякину парину.
А еще спасибо раз —
Лошадьми сделал нас.
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик⁵.

¹ Тверская деревня: Старицкий район: Энциклопедия российских деревень. Т. I / Ред. А. В. Шитков. Старица: Старицкая типография, 2007. С. 13.

² Самозап. А. Е. Тахтиной, 1993 г.р., г. Кимры Тверской обл., 28.08.2011 г.

³ Самозап. А. Е. Тахтиной, 1993 г.р., г. Кимры Тверской обл., 28.08.2011 г.

⁴ Самозап. А. Е. Тахтиной, 1993 г.р., г. Кимры Тверской обл., 28.08.2011 г. (Со слов Т. П. Тахтиной, 1932 г. р. — А. Е.)

⁵ Зап. А. Е. Тахтина от В. М. Соколовой, 1928 г. р., д. Вороново Кимрского р-на Твер-

Частушки в основном исполняли женщины лет 60–80. Это свидетельствует об исчезновении этого жанра из бытования в молодежной среде.

Анализ материалов практики показывает, что на Кимрской земле в настоящее время бытует разнообразный сведения по традиционной культуре края – от прозаических до лирических жанров. Дальнейшее собирание и изучение фольклора Кимрской земли, а также обращение к архивным данным и местной периодике, в которой публиковались частушки¹, позволит составить более полную и точную карту фольклора этих мест. Заслуживает внимание и деятельность Дома ремесел². Особый интерес вызывает формирование новой мифологии этих мест. В настоящее время идет пропаганда того, что пос. Приволжский (Гадово) – родина Змея Горыныча³. Экскурсионная программа в район включает «Пир у Гадюки Васильевны», который заканчивается «торжественным обедом у Гадюки Васильевны в трактире “Змея Горыныча” с дегустацией “гадовских настоек” местного производства»⁴.

П р и л о ж е н и е

1. Духовный стих

На всех солнце светит,
На меня уж нет,
Я лежу во гробе
И меня уж нет.

Я уснул навеки
Непробудным сном,
Сердце уж не бьется,
И не слышу стон.

И не давит крышка,
И глаза закрылись,
Не видят белый свет,
Мне одна дорога — идти на свет.

ской обл., 2011 г.

¹ Частушки-веселушки // Кимрский вестник. 1997. 1 марта. № 25. С. 4.

² *Петренко Евгений* Кимры. Улица Кирова, 19 // Тверская жизнь. 2012. 10 февраля. № 24. С. 7.

³ *Ручкина Марина* Марьи-искусницы с родины Змея Горыныча // Тверские ведомости. 2010. 2—8 июля. № 26 (1810). С. 12. *Иванова Мария* Победит ли Змей Горыныч Зеленого Змия? // Тверские ведомости. 2010. 3—9 сентября. № 35 (1819). С. 12.

⁴ Золотой путь России: Тверской дозор [Рекламный буклет туристической фирмы «Комильфо», 2009]. С. 16.

Простите все родные,
И вся моя семья,
Обитель мне готовит
Мать-сыра земля.

Вырыта могила
В уютной тишине,
Не плачьте все родные,
И так грустно мне.

В сырой земле, прохладной,
Вырыт мне приют,
Пред последнем часе
Канун мне пропоют.

Ох, как тяжело мне
Уходить от вас,
Но, мои родные,
Это ждет и вас.

Все мои родные,
Все мои друзья,
Просите все Владыку,
Чтоб простил меня.

Проходи, прохожий,
Посети мой прах,
Я теперь уж дома,
А вы еще в гостях.

Спишь ты, наш любимый,
Непробудным сном.
Уже ты не вернешься,
Но мы к тебе придем¹.

2. Частушки

Меня хают и ругают,
А я хаяна живу,
А я хаяна, отчаянна,
Нигде не пропаду.

¹Зап. А. Е. Тахтина от Т. А. Кузнецовой, 1939 г. р., г. Кимры Тверской обл., 29.07.2011 г.

3. Гармонист у нас хороший,
Гармонисту надо дать,
На коленочки платочек,
Чтобы штаники не рвать.

4. Гармонист у нас хороший,
Как цветочек аленький,
Сам большой, гармонь большая,
А хуечек маленький.

5. Гармонист, гармонист,
Тоненькая шейка,
Как ударю по щекам —
Играй хорошенько.

6. Гармонист у нас хороший,
Гармонисту нас один,
Давайте, девки, соберемся,
По разочку все дадим.

7. За цыгана выйду замуж,
Хоть родная мать убей!
Карты в руки, шаль на плечи,
И обманывать людей.

8. За цыгана выйду замуж,
Выйду, не покаюся,
На молоденькой лошадке
Сяду, покатаюся.

9. Гармонист у нас хороший,
Так и полюбила бы,
Только жалко мне товарочку,
А то отбила бы.

10. Гармониста я любила,
Гармониста тешила,
Гармонисту на плечо
Сама гармошку вешала.

11. Пойду плясать,
Рукава спущу,
Молодого гармониста
Ночевать пущу.

12. У залетки моего
Поговорочка на «о»,
Вот за эту поговорочку
Любила я его.

13. Меня милый изменил,
Я сказала только: «А», —
У меня таких хороших
До Берлина три ряда.

14. Меня милый изменил,
Я сказала только: «У», —
Я ж такую лабуду
Сегодня ж вечером найду¹.

15. Елецкого, елецкого,
Елецкого, елец...
Он на улицу, я с улицы,
Любви моей конец.

16. Я ударница в колхозе,
Я работаю на ять,
Председатель меня любит,
Всё зовет, зовет гулять.

17. Вот сказали про меня,
Что не умею делать я:
Жать, косить, пахать, молотить,
На обе руки колотить².

18. Всю неделю прогуляли,
Не видали пятницы.
Не одни доярки бляди,
Бляди есть и дачницы.

19. Я по клеверу ходила,
Клевер ноги заплетал,
Я богатого любила.
Бедный лучше завлекал.

¹ Зап. А. Е. Тахтина от Л. А. Зайцевой, 1941 г. р., д. Вороново Кимрского р-на Тверской обл., 20.07.2011 г.

² Зап. А. Е. Тахтина от В. М. Соколовой, 1928 г. р., д. Вороново Кимрского р-на Тверской обл., 20.07.2011 г.

20. Я иду, она лежит,
Баба пьяная, в грязи,
А у ней, у старой дуры,
И рука на привязи.

21. Я милого хоронила,
На могиле плакала,
Хороша была толкушка,
Ребятишек стряпала.

22. Эй, залетина,
Поговорка тетина,
Походочка дядина,
Изменил, гадина.

23. Гармониста я любила,
Слаще на гору ходила,
Гармонист ко мне идет,
Сам играет и поет.

24. Гармониста я любила,
Гармониста тешила,
Зато весело гуляла,
Голову не вешала.

25. Гармонист, гармонист,
Черные сапожки,
Если девки не дадут,
Попроси и кошки.

26. Говорят, что не красивы,
Это тоже не вопрос,
Некрасивый красивому
Натягивает нос.

27. Я залеточку любила,
Делала заметочку,
Ходила по лесу ломала
Вересову веточку¹.

¹ Зап. А. Е. Тахтина от А. В. Садовниковой, 1928 г. р., д. Бабинское Кимрского р-на Тверской обл., 18.08.2011 г.

РЕПЕРТУАР Н. Н. ЖУКОВОЙ: ПЕРЕДАЧА ТРАДИЦИИ В ФОЛЬКЛОРЕ

В задачи изучения дисциплины «Фольклор и русская художественная культура» входит ознакомление студентов I курса направления «Филология» с методикой и разработкой навыков по сбору традиционной культуры Тверского региона. В процессе освоения знаний мною были записаны произведения устного народного творчества от Нины Николаевны Жуковой.

Н. Н. Жукова родилась в 1937 году в с. Андреевское Рамешковского района. По воспоминаниям Нины Николаевны, она вместе с бабушкой Акулиной Ивановной Бабуриной ходила на «беседы», где слушала песни и пела вместе с другими, поэтому в ее репертуар вошли тексты, исполнявшиеся на этих посиделках. В 1955 году Нина Николаевна уехала в г. Калинин, а в 1957 году переехала в пгт. Оршу Калининского района Калининской (Тверской) области, где ныне и проживает. Таким образом, в репертуар Нины Николаевны Жуковой вошли фольклорные тексты разных районов Тверской земли.

От Нины Николаевны Жуковой было записано 106 прозаических и лирических текста (хранятся в архиве кафедры истории русской литературы). По жанровому составу это песни необрядовые: любовные, бытовые, солдатские, песни литературного происхождения, жестокие романсы, а также приметы, заговоры и сведения по народному церковному календарю (постоянные и переходные праздники).

По воспоминаниям Нины Николаевны, в деревне Андреевское особо почитался праздник Масленицы, который там назывался «Широкой Масленицей» и который длился целую неделю. В это время пели песни, в первый день зазывающие Масленицу, а в последний провожающие ее, пекли блины, при этом первый блин нужно было обязательно положить на подоконник птицам для поминовения усопших (об этом обряде Нине Николаевне рассказывала ее бабушка А. И. Бабурина). Также от бабушки Н. Н. Жукова знает, что каждый день Масленицы имел свое название: понедельник – начало праздника – «встреча»; вторник – «заигрыши» – развлечения, ряжения, катания с горки; среда – «лакомка» – печение блинов и угощение; четверг – «широкий» – середина веселья; пятница – «тещины вечера», когда зятя ходили к теще на блины; суббота – «золовкины посиделки», когда невестки принимали у себя родных; воскресенье – «конец Масленицы», или «Прощеное воскресенье», когда все просили друг у друга прощения. В этот день делали из соломы чучело и наряжали его, затем

вокруг него водили хороводы, прыгали через костер, пели песни, потом соломенное чучело сжигали.

Из лирических жанров в репертуаре Нины Николаевны есть песни о Великой Отечественной войне. Из семейной истории известно, что отца Н. Н. Жуковой призвали на фронт в первые дни войны, а уже в конце 1941 года пришло извещение о том, что Николай Иванович Бабурин исчез в битве подо Ржевом. И сколько ни делали запросов, ответ был один: «Пропал без вести». До сих пор Нина Николаевна не знает о судьбе отца. Хотя фашисты и не дошли до деревни Андреевское, но жизнь, по воспоминаниям Н. Н. Жуковой, все равно была очень тяжелой, полной горестей и лишений. Семья голодала, зерна не было, потому что все продукты забирали для солдат на фронт. В деревне хлеб пекли с добавлением лебеды, а поздней осенью собирали мороженую картошку и пекли оладьи. Весной ели заячью капусту; из крапивы и щавеля варили щи. Летом собирали грибы и ягоды.

О Великой Отечественной войне от Нины Николаевны были записаны следующие тексты: «На безымянной высоте», «Соловьи», «Враги сожгли родную хату...», «Огонек», «Где ж ты, мой сад?», а также жестокие романсы «Седое утро знойным ветром дуло...», «Тишина. Ни огонька, ни звука...», которые повествуют нам о подвиге Зои Космодемьянской. Среди других жестоких романсов от Нины Николаевны были записаны «Бывали дни веселые...», «Там в саду при долине...», «Уж ты сад, ты мой сад...», «Уродилася я...», «Хаз-булат удалой...», «Степь да степь кругом...», «Черный ворон», «Сама садик я садила...», «Вот мчится тройка удалая...», «Липа вековая...», «Пряха» и другие.

В репертуаре Н. Н. Жуковой есть и произведения малого лирического жанра — частушки. От Нины Николаевны было записано 78 текстов на мотив русского, елецкого, цыганочки, страдания, яблочко, семеновны.

Как вспоминает Нина Николаевна, «по вечерам в деревне собирались в одной избе, где пели песни и частушки под гармошку»:

Вот она и заиграла
Двадцать пять на двадцать пять,
Вот она и загуляла,
Наша шаечка опять.

Девки наши, девки наши,
Девки — бешеный народ,
Как услышат, где гармошка,
Так бегут, разинув рот.

Гармонист, гармонист,
Сядь на лавочку, на край,

Я тебя побеспокою,
Мне цыганочку сыграй.

Эти частушки свидетельствуют о любви народа как к такому музыкальному инструменту, как гармонь, так и самому игроку.

В частушках военного времени отразились не только любовь и переживания о судьбе близких, ушедших на фронт, но и вера в нашу победу над Гитлером и Германией:

С неба звездочка упала
Прямо Гитлеру в штаны.
Всё, что было, перебила,
Только б не было войны.

Девушки, война, война...
Что она наделала?!
Моего любимого
Инвалидом сделала.

Кроме того, от Нины Николаевны Жуковой был записан детский фольклор, например, потешки:

— Зайчик белый,
Куда бегал?
— В лес дубовый.
— Что там делал?
— Лыко драл.
— Куда клал?
— Под колоду.
— Кто украл?
— (Имя).

Также были записаны колыбельные песни, прибаутки, загадки, в том числе связанные с деревенским бытом:

Чем больше я верчусь,
Тем больше становлюсь. (Веретено)

Или:

Кривая собака
В кувшин глядит. (Журавель у колодца)

Нина Николаевна также помнит от своей матери, Прасковьи Андреевны Бабуриной, деревенские приметы и заговоры. Например, такой заговор три раза проговаривали в огороде при посадке, чтобы был хороший урожай: «Подхожу к воротам рая, дивом дивлюсь, Господу поклонюсь. Дал бы ты, Господь, и мне тоже, что у тебя в райском саду. Так бы все цвело и росло, разрасталось и наливалось. Ангелам на умиление, людям на удивление. Аминь. Аминь. Аминь». И приметы: «Если муж поехал из дома на лошади и дорогой лошадь распряглась, значит, жена ему дома изменила». Но сама Нина Николаевна в приметы не верит и говорит, что сейчас даже

погодные приметы перестали сбываться. Если раньше в Крещение Господне всегда были сильные морозы, что даже стены в избе потрескивали, то сейчас 19 января может быть и оттепель, и даже дождь. А 30 марта — Алексей — пролей кувшин. В этот день, по поверью, если «курочка водички напьется, то 6 мая, в Егорьев день, овечка травки наестся». Если раньше эта примета всегда сбывалась, то в настоящее время это случается редко. Даже 2 августа, в Ильин день, не всегда бывает дождь с грозой. А раньше, по словам Нины Николаевны, этого дня боялись, потому что были очень сильные грозы.

Итак, перед нами исполнитель, в репертуаре которого сохранились фольклорные традиции нескольких районов области – Рамешковского и Калининского. Так как они располагаются рядом, то записи от Н. Н. Жуковой отражают локальные особенности этих земель, их песенный состав. Данные тексты являются распространенными, о чем свидетельствуют экспедиционные записи, хранящиеся в архиве кафедры истории русской литературы филологического факультета ТвГУ. Например, во время экспедиции в 2009 году в Бельский район был записан вариант военной песни про Татьяну (Зою Космодемьянскую) «Село с рассветом вышло из тумана...» Сопоставление этих двух вариантов показывает не только различие в текстах (замена отдельных слов и предложений), но и разницу в исполнении (повтор двух последних строчек куплета). Все лирические и прозаические жанры, которые знает Нина Николаевна, были усвоены ей от своих родственников (мать, бабушка) и знакомых, что свидетельствует о живой традиции передачи фольклорных знаний устным путем.

П р и л о ж е н и е

П е с н и и з р е п е р т у а р а Н . Н . Ж у к о в о й

1. Седое утро знойным ветром дуло,
Стоял суровый утренний мороз,
Схватили немцы девушку Татьяну
И потащили в хату на допрос.

В ее глазах бесстрашие сияло,
У ней нашли гранату и наган,
Пытали, но ни слова не сказала,
Не выдала Татьяна партизан.

Седое утро знойным ветром дуло,
Палач веревку, ящик приволок,
И девушка в последний раз взглянула
На вьющийся над хатами дымок.

«Нас не сломить!» — услышали крестьяне,
А дальше крик петля оборвала,
И у всех к родной, любимой Тане
Слеза страданья с гневных лиц смела.
Седое утро вышло из тумана,
Стоял суровый утренний мороз,
И девушку по имени Татьяна
Крестьяне хоронили у берез.

Они клялись не дать врагу пощады,
Они клялись смерть Тани не забыть,
Умножить партизанские отряды,
За нашу Таню немцам отомстить¹.

¹ Приведем вариант, записанный во время экспедиции в Бельский район:

Село с рассветом вышло из тумана,
Стоял суровый, утренний мороз,
Схватили немцы девушку Татьяну
И потащили в хату на допрос,
Схватили немцы девушку Татьяну
И потащили в хату на допрос.

У ней в глазах бесстрашие сияло,
У ней нашли гранату и наган,
Пытали, но ни слова не сказала,
Не выдала Татьяна партизан,
Пытали, но ни слова не сказала,
Не выдала Татьяна партизан.

Суровым ветром злобно ветви рвало,
Палач веревки, ящик приволок,
И девушка в последний раз взглянула
На вьющийся над крышами дымок,
И девушка в последний раз взглянула
На вьющийся над крышами дымок.

Село с рассветом вышло из тумана,
Стоял суровый, утренний мороз,
И девушку по имени Татьяна
Крестьяне хоронили у берез,
И девушку по имени Татьяна
Крестьяне хоронили у берез.

Они клялись врагу не дать пощады,
Они клялись смерть Тани не забыть,
Умножить партизанские отряды,

2. Там, в саду при долине,
Звонко пел соловей,
А я мальчик на чужбине,
Позабыт от людей.

Позабыт, позаброшен
С молодых, юных лет,
Я остался сиротою,
Счастья в жизни мне нет.

Вот умру на чужбине,
Похоронят меня,
И родные не узнают,
Где могилка моя.

На мою на могилку
Уж никто не придет,
Только раннею весною
Соловей пропоет.

Пропоет, и просвищет,
И опять улетит,
А могилка моя
Одинока стоит.

3. Всё васильки, васильки,
Сколько мелькает их в поле!
Помню, у самой реки
Их собирали для Оли.

Оля сорвет василек,
Низко головку наклонит:
«Вот посмотри — василек
Мой поплывет, твой потонет».

Оля любила его,
Оля реки не боялась,

За нашу Таню немцам отомстить,
Умножить партизанские отряды,
За нашу Таню немцам отомстить.

Зап. Е. С. Арефьева, К. П. Букашкина от З. Г. Парфяненконой, 1930 г. р., д. Фролово Бельского р-на Тверской обл., 6.07.2009 г. Л. 69. Архив кафедры истории русской литературы филологического факультета ТвГУ. Выражаю сердечную благодарность А. А. Петрову, любезно указавшему на этот текст.

Часто осенней порой
С милым на лодке каталась.
Он ее на руки брал,
В глазки смотрел голубые
И без конца целовал
В алые губки, худые.

«Оля, ты любишь меня?»
Оля шутя отвечала:
«Нет, не люблю я тебя,
Быть я твоей не мечтала!»

Милый вынул кинжал,
Низко над Олей склонился,
Хлынула алая кровь,
Олин венчик покотился.

Не надо так много шутить,
Не надо так много смеяться:
Любовь не умеет шутить,
Любовь не умеет смеяться.

Всё васильки, васильки,
Сколько мелькает их в поле!
Помню, у самой реки
Их собирали для Оли.

4. Уродилась я,
Как в поле былинка,
Без отца, без матери,
Горька сиротинка.

Я с тринадцати лет
По людям ходила,
Где качала я детей,
Где коров доила.

Я красива, хороша,
Да плохо одета,
Никто замуж не берет
Девушку за это.

Пойду с горя в монастырь,
Богу помолюся,

Пред иконою святой
Слезами зальюся.
Не поможет ли Господь
В той дали счастливой?
Не полюбит ли меня
Молодец красивый?

5. «Что стоишь, качаясь,
Тонкая рябина,
Головой склоняясь
До самого тына?»»

«Там, через дорогу,
Над рекой широкой,
Так же одиноко
Дуб стоит высокий.

Как бы мне, рябине,
К дубу перебраться?
Я б тогда не стала
Гнуться и качаться.

Тонкими ветвями
Я б к нему прижалась
И с его листьями
День и ночь шепталась».

Но нельзя рябине
К дубу перебраться.
Знать, ей, сиротине,
Век одной качаться.

6. Уж ты сад, ты мой сад,
Сад зелененький.
Ты зачем рано цветешь, осыпаешься?
А куда ж ты, милый мой, собираешься?
Не во путь, не во поход, во дороженьку.
И со всею со семьей ты прощаешься,
И со всею со семьей ты прощаешься,
А со мною, со младой, все ругаешься.
Не ругайся, не бранись,
Скажи: «Милая, прощай».
Тут летела сова через синие моря,
Уронила сова с крыла перышко.

Мне не жалко мать, отца,
Жалко молодца.
7. При лужке, лужке, лужке,
При зеленом поле,
При знакомом табуне
Конь гулял на воле.

Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Пока не споймают,
Как споймают, зауздают
Шелковой уздою.

Вот поймал парень коня,
Зауздав уздою,
Дал он шпорой под бока —
Конь летел стрелою.

«Ты лети, лети, мой конь,
Лети, торопись,
Возле Сашина двора,
Конь, остановися».

Конь остановился,
Вдарил копытами,
Чтобы вышла девица
С черными бровями.

Но не вышла девица,
Вышла ее мати:
«Здравствуй, здравствуй, казачок,
Пожалуйте в хату».

«А я в хату не пойду,
Пойду во светлицу,
Разбужу я ото сна
Спящую девицу».

А девица не спала,
Друга поджидала,
Правой ручкой обняла,
Крепко целовала.

При лужке, лужке, лужке,
При зеленом поле,

При знакомом табуне
Конь гулял на воле.
8. Бывали дни веселые,
Гулял я, молодец,
Не знал тоски-кручинушки,
Как вольный удалец.

Бывало, вспашешь пашенку,
Лошадок выпряжешь,
А сам тропой знакомою
В заветный дом пойдешь.

Она уж дожидается,
Любимая, меня,
Глаза полуоткрытые,
С улыбкою всегда.

Однажды, в конце осени,
Пришел любви конец,
И к ней приезжий с ярмарки
Присватался купец.

Тогда она, красавица,
Забыла про меня,
Оставила, спокинула,
В хоромы жить пошла.

Живет у черта старого,
Как в клетке золотой,
Как куколка, нарядная,
С распущенной косой.

Оставшись в одиночестве,
Я точно опьянел
И всю-то ночку темную
В раздумье просидел.

Блеснула мысль злодейская,
Во тьме нашел топор,
Простился с отцом, матерью
И вышел через двор.

Иду, а ночка темная,
Вдали журчит ручей,

И дело совершилося,
Теперь я стал злодей.
Теперь в Сибирь на каторгу
Угонят молодца
За девку черноокою,
За черта за купца.

9. «Хаз-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыплю тебя.

Саклю пышно твою
Разукрашу кругом,
Стены в ней обобью
Я персидским ковром.

Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою,
А за это за всё
Ты отдай мне жену!

Ты уж старый, седой,
Ей с тобой не житье,
С молодых, юных лет
Ты погубишь ее.

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Все молчало кругом.

Лишь играла река
Перекатной волной,
И скользила рука
По груди молодой.

Она мне отдалась
До последнего дня
И Аллахом клялась,
Что не любит тебя!»
«Князь, рассказ ясен твой,
И напрасно ты рек:

Вас с женой молодой
Я вчера подстерег.
Полюбуйся поди,
Князь, игрушкой своей:
Спит с кинжалом в груди
Она в сакле моей!

Я ее умертвил,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
У нее на устах».

Тут рассерженный князь
Саблю выхватил вдруг —
Голова старика
Покатилась на луг.

Долго молча стоял
Князь у трупа столбом,
Сам себя укорял,
Но решил на своем.

10. По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.

Идет он глухою тайгою,
Где пташки одни лишь поют,
Котел его сбоку тревожит,
Сухарики с ложкою бьют.

Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет,
Унылую песню заводит,
О родине что-то поет.
Бродяга Байкал переехал,
Навстречу родимая мать.
«О здравствуй, о здравствуй, мамаша,
А где же отец мой и брат?»

«Отец твой давно уж в могиле,
Сырою землю зарыт,

А брат твой давно уж в Сибири,
Давно кандалами гремит.
Пойдем же, пойдем же, сыночек,
Пойдем же ты в дом наш родной,
Жена там по мужу скучает,
И плачут детишки гурьбой».

А. В. Шитков

ЧАСОВНЯ АХТЫРСКОЙ ИКОНЫ БОЖЬЕЙ МАТЕРИ ДЕРЕВНИ ИЛЕЙКИНО СТАРИЦКОГО РАЙОНА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Деревня Илейкино Луковниковского поселения Старицкого района располагается на ровной возвышенности в 1 км от Луковниково, в 43 км от Старицы, на шоссейной дороге районного значения Старица-Луковниково-Бабино-Орешки. В 30 м к востоку от селения протекает р. Рясинка, берег которой плоский и топкий. Почва вокруг деревни иловатая, подзолистая. Вода на земле застаивается¹.

По переписи 1859 года в деревне Илейкино проживали 457 человек (220 мужчин и 237 женщин)², в 1886 году – 542 человека (280 мужчин и 262 женщины), в 1919 году – 610 человек (289 мужчин и 321 женщина). Сегодня в деревне проживают 28 человек³.

Деревня Илейкино была знаменита в округе «Святым ключом», названным в честь иконы Ахтырской Божией Матери. Обратимся к истории источника. Вот как описывает часовню в деревне Илейкино

дореволюционный старицкий краевед Иван Крылов: «К Луковниковской церкви приписана, находящаяся при деревне Илейкино, часовня, построенная на средства Бекловской помещицы. Часовня эта деревянная, восьмиугольная на каменном фундаменте, крыта железом, построенная на ключе, на месте явления Чудотворной иконы Ахтырской Божией Матери. <...> Икона Ахтырской Божией Матери, очень чтится в округе и от нее исходит масса исцелений. <...> Ежегодно 2 июля из церкви с. Луковникова в ча-

¹ Тверская деревня: Старицкий район: Энциклопедия российских деревень. Т. I / Ред. А. В. Шитков. Старица: Старицкая типография, 2007. С. 247—248.

² Тверская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года / Ред. И. Вильсон. СПб.: Издано центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел, 1862. С. 369.

³ Тверская деревня. Старицкий район... С. 248.

совню совершался крестный ход. На это торжество собиралось несколько тысяч богомольцев»¹.

Образ Ахтырской Божией Матери — один из самых почитаемых на Руси, празднование которому совершается 2/15 июля, была явлена в 1739 году в городе Ахтырка Харьковской губернии (ныне Сумская область, Украина). Образ, от которого исходило сияние, был обретен священником Покровского храма Василием Даниловым в траве во время сенокоса.

Пресвятая Богородица изображена на нем со сложенными на груди в молении руками, слева от нее — Иисус Христос, распятый на Голгофском кресте. Икону перенесли в дом священника, где совершились первые чудеса исцеления от лихорадки; через три года Ахтырская икона была поставлена в Покровском храме. При высочайшем дворе о чудесах от святыни узнали благодаря явлению Божией Матери в тонком сне больной баронессы фон Вейдель, посетившей Ахтырку в 1748 году: ей был указан день кончины и обещано покровительство ее

малолетним дочерям.

В 1751 году Святейший Синод постановил почитать икону как чудотворную. В 1768 году на пожертвование Императрицы Елизаветы Петровны на месте явления иконы был построен каменный Покровский собор, в котором образ находился вплоть до его похищения в 1903 году во время отправки на реставрацию в Санкт-Петербург².

Почему «Святой источник» в деревне Илейкино назван в честь Ахтырской иконы Божией Матери? Существует местная легенда: «В середине XVIII в. на территории современного Луковниковского поселения прошел страшный мор. Болезнь косила всех подряд — и спасения от нее люди не находили. Именно в это время и пришло известие о том, что в деревне Илейкино забил Святой ключ. И стали люди омываться водой с источника, и случилось там видение, и узнали люди: помочь им может только икона Ахтырской Божией Матери из храма далекого украинского села Ахтырка. И привезли они ту икону на источник, и стала тогда вода исцелять людей, и отступила от них болезнь»³. 2 июля, в день Ахтырской иконы Божией

¹ Крылов И. П. Достопримечательности в уезде. Вып. 1. Старица: тип. И. П. Крылова, 1915. С. 12.

² Щенникова Н. В., Э. П. И. Ахтырская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. Т. IV. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002. С. 217—218.

³ Петрова Надежда Святой источник // Старицкий вестник. 2002. 17 июля. № 57. С. 1.

Матери, «Святой источник» деревни Илейкино был освящен монахами Иосифо-Волоколамского монастыря¹.

В Тверском государственном архиве имеется дело «О дозволении крестьянам деревни Илейкина, прихода села Луковникова Старицкого уезда, устроить в их деревне здание в виде часовни», из которого следует, что 31 июля 1857 года крестьяне деревни Илейкино написали покорнейшее прошение архиепископу Тверскому и Кашинскому Филофею о разрешении «Святой расчищенный пруд обнести строением в виде часовни, вынести туда икону Ахтырской Божией Матери и пред нею отправлять молитвие с водоосвящением два раза в год, а именно: 2 июля и 8 сентября»². А причиной данного прошения стало то, что когда-то позади хозяйственных крестьянских дворов, при небольшом пруде, «неизвестно почему называемся Святым», с незапамятных времен стоял столб, в который была врезана икона Ахтырской Божией Матери. Но «назад тому лет шесть» столб, подгнив снизу, от времени упал, «и никто из нас не позаботился его возобновить», а икону Ахтырской Божией Матери «взял в свой дом крестьянин нашей деревни Алексей Васильев»³.

Именно с этого времени и начались в деревне несчастья. Так, «три года сряду весь хлеб побивало у нас градом, а на четвертый год весь скот рогатый выпал от заразы», и после этого уже несколько лет подряд вновь «побило хлеб градом», тогда как окружающих спольных с нашей деревней не испытали таковых несчастий»⁴.

Причиной всех же бед крестьяне деревни Илейкино видели только в одном, что «не позаботились возобновить исстари стоящего столба для иконы Ахтырской Божией Матери», так как «доколе столб и в нем икона Ахтырской Божией Матери и была всем и каждому из нас на хозяйственных занятиях наших <...> и не один из нас не выходил на работу без того, чтобы не помолиться <...> пред иконою Божией Матери», «через это Бог нас и миловал». А когда «удалили мы от взоров всех и каждого икону Ахтырской Божией Матери», стали «охладевать в молитвах своих», да так, что «забывали иногда и перекреститься, хватаясь скорее за работу», «и вот испытали тяжкие последствия нашей беспечности нерадения пред Царицею Небесною»⁵.

Затем просят крестьяне деревни Илейкино архиепископа Тверского и Кашинского Филофея дать благословение, после того как «единогласно сделали обет: опять вынести икону Ахтырской Божией Матери на Святой

¹ Волнухин А. Я., Крыжановская А. А. Святые родники земли Старицкой. Старица: МУП «Старицкая типография», 2011. С. 10—11.

² Государственный архив тверской области (далее — ГАТО). Ф. 160. Оп. 14. Ед. хр. 2237. Л. 1 об.

³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Ед. хр. 2237. Л. 1.

⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Ед. хр. 2237. Л. 1.

⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Ед. хр. 2237. Л. 1—1 об.

пруд для всегдашнего напоминания нам и нашим потомкам о молитве пред начатием нашего дела Царице небесной». Но уже вместо столба, устроить часовню, тем самым, «обнося стенами своими весь Святой пруд <...> сохраняла этот пруд в особенной чистоте»¹.

В Старицком духовном правлении по справке оказалось, в деревне Илейкине «приходских душ мужского пола 262, женского 300»², что в том числе повлияло на положительный исход прошения. При опросе же старожилков деревни Илейкина о «Святом источнике» и иконе Ахтырской Божией Матери восьмидесятилетние старики показали, что «место, где стоял столб с иконою Ахтырской Божией Матери, с незапамятных времен назывался и понесъ называется», «что пруд назывался Святым и в то время, когда они еще были малолетними», что «по преданию стариков, недугоющими разными болезнями, по молитве пред иконою Ахтырской Божией Матери и по омовению водою из Святого пруда и употреблении оной в питии получали исцеления»³.

После получения благословения от Тверского владыки, крестьяне деревни Илейкино собрали устройства часовни до ста рублей серебром, и через некоторое время небольшая часовня была выстроена, «в коей поставлена икона Пресвятыя Богородицы Ахтырская»⁴. Часовней заведовали две монахини, для которых «был построен особый домик-сторожка». Территория часовни была обнесена деревянной оградой, а вокруг посажены деревья. На поклонение святой иконы Ахтырской Божией Матери приходили богомольцы из далеких деревень и других уездов⁵.

В годы советской власти «Святой ключ» в деревне Илейкино почитался у верующих. До 1941 года часовня сохранялась в том виде, какой ее построили крестьяне, хотя постепенно она приходила в ветхость. Старожилы деревни Илейкино рассказывали, что атеистически воспитанные местные власти перед районным слетом передовиков производства решили дать «вторую жизнь» старой часовне, перенеся ее в качестве сцены в парк. Перенос был назначен на 22 июня 1941 год, но грянула война⁶.

В марте 1948 года была даже предпринята попытка открыть часовню для богослужений, но Калининский облисполком отклонил просьбу верующих⁷.

В информационном отчете «О состоянии положении и деятельности Русской Православной Церкви по Калининской области за 1 квартал 1949

¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Ед. хр. 2237. Л. 1 об.

² ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Ед. хр. 2237. Л. 18.

³ ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Ед. хр. 2237. Л. 21 об.

⁴ ГАТО. Ф. 160. Оп. 14. Ед. хр. 2237. Л. 14.

⁵ Крылов И. П. Достопримечательности в уезде... С. 13.

⁶ Аверина Т., Соломонова И. Под сенью вековых лип... // Новая Старицкая газета. 2005. 22 июля. № 30. С. 7.

⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Ед. хр. 326. Л. 8 об.

года» говорится: «В деревне Илейкино того же района (Старицкого — А. Ш.), систематически, без духовенства проводится церковная служба в доме гр.<ажданки> Беляевой А. Н. Присутствует на службах до 30 человек, а в престольный праздник “Ахтырская” в эту деревню собирается верующих до 800 человек»¹.

В 50-х годах XX в. всё еще большой процент населения продолжал отмечать религиозные праздники. Их праздновали также широко, как государственные. Больше всего докучали местным властям религиозные праздники тем, что проходили в летние месяцы, тем самым, отвлекая колхозников от сельскохозяйственных работ, так как рабочие устраивали себе выходные, напиваясь на местных ярмарках. Черда религиозных праздников в июле вызывала опасения у властей, поскольку проходила в пору сенокоса.

Сильнейшее пьянство, составлявшее неотъемлемую часть сельского праздника, служило поводом и оправданием для разного рода антиобщественных выходок. Драки и пожары были обычным явлением во время подобных праздников, происходили даже убийства.

17 августа 1957 года состоялось внеочередное заседание Старицкого райисполкома, на котором рассматривался вопрос «О состоянии борьбы с преступностью и охраны общественного порядка в районе». В постановлении было протокольно записано, что «уголовная преступность в районе остается высокой, особенно много хулиганских проявлений и нарушений общественного порядка допускается в дни религиозных праздников. В районе отмечается всего 60 религиозных праздников, большинство религиозных праздников отмечают 30–40 населенных пунктов, а так называемый “Ильин день” 2 августа отмечают 52 населенных пункта. Большинство религиозных праздников отмечаются в летнее время, 3 – 4 дня во время полевых работ колхозники на работу не выходят, чем самым наносится большой ущерб народному хозяйству колхозов. <...> Исполком Райсовета считает нетерпимым, когда сельские Советы, депутаты и сельский актив мирится с этим позорным явлением, не ведут с колхозниками никакой работы против религиозных праздников»².

Усиливается антирелигиозная пропаганда на страницах районных газет. В районной Луковниковской газете «Ленинское знамя» было написано обращение ко всем жителям Луковниковского района — «Религиозного праздника “ахтырская” для нас больше не существует. Обращение граждан деревни Илейкино Луковниковского района к родным, близким и знакомым, ко всем трудящимся в районе»³. Рядом помещена статья секретаря

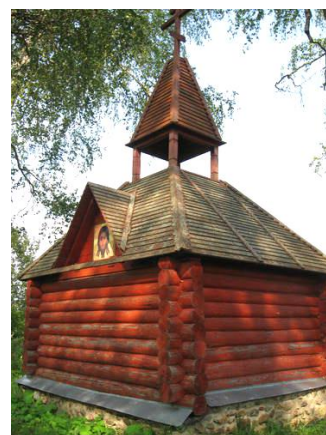
¹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Ед. хр. 485. Л. 4.

² Старицкий муниципальный архив тверской области (далее — СМАТО). Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 259. Л. 37 об.

³ Религиозного праздника «ахтырская» для нас больше не существует. Обращение граждан деревни Илейкино Луковниковского района к родным, близким и знакомым,

Луковниковского райкома партии И. Рыжкова «Правда об «ахтырской»», написанная в духе атеистического времени¹ и решение Луковниковского исполкома райсовета об отмене религиозного праздника Ахтырской иконы Божией Матери².

Но, несмотря на запреты, на Святом источнике в деревне Илейкино ежегодно проходили молебны, на которые съезжались несколько сот верующих. Так, в отчете атеистической комиссии при Старицком райисполкоме за 1966 год находим: «В отдельных населенных пунктах <...> дер. Илейкино и дер. Маслово Старицкого района <...> есть почитаемые невежественными людьми «святые» колодцы и родники, откуда некоторые местные жители берут воду домой или пьют ее на месте. Например, 15 июля т.<екущего> г.<ода> в дер. Илейкино Луковниковского сельсовета, в день религиозного праздника Ахтырской Божьей матери, состоялось богослужение под открытым небом, у так называемого, «святого источника», присутствовало около 100 человек, жителей ближайших населенных пунктов, несколько человек было из города Старицы. Все верующие престарелые. <...> Священник Ясинский подстрекал верующих, чтобы они добивались разрешения выезжать ему в дер. Илейкино в религиозный праздник Ахтырскую для проведения молебна. <...> Поскольку религиозные фанатики и кликуши пытаются использовать для нелегальных богослужений здания бывших часовен, нужно принять меры к тому, чтобы все пустующие здания бывших церквей и часовен, закрытых в разное время, были использованы под культурные или хозяйственные цели»³.

После смены политического строя в стране изменилось и отношение к религии. В 2006 году, в Илейкино была построена новая часовня по проекту Валентина Ивановича Розова, уроженца деревни Большое Капково Луковниковского поселения.

15 июля 2002 года священниками Константином и Дмитрием был освящен родник в честь Ахтырской иконы Пресвятой Богородицы. Через некоторое время святой источник был благоустроен. Над родником возвели надкладезную сень, а рядом построили красивую часовню из дерева и природного камня. Теперь любой желающий может прийти в это место, помолиться и набрать воды из ключа. Ежегодно 2 июля во время крестного хода в честь престольного праздника Ахтырской Божьей Матери на источ-

ко всем трудящимся в районе // Ленинский путь (Луковниково). 1959. 10 июля. № 81.

¹ Рыжков И. Правда об «ахтырской» // Ленинский путь (Луковниково). 1959. 10 июля. № 81.

² В исполкоме райсовета. Об отмене религиозного праздника «ахтырская» // Ленинский путь (Луковниково). 1959. 12 июля. № 82.

³ СМАТО. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 323. Л. 26—27.

нике совершается таинство крещения¹. 6 сентября 2006 года архиепископ Тверской и Кашинский Виктор освятил илейкинскую часовню — «Святой источник» и икону Ахтырской Божией Матери².

¹ Петрова Надежда Святой источник... С. 1.

² Петрова Надежда На святом месте // Старицкий вестник. 2006. 8 сентября. № 37. С. 1.

ЭКСПЕДИЦИИ

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СПИРОВСКОГО РАЙОНА: РУКОПИСНАЯ ТРАДИЦИЯ

Подготовка текстов В. С. Харитоновой

1. Вспомни, как вместе учились,
Одною дорогою шли,
К одной же мы цели стремились,
И дни незаметно текли!

Если встретится нам не придется,
Если так уж жестока судьба,
Пусть на память тебе остается,
Неподвижная личность моя!

В минуты жизненных скитаний,
Порой в тени наедине,
Когда-нибудь среди мечтаний,
Быть может вспомнишь обо мне!¹

2. Вот и мы в альбом попали!
Пиши перо, пиши скорей,
Пока нас в шею не прогнали!

3. Когда вода совсем иссохнет,
На камнях вырастет трава,
Когда луна светить не будет.
Тогда забуду я тебя!²

4. Не забывай меня, когда мы разойдемся,
Судьба дает в жизни лучший путь,
Мы, может быть, и не сойдемся,
В разлуке же меня не позабуди!³

5. Риточка, когда-нибудь,
Может, вспомнишь, улыбнешься,
Может, хмуро сдвинешь бровь,

¹ Песенник М. Семёновой; велся в 1946—1948 гг., пгт. Спирово Калининской (Тверской) обл. Л. 1. Архив А. А. Петрова.

² Там же. Л. 8 об.

³ Там же. Л. 9.

Может, вспомнишь с трудом,
Может, вспыхнет огнем
Наша прежняя любовь!¹

6. Кого люблю, тому дарю.

7. Вспомни друга в час досуга.

8. Когда года на шумную дорогу
Из детства милого в свет выведут тебя,
Пусть этот образ в душевную тревогу,
Напомнит тебе про меня.

В чужой далекой стороне
Вспомни, Рита, обо мне,
Хотя не будем вместе лишь,
Прошу меня не позабыть².

9. В одиноком и скучном досуге,
Когда некому слова сказать,
Я решила, как лучшей подруге,
Тебе, Рита, в альбом написать.

Вот скоро то время настанет,
Когда здесь не будет меня,
Я чувствую тяжкое время,
Скучно, Рита, мне жить без тебя.

Всё равно нам придется расстаться,
Всё равно сердцу будет печаль,
Всё равно оно будет терзаться,
Как с тобою расстаться мне жаль!

Всё равно ты полюбишь другую,
Всё равно ты забудешь меня,
Забудешь ты серые очи,
Как странно — люблю я тебя!

Я желаю, чтоб жизнь улыбалась,
Чтобы жить тебе было легко,
Чтобы в жизни тебе не случилось,
Не любить, не страдать тяжело.

¹ Там же. Л. 10 об.

² Там же. Л. 12.

И желала б, но дальше не знаю,
Что можно еще пожелать,
И просьбою стих мой кончаю —
Прошу меня не забывать!¹

10. О, мой друг! В часы досуга,
Когда перо в твоей руке,
Ты вспомни искреннего друга,
И напиши мне о себе.

Пиши мне искренне, как другу,
Печаль и радость, и досуг,
Я протянуть готова руку
Всегда тебе, мой друг.

Хоть встретились с тобою мы случайно,
Хоть я поздно узнала тебя,
Но понравилось мне чрезвычайно,
Что так просто вела ты себя.

В простоте твоей милой, наивной,
Выражается прелесть души,
И улыбка, и смех твой ретивый.
О! Как все эти черты хороши.

Хороши они тем, что не лживы,
Безо всяких притворств и прикрас,
Они искренни, милы, правдивы,
А ведь искренность редко у нас!

Дай мне руку в трудный час,
Моя дорогая подруга,
Пусть люди забудут о нас,
Но мы не забудем друг друга!²

11. Пишу тому, кто мил сердцу моему.

12. Живи, лови минуты счастья,
Они порою хороши,
Но, не узнавши человека,
Не отдавай своей души.

¹ Там же. Л. 12 об.

² Там же. Л. 13.

Судьба играет человеком,
Она изменчива всегда,
То вознесет его высоко,
То скроет в бездну без стыда.

Вспомни школу, уроки и книги,
Перемену, игру и листки,
И ребят, и девчат, и записки,
И решенье задач у доски.

Не советую рано влюбляться,
Не советую рано любить,
А особенно в то время,
Когда нужно уроки учить.

Любить тебе рано, покуда
Сидишь ты на школьной скамье,
Ученье же вовсе не худо,
Лишь было бы счастье тебе.

Любовь — это бурное море,
Любовь — это злой океан,
Любовь — это счастье и горе,
Любовь — это зло и обман¹.

13. Вот скоро придется расстаться
И ехать в невиданный край,
А в жизни, кто знает, что будет,
Последнее слово: «Прощай»!

«Прощай!» — Как звучит это грустно.
«Прощай!» — Сердце больно кольнет.
«Прощай!» — Нам с тобой не видаться,
В одиночестве жизнь потечет.

Ты, может, меня позабудешь,
Но я не забуду тебя,
Ты в жизни полюбишь другую,
Но я ни за что, никогда!

¹ Там же. Л. 14.

Люби того лишь человека —
С красивой честью и душой,
Но никогда не увлекайся
Его наружной красотой.

Люби того, кем сердце дышит,
Любовь бывает только раз,
Но если многих ты полюбишь,
Эта любовь только на час.

Рита! Не бросайся на шею тому,
Кто красив и в богатом уборе,
Люби, Рита, только того,
Кого сердце избрало по воле.

Когда печальна, одинока,
Ты будешь в дальней стороне,
Тогда взгляни на эти строки
И тихо вспомни обо мне!¹

14. Сажусь за стол, берет раздумье,
Не знаю, что тебе писать,
Ты рано занялась любовью,
Любовь заставила страдать.

15. Пусть не я, а тень моя
Напомнит, кто любит тебя!

16. Рита! Ты еще молодая,
Твоя юность, как роза цветет,
Не люби, не люби дорогая,
А полюбишь, так юность уйдет.

17. Мой совет, дорогая подруга,
Учись, хоть трудно всегда,
Учение нам пригодится,
Ты вспомни совет и меня².

18. Подожди, не люби, дорогая,
Горе будет еще впереди,
А любовь принесет много горя,
В наболевшее сердце груди!

¹ Там же. Л. 15 об.

² Там же. Л. 16.

Скоро жизнь надоест и увянет,
Трудно будет безрадостно жить,
А идя по пути, ты устанешь,
Подожди, не спеши ты любить!

Не разлюблю и не забуду,
Куда б судьба не завела,
И долго-долго помнить буду
Твой облик и твои глаза.

Придет 30-е июня,
Расстаться, Рита, нам с тобой, пора,
Тебя я, Рита, не забуду,
Хоть ты и забудешь меня¹.

19. Ты просила в альбом написать,
А о чем написать — не сказала,
О любви еще рано мечтать,
А о жизни сама мало знаю!

Юность — пора золотая,
Больше играй и резвись,
Юности больше не будет,
Как ты за ней не гонись.

Желаю тебе веселиться,
В забавах время проводить,
Но смотри, чтоб не влюбиться,
Влюбленным очень грустно жить!

Если хочешь ты стать с человеком,
Если хочешь увидеть ты свет,
То учись и учись дорогая, это —
Лучший из лучших совет!

Вот скоро-скоро волны света
Тебя умчат тебя куда-нибудь,
И пусть тебя страница эта
Обо мне напомнит что-нибудь!

¹ Там же. Л. 19 об.

Не плачь, мой друг, что розы
Вянут, они весною расцветут,
А плачь, что годы молодые
Свой путь обратно не вернут!

Живи не так, как велят,
А так, как сердцу хочется,
Пройдут года, устанешь жить,
А детство не воротится!

Ты молода, ты все хохочешь,
В головке бродит ветерок
И если плакать ты не хочешь,
Не верь ребятам, мой дружок!

Как одинокая гробница
Вниманье путника зовет,
Так эта белая страница
Пусть милый взор твой привлечет.

Не люби никого хоть не рано,
Счастье будет еще впереди,
А любовь принесет много горя
Наболевшему сердцу в груди.

А уж хочешь любить, так люби,
Но любовью XX-го века,
Полюби не черты молодого лица,
Полюби самого человека!

Ты весела, всегда беспечна,
Ты любишь ласки и цветы
И как все девочки, наверно,
Кого-нибудь да любишь ты?!

Не говори, что мир печален,
Не говори, что трудно жить,
Сумей средь жизненных развалин
Бороться, верить и любить!

Зачем смеяться, когда грустно?
Зачем грустить, когда смешно?
Зачем казаться равнодушной,
Когда в душе совсем не то?!
Риточка! Тебе, мой ангел нежный,

Я посвящаю этот труд,
О, пусть любовно и прилежно
Твои глаза прочтут!

Ты мне внушала эти строки,
Они тобой вдохновлены,
Пусть же будут в край далекий
Они с тобой унесены!

А если грудь занает больно
В тоске по нашей стороне,
Пусть они тогда невольно
Тебе напомнят обо мне!

Кому-нибудь другому
Не стала я писать,
Но тебе, прекрасная,
Не в силах отказать!

Любишь! А кто любовь оценит?
Кто сердцу сердцем даст ответ?
Кто не разлюбит и не забудет?
Таких людей на свете нет!¹

ЧАСТУШКИ МОЛОКОВСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Подготовка текстов М. А. Бердниковой²

1. Школьные частушки³

— Ой, подружка моя,
Как тебе не стыдно?
На уроке булку ела,
Думаешь, не видно!⁴

¹ Там же. Л. 20—21.

² В 2012 году за время учебной диалектологической практики в Молоковском районе Тверской области (руководитель — Л. Н. Новикова) кроме лексики по теме «Человек» также были собраны частушки, которые мы здесь и представляем — М. Б. Архив собирателя.

³ Зап. М. А. Бердникова, Д. Е. Гусева от Н. А. Голубевой, 1934 г. р., пгт. Молоково Тверской обл., 06.2012 г. Педагогическое образование, работала учителем начальных классов. Приехала в Молоково из Весъегонского района, где проживала в селе Чамерово.

⁴ №№ 1—37 выписаны из тетради, где информантом было сделано тематическое деление текстов — М. Б.

2. «Подружка моя,
Я ее не ела,
Раз пятнадцать укусила —
Больше не хотела».

3. Молоковская ты школа,
Каменное зданьицо,
Научила эта школа
Бегать на свиданьица!

4. На столе стоит стакан,
А в стакане кислый квас,
Вы не думайте, мальчишки,
Что девчонки любят вас.

5. Колхозная тема
Председатель на собранье
Очень много говорил,
А на деле все решенья
Будто солью засолил!

6. Бригадир, ты бригадир,
Ты всей бригадой ведаешь,
Почему ты, бригадир,
Наряды поздно делаешь?

7. Есть таланты на Руси,
Говорю уверенно,
Коль народ еще поет,
Знать, не всё потеряно.

8. Я работать не могу:
Песни петь охотница,
До свиданья, коммунизм,
Здравствуй, безработица!

9. Мы давно не выступали,
Все в резерве маялись,
Заиграл наш баянист —
Мы на смотр отправились.

10. Вот она и заиграла,
Зашумел зеленый лес,

В пляс пошли пенсионеры
Не волнуйся, соцсобез!¹

11. Ты играй, наш баян,
С переборчиком!
И частушки пропою
С разговорчиком.

12. Только пьянице живется
В наши смутные года:
На работу он не рвется
И с бутылочкой всегда.

13. Уговаривать Ивана
Не хватает больше сил —
Рассердился он на Маню
И в кино не пригласил.

14. По поселку мы прошли,
Библиотеку вмиг нашли,
Это рай — библиотека —
Красота для человека.

15. По причине юбилея
Песни петь совсем не грех,
Принимайте поздравленья
В этот день от нас от всех!

16. В библиотеке ты получишь
На любой вопрос ответ,
Всё тебе там растолкуют:
Новости, закон, декрет.

17. Ой, подружки дорогие,
Будем снова мы гулять,
Библиотека приглашает
В клуб «Родник» нас всех опять.

18. С юбилеем поздравляем,
Вам хорошего желаем,
Чтоб начальники хвалили
И читатели любили.

¹ По замечанию информанта в рукописи, возможен вариант «райсобез» — М. Б.

- 19.** Дорогой залеточка,
Люблю твою походочку,
Ты идешь, тебя качает,
Что на море лодочку.
- 20.** У залетки моего
Поговорка важная:
«Здравствуйте, товарищи!
Где моя куражная?»¹
- 21.** Молоковские девчонки —
Нигде не пропадем,
Сине море переехали —
Мологу перейдем.
- 22.** Я сегодня не нарядна,
Кофта не коричневая,
Любит милый симпатичных,
Я не симпатичная.
- 23.** У меня четыре брата,
Уговаривал один:
«Ты гуляй, гуляй, веселая,
В обиду не дадим!»
- 24.** Это чей такой хорошенький,
В рубашке голубой?
Я хотела познакомиться,
Сказали — занятой.
- 25.** Милый в армию пошел
Надел рубашку белую,
Четыре годика ждала,
Изменушки не сделала.
- 26.** Я иду — они сидят,
Четыре голубеночка,
Они сидят и говорят:
«Измена от миленочка!»
- 27.** Я иду — они стоят,
Четыре елочки подряд,
Елочка за елочкой,
Люблю мальчишку с челочкой.

¹ По замечанию информанта, куражная — т. е. капризная — М. Б.

28. Полюбила я его
Такого интересного,
Отнеси его, Господь,
Царица, Мать Небесная.

29. Политика

Перед выбором зимой
Напоили пьяного.
Надо Путина любить,
А он бубнит: «Зюганова»!

30. Мы пропели вам частушки,
Не осталось ни одной,
Если хочешь быть богатым,
То не медли с посевной!

31. Все начальники богаты,
Строят новые дома,
А откуда у них деньги,
Коль страна наша бедна?

32. Пой, подружка, веселей,
И не бойся критики,
Мы советские девчонки
Ленинской политики.

33. Я сегодня пропою
Про участь горькую мою,
Участь горькая моя,
Пенсионеркой стала я!

34. Перестройка, перестройка,
Я уж перестроилась:
У соседа много денег,
Я к нему пристроилась.

35. Дорогая моя Зина,
Голова задурена,
Надо Путина любить,
А я люблю Бабурина.

36. Из колодца вода льется,
Размывает даже ил,
Где б найти такого деда,
Чтоб не пил и не курил?

37. Я залетке своему
Не верю и не верила,
Потому что мой залетка
Вышел из доверия.

38. Говорила я залетке,
Говорила, спорила,
Заведи себе такую,
Чтобы я не стоила!¹

39. У залетки моего
Стояла под палатями,
Я за то его любила,
Один сын у матери.

40. Меня милый не целует,
Говорит: «Потом, потом», —
Сам на печке
Тренируется с котом.

41. У залетки моего
Аккуратненький носок:
Восемь курочек садится
И девятый — петушок².

42. Я работала в колхозе
И нога была в навозе,
А теперь мне стало лень,
Провалился трудовень.

43. Говорят, что боевая,
Боевая я и есть,
Боевая я и дома,
Боевая я и здесь.

44. Я сегодня видела
В поле истребителя,
Подруга любит атамана,
А я заместителя.

¹ Зап. М. А. Бердникова, Д. Е. Гусева от А. А. Стружкиной, 1930 г. р., пгт. Молоково Тверской обл., 06.2012 г.

² Зап. М. А. Бердникова, Д. Е. Гусева от Е. Ф. Смирновой, 1929 г. р., пгт. Молоково Тверской обл., 06.2012 г.

45. Девушки, влюбляйтесь,
В любви разбирайтесь:
Какие интересные,
Те трепачи известные!

46. Девушки, отстала я
От стада лебединого,
Девушки, забыла я,
Походочку любимого!

47. Говорят, в колхозе худо,
А в колхозе перва жисть,
До обеда поработай,
А с обеда спать лёжись!¹

48. Задушевная, заплясуй,
А я взаде за тобой,
У тебя любов горяча,
У мне нету никакой.

49. У меня миленочок
В поле на веревочке,
Я попить ему несу
В железненьком ведерочке.

ЖЕСТОКИЕ РОМАНСЫ АНДРЕАПОЛЬСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Подготовка текстов А. И. Логуновой

1. Разлука, ты, разлука,
Чужая сторона,
Никто нас не разлучит,
Лишь мать сыра-земля².

¹ Зап. М. А. Бердникова, Д. Е. Гусева от Н. Ф. Пушкиной, 1926 г. р., с. Деледино Молоковского р-на Тверской обл., 06.2012 г.

² Песенник Ю. А. Никандровой, 1941 г. р., с. Хотилицы Андреапольского р-на Тверской обл., 2010 г. Материалы экспедиции. Архив А. А. Петрова. О Юлии Анисимовне см. *Евсеенко Татьяна* Фольклор как фундамент культуры // Вече Твери. 2009. 27 февраля — 5 марта. № 24 (4384). С. 18.

На форзаце песенника имеется следующая надпись:
Пишу стихи и песни, ветер дует,

Все пташки, канарейки
Так жалобно поют,
А нам с то<бо>й, мой милый,
Разлуку все дают.

Зачем нам разлучаться,
Зачем в разлуке жить?
Не лучше ль обвенчаться,
Друг другом дорожить?

Моя рука писала,
Не зная для кого,
А сердце мне сказала —
Для друга моего.

Подружка моя Катя,
Соперница моя,
Зачем же ты отбила
Милова у меня?

Подружка моя Катя,
Соперница моя,
Люби мово ты друга,
Люби его, как я¹.
2. Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была,
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

А на утро рано проснулась,
Кругом помятая трава
И не одна трава помята,
Помята девичья краса.

Ветерочек, тише дуй;
От писателя — читателю
Горячий поцелуй.
На долгую, вечную память любимой внученьке Настеньке от бабушки Юли.
Если нравятся, храни,
А не нравятся, сожги.
Написано зимой 2007—2009 годы.

¹ Там же. Л. 2 об.

Приду домой, а дома спросят,
Где ночь гуляла, где была,
А я скажу в саду была, в саду гуляла,
Тропинкой к тетеньке зашла.

А если дома ругать будут,
То приходи опять сюда,
Я пришла, его здесь нету —
Горько плакать начала.

Его здесь нет, его не будет,
Его не будет никогда,
Надо мною посмеялся
И уехал навсегда.

Раньше жил — город Мурманский,
Теперь уехал на Кавказ,
Меня горькую оставил
Всем знакомым напоказ.

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была,
Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра¹.

3. Этот случай совсем был недавно,
В Ленинграде, той прошлой войной,
Офицер после жаркого боя
Пишет письма жене молодой.

«Дорогая жена, я калека,
Нету правой ноги, нет руки,
Орден Ленина ярко сияет,
Расположен на левой груди.

Не стесняйся, моя дорогая,
Что теперь я калека такой,
Я служил для защиты народа,
Дорогая, берег твой покой».

«Милый друг, я письмо получила

¹ Там же. Л. 6 — 6 об.

И не знала, что написать,
Оно очень меня огорчило,
Я от горя пошла погулять.

Мне всего лишь тридцатый годочек,
Я в силах гулять, танцевать,
Ты придешь ко мне, как калека,
На кровати лишь только лежать».

А пониже чуть-чуть каракульки,
Сразу видно, что почерк другой,
Это пишет родная дочурка
И зовет она папу домой.

«Милый папа, не слушай ты маму,
Приезжай поскорее домой,
Твоей встречи я так буду рада,
Буду знать, что мой папа со мной.

Повезу я тебя в свой садочек,
Там цветы для тебя буду рвать
И под высокою тенью деревьев
В гамаке я буду качать».

Вот мелькают поля, горы, реки,
Скорый поезд несется стрелой,
В этом поезде слезы и радость —
Офицер возвращался домой.

Вот поезд к вокзалу подходит,
Он выходит скорей на перрон,
Тут встречает родная дочурка —
Милый папа, а может, не он.
«Милый папа, а что же с тобою:
Руки целы и ноги свои,
Орден Ленина ярко сияет,
Расположен на левой груди».

«Ничего ты не знаешь, дочурка,
Чего мама не вышла встречать?
Стала мама для нас уж чужая,
Мы не будем о ней вспоминать».

Этот случай совсем был недавно
В Ленинграде, той прошлой войной,
Офицер после жаркого боя,
Офицер возвращался домой¹.

4. Семен, Семен, наколи мне дров,
Я Семеновна напеку блинов.

Семен, Семен, наколол мне дров,
Я Семеновна да напекла блинов.

Семен, Семен, да мой Сенечка,
Поцелуй ты меня, да хорошенечко.

Семеновна баба русская,
Сама гордая, юбка узкая.

Семеновна с горы катилася,
Юбка узкая заворотилася.

Семеновна лежит во пнях:
Пузо голое, рожа вся в соплях (пьяная).

Самолет летит, и мотор гудит,
В самолете том милый мой сидит.

Самолет летел, крыло вертелось,
Я завлекла того, кого хотелось.

Ты не стой, не стой, да не посвистывай
Потерял любовь, не отыскивай.
Потерял любовь, она найденная,
Другому мальчику уж подаренная.

Ты не стой, не стой, да у ворот моих,
Я не пойду с тобой, ты провожал других.

Подруга пой, дорогая пой,
Сегодня вечером придет залетка твой.

¹ Там же. Л. 10 об. — 11.

Придет, придет, не отпираюся,
А любить его не собираюся.

Калина красная, калина вызрела,
Я у залеточки характер вызнала.

У залеточки характер ай какой,
Я с ним поссорила, он пошел с другой.

Он пошел с другой, а я не спорила,
Наверно, он хорош, а я не стоила.

Камыш, камыш, скажи, о чем шумишь,
Молодая грудь, скажи, о ком болишь.

Молодая грудь, скажи, о ком болишь,
Она ответила, о ком ты думаешь.

У залетки мать, у меня отец,
Не дают гулять, нашей любви конец.

Не дают гулять, так и не буду я,
Ты залеточка, позабывай меня.

Залеточка напился пьяненький,
Разговор завел он с моей маменькой.

Меня маменька поперечила,
С такой пьяницей гулять нечего.

Я маменьке своей дала ответ:
«Ты не гуляешь с ним, тебе дела нет».

У залеточки чуб волной-волной,
Некрасива я, не гуляй со мной.

Семеновна, тебя поют везде,
Молодой Семен утонул в воде.

Залеточка, дорогой ты мой,
Ты иди гулять, а я пошла домой.

Ой, вы девочки, да помидорчики,
Не стойте с парнями в коридорчике.

Гора, гора, гора высокая,
Вот на той горе убили сокола.

Убили сокола и крест поставили,
Меня девчоночку страдать заставили.

Гора, гора, под горой вода,
Уехал милый мой, не сказал куда.

Гора, гора, гора-гориночка,
Уехал в армию мой ягодиночка.

Уехал в армию, а я осталася,
Ждать его я обещалася.

Гора, гора, а под горой ручей,
Буду я ничья, да и ты ничей.

Гора, гора, а на горе колхоз,
Милый мой мне задавал вопрос.

Мне задавал вопрос, а я ответила,
Ты пошел с другой, а я заметила.

А я заметила да растерялася,
С тобой, миленький, навек рассталася.

С тобой рассталася да распрощалась я,
А ты гуляй с другой, не вспоминай меня¹.

5. Всё васильки, васильки,
Сколько мелькает их в поле,
Помню, у самой реки
Мы собирали их с Олей.

Оля цветочек сорвет,
Низко голову наклонит,
Милый, смотри, василек
Твой поплывет, мой утонет.

Оля любила реку,
Оля реки не боялась,

¹ Там же. Л. 11 — 12.

Часто ночью порой
С милым на лодке каталась.

Как-то он к ней подошел
И пригласил покататься,
Оля согласна была,
Он ей помог собираться.

Тихо все было вокруг,
Речка водичку катила,
На веслах сидел милый друг,
Оле опасность грозила.

Оля веночек плела,
Веночек плела васильковый,
Коля смотре<л> ей в глаза,
Взгляд его был невеселый.

Олю он за руку брал,
В глазки смотрел голубые
И без конца целовал
Бледные щеки худые.

Олю хотел он обнять,
Оля ему заявила:
«Коля, мой милый, прости,
Я ведь тебя не любила».

«Я ли тебя не любил,
Я ли тобой не гордился?
След твоих ног целовал,
Чуть на тебе не женился.

В жизни один только раз
Я пред тобой провинился:
Ты торопливо ушла,
Я не успел извиниться».

«Коля, не мучь ты меня,
Коля, зачем эти муки?
Лучше закрой мне глаза,
Крепче зажми мои руки».

Коля вдруг вынул кинжал,
Коля над Олей склонился,
Хлынула алая кровь,
Олин веночек покотился.

Тихо было вокруг,
Тихо, всё спит и не дышит,
Только речная вода
Олечкин труп всё колышет.

Утром пришли рыбаки,
Олю нашли у залива,
Надпись была на груди:
«Олю любовь погубила».

Ох, рыбаки, рыбаки,
Зачем вы всю тайну открыли?
Лучше бы Олин позор
Волны речные сокрыли.

Оля лежит на столе,
Олечки больше не будет
Спи, мой цветок голубой,
Коля тебя не забудет.

Оля красива была,
Русые косы вились,
Много из наших ребят
За Олей-красоткой гнались.

Коля ее полюбил,
Ревность в душе его била,
Тот же, кто крепко любил,
Того и рука погубила.

Не надо так сильно любить,
Не надо так сильно влюбляться —
Любовь не умеет шутить,
Любовь не умеет смеяться¹.

¹ Там же. Л. 12 — 13 об.

6. При саду и при долине
Громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине
Позабыт у людей.

Позабыт и позаброшен
С молодых юных лет,
Я остался сиротою,
Счастья-доли мне нет.

Сиротой на чужбине
Я без рода живу,
Нигде родного уголочка
Я себе не найду.

Как умру, умру я —
Похороните меня,
И родные знать не будут,
Где могилка моя.

Никто не узнает
И никто не придет,
Только раннею весною
Соловей пропоет.

Пропоет и просвищет
И опять улетит,
А я мальчик на чужбине
Так останусь зарыт.

При саду и при долине
Громко пел соловей,
А я мальчик на чужбине
Позабыт у людей¹.

¹ Там же. Л. 20 — 20 об.

АРХИВЫ

ПЕСНИ СЕЛА РЫБИНСКОЕ (РЫБИНСКОЕ-ЗАРУЧЬЕ) МАКСАТИХИНСКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

*Подготовка текстов Л. М. Концедайло,
А. А. Петров*

1. Уж ты слышишь ли, матушка,
Катерина Ивановна,
Мы тебе песню споем,
У тебя даров просим,
Что пора тебе пожаловать
Не рублем с полтиною,
А золотою гривною.
Мы от вас дары приняли,
Да и вам честь отдали.
Примечание: исполняется матери жениха.

2. У Ивана на головушке
Да позавивалися кудерушки,
Да чисто серебро колечушко,
Да засушило сердечушко,
Да сүше этого колечушка,
Да суше этого серебряного,
Ой, ты гуляй, ты гуляй,
Ты Иванович,
Выбирай, выбирай
Себе девицу
Из беседушке тое,
Котора нравится тебе,
Из компаниице, котора нравится.

3. Что не тошно ли тебе, молодайка,
Что не грустно ли тебе, Ивановна,
Во все стороны обсели чужи люди,
Как по праву ли-то сторону
Сидит князь молодой,
Как по леву сторону сидит сваха,
Уж сваха-то боярам говорила:
— Уж вы бояры-бóяры, да Ивановны,
Вы поедете, бояры, в новый город,
Вы купите там, бояры, соловейку,

Чтобы эта соловейка распевала,
Чтобы нам их молодых взвеселяла,
А в переднем-то углу
Сидят князья-бояры,
Супротив-то на скамейке
Дружка с подружьем.
Примечание: исполняется для невесты.

4. Что же ты, рябинушка, рано расцвела,
Или ты с черемушки моду споняла,
Разлучили девицу с милым дружкой,
Он уехал в дальнюю чужу сторону,
Полечу я пташечкой во зеленый сад,
Сяду на рябинушку песенку спою,
Мил услышит песенку, вспомнит обо мне
И вернется к девице рано на заре.

5. Не ходи, Саша, по сенечкам,
По беленечкам,
Да ты не топай ногой,
Не качай головой,
Мне не быть за тобой,
Уж я буду-побуду
За Николенькою,
У Николы нету денег ни гроша,
Нету денег ни гроша,
Походочка хороша¹.

6. Не хотелось мне во зелен сад идти,
Мне не милы в саду розовы цветы.

Ой, роза, ты роза моя,
Ой, ты роза белорозовая.

Мне не милы в саду розовы цветы,
Запустели все ракиковы кусты.

Ой, роза, ты роза моя,
Ой, ты роза белорозовая.

¹ Зап. Л. М. Концедайло от В. Н. Смирновой, 75 лет, с. Рыбинское Максатихинского р-на Тверской обл., 1994 г. Архив собирателя. Рукопись. Л. 1—5. Далее указываются листы без ссылки на архив.

У кого у нас кудрява голова,
У кого у нас примасленная?

Ой, роза, ты роза моя,
Ой, ты роза белорозовая.

У Ивана-то кудрява голова,
У Сергеича примасленная.

Ой, роза, ты роза моя,
Ой, ты роза белорозовая.

У Ивана поговорочка красна,
У Сергеича походочка легка.

Ой, роза, ты роза моя,
Ой, ты роза белорозовая.

У Ивана вся рубашка в рукавах,
На рубашке часты пуговики блестят.

Ой, роза, ты роза моя,
Ой, ты роза белорозовая.

Опоясочка шелковая на нем,
И жилетка расписная при часах.

Ой, роза, ты роза моя,
Ой, ты роза белорозовая.

Я не знаю, как мне к Ване подойти,
Свет Сергеевичу платочек подарить.

Ой, роза, ты роза моя,
Ой, ты роза белорозовая.

Я во зелен, во зеленый сад пойду,
Я Ванюше свой платочек подарю.

Ой, роза, ты роза моя,
Ой, ты роза белорозовая¹.

**7. Сватушка, сватушка!
Бестолковый сватушка!**

¹ Зап. Л. М. Концедайло от В. Н. Смирновой, 75 лет, Е. А. Смирновой, с. Рыбинское Максатихинского р-на Тверской обл., 1994 г. Л. 6.

По невесту ехали,
В огород заехали,
Пива бочку пролили,
Всю капусту по́лили,
Тыну поклонилися,
Верее молилися:
— Верея-вереюшка,
Укажи дороженьку
По невесту ехати.
Сватушка, догадайся!
За мошоночку принимайся (т. е. хватайся — *прим. соб.*),
В мошне денежка шевелится,
К красным девушкам норовится.

8. Как за речкою было за Сосновкой,
Ай, лю-ли, ай, лю-ли, ай, люшеньки мои,
Там сосенка стала подрастати,
Красных девушек этим удивляти...
Красны девки вокруг нас бы играли,
Алой лентой нас бы наряжали,
Расти сосеночка ты всё до неба,
До невиданного еще древа,
Всем колхозом праздник тебе справим
И на стройку сосенку отправим.
Примечание: современный танец «Сосенка».

9. Уж вы девки, вы девушки,
Уж вы девки, вы девушки,
Вы узюмные ягодки,
Вы узюмные ягодки,
Уж как много вас насеяно,
Да немного вас выросло,
Все поля-то были чистые,
Все поля-то были чистые,
А другие нарезованы (т. е. нарезаны — *прим. соб.*),
Возрыдала тут Марь-душа,
Возрыдала Ивановна,
По своей-то по русой косе,
Что тебя, коса, надвое расплетут,
Скоро тебя ко венчаньцу поведут,
Что снохою тебя назовут,
Косу надвое расплетут,
Позовут жжено-то Ивановой,
И снохою-то Александровой.

10. Канареечка, ох, ты прелестная,
Спотешай горе ты мое,
Спотешай горе ты мое,
Да мое горе всем, всем известное:
Мил уехал... ох, от меня,
Мил уехал... ох, от меня,
Не простился,
Знать, забыл он про меня,
Знать, забыл он, ох, про меня,
Да он забыть-то не забыл,
Да, знать, другую полюбил.

11. Вдоль по морю,
Вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему,
Вдоль по морю, морю синему,
Плыла лебедь,
Плыла лебедь,
Плыла лебедь, плыла белая,
Плыла лебедь, плыла белая,
Где ни взялся,
Где ни взялся,
Где ни взялся тут ясен сокол,
Ушиб, убил,
Ушиб, убил,
Ушиб, убил лебедь белую,
Ушиб, убил лебедь белую,
Он пух пустил,
Он пух пустил,
Он пустил по синему морю,
Где ни взялась,
Где ни взялась,
Где ни взялась красна девица-душа,
Брала перья,
Брала перья,
Брала перья приговаривала:
— Милу дружку,
Милу дружку,
Милу дружку на перинушку,
Где ни взялся,
Где ни взялся,
Где ни взялся удалой молодец,
Где ни взялся удалой молодец,

— Бог помощь тебе,
Бог помощь тебе,
Бог на помощь, красна девица-душа,
Бог на помощь, красна девица-душа,
— Я думала,
Я думала,
Я думала, что ты милой идешь,
Не ты идешь,
Не ты идешь,
Не ты идешь низко кланяешься,
Не ты идешь низко кланяешься,
Где сойдемся,
Где сойдемся,
Где сойдемся — поцелуемся,
Где сойдемся — поцелуемся.

12. Я рассею свое горе,
Я рассею свое горе,
По чистому полю,
По чистому полю,
Уродися мое горе,
Уродися мое горе,
Ни рожь, ни пшеница,
Ни рожь, ни пшеница,
Трава муравая,
Трава муравая,
Не ходи ты, бел-кудрявый,
Миво мого сада,
Миво мого сада,
Не топчи ты, бел-кудрявый,
Душину рассаду,
Душину рассаду,
Я садила-поливала,
Я садила-поливала,
Для дружкá милого,
Для дружкá милого,
Я рассею свое горе,
Я рассею свое горе,
Я рассею свое горе,
По чистому полю.

13. Нам не все-то ли горюшко,
Да нам на радость, нам горе положить,

Да положить,
Да что задумал батюшка,
Да с родной матушкой,
Замуж меня отдавать,
Да отдавать,
Да со веселою-то меня,
Ох-ох, со беседушки,
Хочут меня разлучать,
Да разлучать,
Да что разлучите-то меня,
Ох, я не чаю на свете живой быть,
Да живой быть,
Да что жива-то ли буду я,
Ох, не забуду про девичье,
Да про житьё,
Да про житьё,
Да хорошо-то наше житьё,
Ох, жить во девушках,
Жить-гулять вольно¹.

14. Нареченный князь хорошенький,
Нареченный князь пригоженький,
Михайло-то Николаевич,
Что не ты ли во саду сидишь,
Что не ты ли во зеленом,
Над тобой соловьи поют,
Соловьи-то поют певички —
Это красные девицы.
Примечание: исполняется жениху.

15. Не вздыхай-ка, эх, душа Маша,
Не вздыхай-ка тяжело,
Ох, ж тяжело,
Да е... и если жалко,
Ой, тебе дружка,
Забывай-ка его поскорей,
Забывай его поскорей.
Да, ох, я тогда его забуду,
То, ох, когда,
Когда скроются мои глаза,
Когда скроются мои глаза,

¹ Зап. Л. М. Концедайло от В. Н. Смирновой, 75 лет, с. Рыбинское Максатихинского р-на Тверской обл., 1994 г. Л. 7—13.

Да у... эх, уста кровью запекутся,
Да у... эх, уста кровью запекутся,
Мил не будет, ух, целовать,
Мил не будет, ух, целовать,
Да у... эх, он не будет,
Да у... эх, он не будет,
Он-то да не станет,
Да не станет душой-Машей называть,
Ох, называть¹.

16. Мне сказали, не придет
И не явится он,
Милый в очи не взглянет
И руки не пожмет,
И руки не пожмет,
Я накроюся шалью,
Сама выйду тайком,
Сама выйду тайком,
Пускай люди смеются, смеются,
А я буду молчать,
Пускай месяц просветит
Путь-дорожку к дружку,
Путь-дорожку к дружку,
Слышу-вижу мой милый
По дорожке идет,
Слышу-вижу мой милый
По дорожке идет,
Близко к дому подходит
И стучится в окно,
И стучится в окно:
— Не стучися в окошко,
Ты иди-ка к другой,
Мое ретивое сердце
Всё изныло во мне,
Всё изныло во мне,
Сердце ныть перестало,
Я в разлуке, в тоске².

17. Земляниченька спела, зрела,
На... на пригорочке росла,

¹ Зап. Л. М. Концедайло от фольклорного ансамбля с. Рыбинское Максатихинского р-на Тверской обл., 1994 г. Л. 14—15.

² Зап. Л. М. Концедайло от В. Н. Смирновой, 75 лет, с. Рыбинское Максатихинского р-на Тверской обл., 1994 г. Л. 16.

Цветочек, цветик аленький,
Ро... розовый, малиновый.

На пригорочке росла,
Про... против солнечно луча,

Против солнечно луча,
У... у нас Марья хороша,

Словно белый снег она бела,
И... и румяна, как заря,

Во тятеньку хороша,
Во... во маменьку пригожа,

Земляниченька спела, зрела,
На... на пригорочке росла,
Цветочек, цветик аленький,
Ро... розовый, малиновый¹.

18. Ты играй, а я буду петь,
Не так душа будет болеть,
Болит у девушки душа,
Любовь не очень хороша.

19. Мы с залеточкой стояли
Между двух белых берез,
Речка быстрая бежала
Из моих горячих слез.

20. Мы с залеточкой расстались
В поле на тропиночке,
Алу ленту разорвали
На две половиночки.

21. Мы с залеточкой расстались,
Пошли по сторонам,
Он запел, а я заплакала,
Легко ли было нам?

¹ Зап. Л. М. Концедайло от В. Н. Смирновой, 75 лет, Е. А. Смирновой, с. Рыбинское Максатихинского р-на Тверской обл., 1994 г. Л. 17.

22. Мы с залеткой повстречались,
Сошлись и говорим:
«Давай не будем расставаться
И другим не велим»¹.

ПЕСНИ КАЛЯЗИНСКОГО РАЙОНА
ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ
ИЗ КОЛЛЕКЦИИ Л. М. КОНЦЕДАЙЛО

Подготовка текстов Т. И. Пиценко

1. Во садике, в саду, в зеленом саду,
Ой, ли, ой, лю-ли, в зеленом саду.
Стоит груша зелена, кровать нова тисова,
Ой, ли, ой, лю-ли, кровать нова тисова.
На кровати-то один, что и Шура-господин,
Ой, ли, ой, лю-ли, что и Шура-господин.
Приезжал к нему король со товарами,
Ой, ли, ой, лю-ли, со товарами.
Со товарами, с ситцам разными,
Ой, ли, ой, лю-ли, с ситцем разнаем.
Он товары не примал, всё другога выжидал,
Ой, ли, ой, лю-ли, все другога выжидал.
Приезжал к нему король с красной девицей-душой,
Ой, ли, ой, лю-ли, с красной-девицей душой.
С красной девицей душой, что и с Ниной госпожой,
Ой, ли, ой, лю-ли, что и с Ниной госпожой².

2. Хороша у нас хозяйюшка в дому,
Что Ляксандра-та Стяпановна,
Праздравляем ее с праздником,
Что с такими новобрачными —
С Александрой Николаевной,
Николаем-то Петровичем.
Примечание: величальная песня свекрови³.

3. Ни во трубу трубили рано по росе,

¹ Зап. Л. М. Концедайло от В. Н. Смирновой, 75 лет, с. Рыбинское Максатихинского р-на Тверской обл., 1994 г. Л. 18—19.

² Зап. Л. М. Концедайло от В. С. Тарасовой, 1913 г. р., д. Савинское Калязинского р-на Тверской обл., 1996 г.

³ Тексты №№ 2—5 Зап. Л. М. Концедайло от А. С. Тихомировой, 1916 г. р., В. С. Тарасовой, 1913 г. р., д. Савинское Калязинского р-на Тверской обл., 1996 г.

Рано по росе,
Плакала, аб рукой по косе,
Аб рукой по косе,
Коса, моя косынька, русы волоса,
Русы волоса,
С измалества косыньку маменька плела,
Маменька,
На возрасте русыю я сама плела,
Я сама плела,
А тепере косыньку подружки плетут,
Подружки плетут,
А на утро русыю свахи расплетут,
Свахи расплетут,
Заплетут мне косыньку вокруг головы,
Вокруг головы.

4. Изойдемте девушки все,
Все болота и лужка,
Все болота и лужка,
Ай, все крутые бережки, все...
Все крутые берега,
Все крутые берега,
Ай, с бережка по камышку слы...
Слышу, речка чуть шумит,
Слышу, речка чуть шумит,
Ай, во зеленом садике со...
Соловей громко поет,
Соловей громко поет,
Ай, ты не пой соловушка не...
Не пой, вольный-молодой,
Не пой, вольный-молодой,
Ай, ты не дай кручинушки, всё...
Всё сердечку моему,
Всё сердечку моему,
Ай, как мое сердечушко всё...
Всё изныла кипучи,
Всё изныла кипучи,
Ай, кипучи-рыдаючи, сво...
Свою мать пеняючи,
Свою мать пеняючи,
Ай, родименькая маменька, за...
Зачем рано выдала,
Зачем рано выдала,

Ай, завтра рано по утра, по...
Посылают по воду,
Посылают по воду,
Ай, зябнут, зябнут ноженьки по...
По торной дороженьке,
Ай, зябнут, зябнут рученьки, све...
Свежу воду черпучи,
Свежу воду черпучи,
Ай, черпучи-рыдаючи, сво...
Свою жизнь пеняючи.

5. Не по горнице, горнице,
По новой, новой светлице,
Тут ходила, тут гуляла
Молодая боярыня,
Что Авдотья Ляксеевна,
Во руках она носила
Золотые два гривена,
А четыре серебряна.
Положу я эти гривны,
Положу я эти гривны
На стола, на дубовые,
На стола, на дубовые,
И на скатерти бранные,
И на скатерти бранные,
Погляжу ли я в окошечка,
Что светел ли ясен месяц,
Что и весел ли сердечный друг,
Что Борис-то Димитривич.

6. Вы не вейтея, черные кудри,
Над моею буйной головой,
Положи свои белые ручки, Дуня,
На мою исхудалую грудь.
Я севони больна и бессильна,
Нет у сердца былого огня.
Я бы обнял тебя, дорогая Дуня,
Скоро-скоро не будет меня.
Будет тускло осеннее утро,
Будет дождик слегка моросить,
Ты услышишь, моя дорогая Дуня,
Как меня понесут хоронить.
Сарановна, моя Сарановна,

До чего ж ты меня довела
Молодецкую жись загубила, Дуня,
И в сырую могилу ушла¹.

ПЕСНИ ТОРОПЕЦКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ЧАСТНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВАХ

Подготовка текстов А. С. Дмитриевой

1. В низенькой светелке огонек горит,
Молодая пряжа у окна сидит,
Молода-красива, карие глаза,
По плечам развита русая коса.

Русая головка, думы без конца,
Вот она ласкает старика-вдовца,
Стар, ну что ж такого, пусть осудит мир,
Он еще к тому же богатый дворянин.

Он красотку-пряжу к себе в дом возьмет,
Для красотки-пряжи бельэтаж наймет,
Русая головка, думы без конца,
Но пока сидишь ты у окна одна².

2. Уродилася я,
Как в поле былинка,
Лет с двенадцати я
По людям ходила,
У богатых у господ
Долго я служила.

¹ Зап. Л. М. Концедайло от С. К. Виноградовой, 1940 г. р., А. И. Скворцовой, 1914 г. р., М. М. Соколовой, 1923 г. р., д. Звереве Калязинскоо р-на Тверской обл., 1996 г.

² В публикации используются материалы из частного архива краеведа А. А. Петрова — тексты № 1—6 записаны от Л. И. Никитиной, 1922 г. р., г. Торопец Тверской области. Песенник. Л. 1—4. О ней см. *Петров А. А. Л. И. Никитина как поэт-краевед // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 2 / Сост. В. В. Кузнецов. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей; Тверь: Издательство М. Батасовой, 2009. С. 94—108; Он же. Торопецкая жизнь в воспоминаниях Л. И. Никитиной // Труды ВИЭМ. Новоторжский сборник. Вып. 3 / Сост. В. В. Кузнецов, М. В. Строганов. Торжок: Всероссийский историко-этнографический музей; Тверь: Издательство М. Батасовой, 2010. С. 257—267. А также материалы архива кафедры истории русской литературы филологического факультета ТвГУ — песни №№ 8—15.*

Хороша я хороша,
Да плохо одета,
Никто замуж не возьмет
Девушку за это.
Во зеленом во саду
Пташка распевает.
У той пташки есть гнездо,
А в гнезде есть дети.
У меня у сироты
Никого на свете!
Пойду с горя в монастырь
Богу поклонюся,
Пред иконою святой
Слезами зальюся.
Не пошлет ли мне Господь
Той доли счастливой,
Не полюбит ли меня
Молодец красивый?

3. Хаз-Булат удалой,
Бедна сакля твоя,
Золотою казной
Я осыплю тебя!

Дам коня, дам кинжал,
Дам винтовку свою,
А за это за всё
Ты отдай мне жену!

Ты уже стар, ты уж сед,
Ей с тобой не житье,
На заре юных лет
Ты погубишь ее!

Под чинарой густой
Мы сидели вдвоем,
Месяц плыл золотой,
Всё молчало кругом.

Лишь шумела река
Перекатной волной,
Да скользила рука
На груди молодой.

Она мне отдалась
До последнего дня,
И Аллахом клялась,
Что не любит тебя.

Ясен, князь, твой рассказ,
Но напрасно ты рек,
Вас с женой молодой,
Я давно подстерег.

Полюбуйся ж поди,
Князь, игрушкой твоей,
Спит с кинжалом в груди
Она в сакле моей.

Я ее умертвил,
Утопая в слезах,
Поцелуй мой застыл
На ее на губах.

Тут разгневанный князь
Саблю выхватил вдруг,
Голова старика
Покатилась на луг.

Долго молча стоял
Князь над трупом столбом,
Сам себя упрекал
И решил на одном.

Тихо было кругом,
Лишь шумела река,
Поплыла по волнам
Голова старика.

На коня князь вскочил,
К сакле вмиг доскакал,
Дверь открыл и застыл —
Там лежала она.

Долго молча стоял,
Над игрушкой князь,
Сам себя упрекал,
Не вернешь — плачь не плачь.

На коня возложил
Князь невесту свою,
И поехал к реке,
Проклиная судьбу.

Тихо было кругом,
Лишь светила луна,
Да плыла по реке
Хаз-Булата жена.

4. Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка тихая была.

Двенадцать часиков пробило,
Вся публика домой пошла.

Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра.

А поутру они проснулись,
Кругом помятая трава.

Но не одна трава помята,
Помята девичья краса.

Приду домой, а дома спросят:
«Где же ты, распутница, была?»

А ты скажи: «В саду гуляла,
Тропинкой к милому к милому зашла!»

А если дома ругать будут,
То приходи ко мне сюда.

Пришла к нему, его уж нету,
Нет и не будет никогда.

Не верьте девочки мальчишкам,
А то погубят навсегда!

5. Я о прошлом теперь не мечтаю,
И мне прошлого больше не жаль,
Только часто с тоской вспоминаю
Эту темно-вишневую шаль!

В этой шали я с ним повстречалась,
В этой шали он руку мне жал,
Я стыдливо лицо закрывала,
А он нежно меня целовал.

Как люблю я тебя, дорогая,
Расставаться с тобою мне жаль,
Как к лицу тебе, слышишь, родная,
Эта темно-вишневая шаль.

Он уехал, вернется ль, не знаю,
А на сердце тоска и печаль,
И все чаще к груди прижимаю
Эту темно-вишневую шаль.

6. Здравствуй, Настенька моя,
Вот вернулся к тебе я,
Моя хорошая,
Моя пригожая.

Что ж так долго ты не был,
Наверно, Настю позабыл,
Мой хорошенький,
Мой пригоженький.

Позабыть тебя не мог,
Да, верно, пуст был кошелек,
Моя хорошая,
Моя пригожая.

А коли с полным кошелечком,
Угости меня чаечком,
Мой хорошенький,
Мой пригоженький.

Угостить я угощу,
Но той измены не прощу,
Моя хорошая,
Моя пригожая.
Господа, не осудите,
Ваню с Настей помирите,
Мы хорошие,
Мы пригожие,

Через часик мы придем,
Песню новую споем,
Так до свиданьица,
Низко кланяться!

7. Вянет, погибает красота моя,
От лихого мужа нет в доме житья.
Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Что да ни попало из дома тащит.
Есть у меня Ваня — дальняя родня,
Любит и жалеет только он меня.
Подмигну я Ване, с Ваней мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.
Будет муж ругаться, будет попрекать,
Пусть хоть поколотит, мне не привыкать,
За мила побои недолго болят¹.

8. Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь,
Я по этому колечку
Буду плакать день и ночь.
Где поделся тот цветочек,
Что долину украшал,
Где поделся мил-дружочек,
Что словами улещал?
Улестил меня словами,
А сам бросил навсегда,
Мил уехал, мил оставил
Он малютку на руках.
Снесу к сестре малютку,
Сама выйду на крыльцо,
Выхожу я на крылечко,
Вижу — милый мой идет.
Бросилась к нему на шею
И «любимым» назвала:
«Не зови меня “любимым”,
Я теперь уже не твой,
Я женился на другой,
Оженился, переменился,
Не по нраву жену взял.

¹ Зап. Г. И. Прыткова от Е. В. Разумининой, 70 лет, пос. Плоскошь Торопецкого р-на Калининской (Тверской) обл., <1979>. Тетр. 62. Л. 1—16. Архив кафедры истории русской литературы филологического факультета ТвГУ.

Я не буду, я не стану
В совете с женой жить,
Только буду, только стану
Свою прежнюю любить».

9. Последний нынешний денечек

Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано чуть светочек
Заплачет вся моя родня.
Заплачут братья мои, сестры,
Заплачет мать и мой отец,
Еще заплачет дорогая,
С которой три года я гулял,
Вести к венцу ее собирался,
Любить до гроба обещал.
Коляска быстро подкатила
К родному дому моему,
С коляски старики вскричали:
«Готовьте сына своего!»
Крестьянский сын давно готовый,
Семья вся замертво лежит,
А я поехал к новой жизни
России-матушке служить.

10. По деревне ходила за стадом овец

Чернобровая Катя-пастушка,
И понравился ей покоритель сердец
Чернобровый красавец Андрюшка.
«Бросим, Катя, с тобой деревенскую жизнь,
Перейдем мы на жизнь городскую,
Куплю я тебе темно-синий костюм
И еще куплю шляпу большую».
Прошел год, прошли два,
А Андрея все нет —
Едет Катя отыскивать мужа.
Научилась она по бульварам ходить,
И нечаянно муж повстречался:
«Здравствуй, муж дорогой,
Муженек дорогой,
Как давно я тебя не видала».
А подлец молодой покачал головой:
«Я тебя не видал и не знаю!»
Закипела здесь кровь у Катюши в груди,

За несчастье свое, за поругану честь
На панели ему отомстила.

11. Ехали солдаты со службы домой —
На плечах погоны, на грудях кресты.
Едут по дороге, на встречу отец:
«Расскажите, папаша, как моя семья?»
«Дома, слава Богу, прибыла,
Жена молодая сына родила».
Сын отцу ни слова,
Сам сел на коня.
Подъезжает к дому,
Мать с женой стоят.
Мать стоит с улыбкой,
А жена в слезах.
Мать сына просила:
«Сын, жену прости».
«Мать, тебе прощаю,
Жене — никогда».
Закипело сердце в солдатской груди,
Заблестела шашка во правой руке,
Слетела голова с неверной жены.
«Сын, ты мой, сыночек, что ты удивил,
Малую детку на век осиротил».
«Жену похоронят, меня закуют,
Малую детку в приют отдадут».

12. Начинаются дни золотые
Воровской непродажной любви.
Ох, вы кони мои вороные,
Черны вороны кони мои.
Устелю свои сани коврами,
В гривы конские ленты вплету,
Пролечу, прозвеню бубенцами
И тебя на лету подхвачу.
Знаю я все дорожки лесные,
Как заеду в хоромы свои,
Крикну: «Кони мои вороные,
Черны вороны кони мои».
Отчего твое личико бледно?
Отчего так задумчива ты?
Неужели пропали бесследно
Те веселые юные дни?
И почаще ко мне приходи.

13. Виновата ли я,
Виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю,
Виновата ли я,
Что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему?
Виновата сама,
Виновата во всем,
Еще хочешь себя оправдать.
Так зачем же, зачем
В эту лунную ночь
Позволяла себя целовать?
Так зачем же, зачем
В эту лунную ночь
Прислонилась к нему на плечо?
При закрытых очах,
При открытых устах
Прозвучал поцелуй горячо.
Ты ушел от меня,
Я осталась одна
Средь пустынного, знойного края.
Ты ушел от меня,
Не сказав ничего,
Не сказав, что прощай, дорогая.
Скоро, скоро весна,
Зацветут все сады,
Зацветет и сирень молодая.
Но ко мне не придет,
Не вернется любовь.
Пролетела пора золотая.

14. Костер давно погас, а я всё слушаю,
Ночное облако скрыло луну,
Я расскажу тебе, как жил с цыганами,
И как ушел от них и почему.

В цыганский табор я попал случайно,
В цыганочку черную влюбился я,
Но я не знал тогда про жизнь цыганскую,
Любовь цыганскую не знал тогда.

Однажды вечером вдруг мне взгрустнулося,
И я с тоской в груди пошел к реке,
Смотрю, цыганочка с другим целуется,
И засверкал тут нож в моей руке.

Цыганка черная вдруг стала бледною,
Лишь вымолвить смогла она:
«Я птица вольная, люблю цыгана я,
И за любовь свою я жизнь отдам».

Костер давно погас, а ты все слушаешь,
Ночное облако скрылось во мгле,
Я рассказал тебе, как жил с цыганами,
И как ушел от них и почему.

15. Соколовский хор у яра
Был когда-то знаменит,
Соколовская гитара
До сих пор в ушах звенит.

Тройка быстро мчится к яру,
Сердце рвется на простор,
Чтоб забыться под гитару,
Услыхать цыганский хор.

Там была цыганка Зара,
Запоет — долой печаль,
Наша жизнь казалась краше,
За эти б песни жизнь отдал.

Она пела под гитару:
«Милый друг, не унывай,
Если скучно жить вдруг станет,
Ближе к яру подъезжай.

Убаюкаю, как в сказке,
Песней я тебя своей.
Уложу тебя я с лаской,
Сердцу будет веселей».

Но судьба вдруг изменила,
Ведь судьба бывает зла,
Наша Зара простудилась
И навек от нас ушла.

В этот день гостям у яра
До утра пришлось грустить,
Соколовская гитара
Не могла развеселить.

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА

Л. Н. Скаковская

ФУНКЦИЯ ФОЛЬКЛОРА В ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В настоящее время всё большее значение приобретает историческая проза. Серия исторических романов Д. М. Балашова, в которой воплощен его замысел о воссоздании истории Родины, заняла прочное место в русской литературе XX столетия. Эта эпопея остается «неоцененным по достоинству, да и неоценимым вкладом в национальное сознание и возвращение прошлого в духовный обиход настоящего»¹.

Замысел цикла «Государи московские» прямо восходит к народному творчеству. Д. М. Балашов — профессиональный ученый-фольклорист, прошедший научную школу как собиратель и исследователь народного творчества, имеющий ряд ценных научных трудов². Поэтому вполне закономерно глубокое доверие писателя Балашова к народному искусству. В русском фольклоре он видит драгоценный источник, через который «открывается духовная жизнь нации в ее историческом бытии»³. Обширные познания в области фольклористики позволяют ему воссоздать с удивительной достоверностью отдаленное прошлое, воскресить трагические и героические события русской истории.

Многообразие фольклорных жанров, использованных в романах Балашова, поразительно: обрядовая поэзия и заговоры-заклинания, исторические песни и баллады, песенная лирика и игровой фольклор, легенды и предания, былички и бывальщины, духовные стихи и устные мемуарные рассказы, пословицы и поговорки...

Изучая фольклор, Д. М. Балашов пришел к мысли, что его следует воспринимать в целостности, в единой картине более чем тысячелетнего функционирования. С особенной наглядностью использование традиционных фольклорных жанров проявляется в поэзии русской свадьбы, сохранившейся в течение веков устойчивые начала национальной жизни, доминирующие свойства русского народа с его бойкостью мысли, острым словом и насмешками, свежестью фантазии и лирической задушевностью. Народ-

¹ *Распутин В., Байбордин А.* Возвращение России // *Лепта.* 1991. № 4. С. 153.

² *Балашов Д. М., Красовская Ю. Е.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л.: Музыка, 1969. 166 с.; *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтьюге (Тарногский район Вологодской области). М.: Современник, 1985. 390 с.

³ *Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И.* Русская свадьба... С. 5.

ная свадьба, по мнению Балашова, «всегда определенная, исторически сложившаяся целостность»¹.

Свадебный фольклор в произведениях писателя находит художественное, а не иллюстрированное изображение: он демонстрирует прочность разумных устоев и крепких нравов, народного быта. Это зеркало национального характера, используемое Балашовым как средство выражения этико-эстетического сознания народа и как способ внутренней психологической характеристики персонажей.

С разной степенью обстоятельности уже в «Младшем сыне» описаны семь свадеб: князя Даниила, две свадьбы Андрея, свадьбы Михаила Тверского, крестьянского сына Федора Михалкина, князя Ивана — сына князя Дмитрия и, наконец, Юрия — сына Даниила. В романе «Великий стол» изображены восемь свадеб и т. д.

Обращение к народному поэтическому творчеству стало традиционным для русской литературы на всех этапах ее развития, однако в 70—90-е гг. XX века в силу целого ряда причин оно заметно активизировалось. У каждого из писателей этого периода была своя дорога к хранилищу духовного народного богатства, и каждый, пользуясь образами, заимствованными из фольклора, подчинял их собственным задачам.

В. Пикуль, как и Д. Балашов, был страстным собирателем, большим знатоком и ценителем произведений устного поэтического творчества. Становление его как личности и как художника было тесно обусловлено песенной стихией в семье: он вырос на песнях бабушки и отца. Не случайно он искал истоки искусства слова в фольклоре. Им двигало прежде всего горячее желание окунуться в атмосферу природного русского языка.

Наряду с этим в произведениях Пикуля одну из наиболее важных функций выполняет фольклор и в создании образа человека. Писатель широко привлекает устное народное творчество для описания портретов, а главное — для раскрытия характеров персонажей.

Актуальность фольклорных художественных традиций для Пикуля объясняется, кроме общелитературных закономерностей, и своеобразием его творческой индивидуальности. Он называл себя не писателем, а литератором, мотивируя тем самым объективную необходимость опираться на реальные факты, преломленные через философско-историческое и художественное сознание народа.

Осмысление прошлого было для него ключом к пониманию ведущих тенденций современности. Пикуль обращается к истории в поисках положительного идеала, воспитывающего в читателях чувство патриотической и национальной гордости.

Своими романами автор настойчиво подчеркивает, что россияне — это не Иваны, родства не помнящие, что у нашего народа при всей слож-

¹ Там же. С. 5.

ности исторического развития, были и великая наука, и великое искусство, и великая литература, и величайшие победы и достижения.

Отсюда сознательная установка В. Пикуля на создание образов людей из народа, обрисованных ярко и выпукло. Прямые параллели между фольклорными героями и его персонажами в тексте отсутствуют. Но с помощью различного рода аналогий можно обнаружить их типологическую близость.

Вспомним Григория Потемкина из романа «Фаворит». Молодой Григорий уже своим внешним обликом напоминает былинного богатыря. «Потемкин вступил в двадцатый год жизни. Его внешность определилась. Мощные челюсти, привыкшие хрюпать твердые репки и разгрызать орехи, казались шире лба, который был высок и покат. Сгорбленный нос плохо гармонировал с мягким и нежным, как у младенца, ротиком, нижняя губа вяло оттопырилась – капризно и плотоядно <...> длинные волосы, шелковистые локоны свободно расположились на атлетических плечах»¹.

На отважных богатырей похожи внешним обликом и братья Орловы: «Орловых было пятеро братьев — Иван, Григорий, Алешка, Федор да Владимир. Все пятеро – верзилы-громобои, кровь с молоком и медом <...> Службу начинали солдатами, и никто в Петербурге не мог совладать с ними, ибо на расправу были коротки»².

Гришка Орлов привлекает внимание Екатерины именно своим атлетическим сложением: «Вот редкая картина: голова Аполлона на торсе Геракла»³. Гришка, как и сказочный Иван, «был самым непутевым и самым добрым среди братьев. В гвардии его обожали все: рубаху последнюю снимет и отдаст, не жалея, чтобы выручить человека! Зато вот Алешка Орлов (по прозвищу Алехан) был прижимист и дальновиден. Внешне добродушный и ласковый, как молочный теленок, повадки он имел волчьи. Алехан был и самым могучим и самым дерзким! Ударом палаша отрубал быку голову, одной рукой останавливал за колесо карету, бился об заклад на деньги. Весь в кровище, но в ногах стойкий, укладывал наземь десятых»⁴.

Образ Бабы-Яги в произведениях Пикуля также соотносится, хотя и не отождествляется с мифологическим персонажем русского фольклора. Прохождение образа Бабы-Яги – вопрос сложный, так как в этом образе сочетаются противоречивые черты, возникшие в разные эпохи. Баба-Яга похищает детей, грозит съесть человека, а преследуя героя или героиню, летает, – все эти черты роднят ее со Змеем и Кощеем. Видимо, в первооснове образа Бабы-Яги лежит также олицетворение природной стихии, возможно, зимы с ее мертвящей стужей («костяная нога»). Еще в эпоху мат-

¹ Пикуль В. С. Фаворит. М.: Военное издательство, 1990. Т. 1. С. 83—84.

² Там же. С. 92.

³ Там же. С. 93.

⁴ Там же. С. 94.

риархата образ Бабы-Яги приобретает и другие черты. Ведь она не всегда враждебна людям: если с ней обходятся приветливо, оказывают ей почтение, она помогает им – или мудрым советом, или волшебными подарками. Черты доброй Бабы-Яги затем отчуждаются, отходят к безымянной «старухе-задворенке», представляющей в сказке зародыш самостоятельного, но недостаточно развитого образа.

В народных сказках Баба-Яга представляется огромной безобразной старухой, живет она в глубине дремучего леса, в избушке на курьих ножках. Обычное ее положение – лежать в углу, «нос в потолок врос». Всех посторонних она чувствует по запаху («Фу-фу-фу!») и встречает недружелюбно, как чужеземцев. Баба-Яга – колдунья, она повелевает зверями и птицами, способна превращать людей в животных. Это дает основание предположить, что первоначальное языческое олицетворение стихии слилось в образе Бабы-Яги с более поздним суеверным представлением о духе умершей прародительницы, на который были перенесены и свойства тотема. Данное представление находилось в связи с обычаем хоронить мертвецов в гробах, подвешенных на деревьях или поставленных на помосты. Глава рода при жизни, умершая прародительница представляется всемогущей и в царстве смерти: «В новую патриархальную эпоху образ Бабы-Яги заметно трансформируется. Теперь она изображается в окружении предметов домашнего быта: лежит на печке (“на пече, на девятом кирпиче”): отправляется в погоню, “в ступе летает, помелом след замечает”. Такое снижение образа, ироническое превращение его из страшного в комический (ступа – довольно тяжелая принадлежность крестьянской избы, менее всего приспособленная к полету) могло произойти лишь в эпоху ломки матриархата, торжества новых общественных отношений, когда сфера влияния женщины ограничилась рамками домашнего очага»¹.

В романе «Фаворит» в образе Бабы-Яги изображается Татьяна Потемкина, первая жена Александра Потемкина. Мальчик, Григорий Потемкин, встречается со своей тетушкой в Серпейском монастыре, куда он приехал учиться по совету московского родственника Григория Кисловского.

Вот какой предстает она в его восприятии: «Но однажды ночью мальчик пробудился в келье от непонятного страха. Над ним склонилась ужасная ведьма-старуха в черной схиме с белыми костями и черепом на клобуке. Со лба ее свисали седые космы волос, между впалых и бледных губ торчали желтые старческие клыки... Это Баба-Яга жутко улыбнулась ему.

– Не бойся, – ласково произнесла она, – Я ведь не обижу тебя, только гляну и уйду... Нет, – добавила старуха, подняв свечу выше, – не похож ты на своего отца, совсем не похож. В мать удался... да! Красивым будешь... курчавый ты, сыночек!

¹ Русское народное поэтическое творчество / Ред. А. М. Новикова, А. В. Кокорева. М.: Высшая школа, 1969. С.185.

Горячий воск, отплавая со свечи, стекал на сморщенную руку»¹.

В этом эпизоде в облике героини Пикуля явственно отражены черты доброй Бабы-Яги, которая не причинила зла мальчику. Но в то же время мы ощущаем грозную силу ее пророческих слов, так как спустя некоторое время умирает отец Григория Потемкина. Прием соотнесенности образа Татьяны Потемкиной со сказочным расширяет его смысловое наполнение и придает ему типическое значение.

В романе «Фаворит» автор использует и другие средства образной системы фольклора. Так, он обращается к образу скатерти-самобранки для изображения легендарного русского гостеприимства: «Дворянская Москва всегда довольна собой. Близость подмосковных вотчин, где тысячи крепостных трудились на благо господ, дешевейшая доставка на Москву всяческой снеди, которая из деревень попадала сразу на барский стол, — всё это делало московский быт чрезмерно богатым, здесь воистину раскидывалась скатерть-самобранка легендарного русского гостеприимства»².

Влияние фольклора на творчество Пикуля проявляется и на лексико-стилистическом уровне. В повествовательный пласт романа «Фаворит» включены постоянные эпитеты и существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами, представляющие характерные средства поэтической выразительности фольклора. Например: «Конечно, ежели тебе уже на седьмой десяток, а ты в секунд-майорах засиделся, то фортуна злодейская пророчит явное: генерал-анфишером тебе, красну молодцу, не бывать»³. Пикуль использует и символические образы, близкие к свадебной поэзии: «Вот и сподобил господь-бог на старости лет: прилетел голубь мой ясный, да не один, а с голубицей молоденькой»⁴.

Фольклорная лексика и символические образы придают прозе писателя особую выразительность и эмоциональность. Наиболее распространенными символами в традиционных фольклорных песнях были образы, заимствованные из природного мира: девушка-невеста ассоциировалась с «белой лебедушкой», «перепелочкой», «голубкой», «ивушкой», «яблонькой», «красным солнышком» и т. д.; добрый молодец и жених — с «ясным соколом», «сизым орлом», «сизым голубем», «ясным месяцем», «дубочком», пара жениха и невесты — с «лебедем с лебедушкой», «голубем с голубкой», «виноградом с ягодкой». Эти стилистические фольклорные средства часто используются в обиходной речи персонажей Пикуля. Например, речь императрицы Елизаветы пестрит подобными тропами: «Ты, голубь, не устрой мне здесь пожара»⁵; «Высоко, сокол, летаешь, где сядешь»⁶.

¹ Пикуль В. С. Фаворит... С. 64.

² Там же. С. 183.

³ Там же. С. 13.

⁴ Там же. С. 15.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 368.

Особенно значимы в стилистической системе прозы Пикуля двойные эпитеты, которые восходят к фольклорной традиции: «веще-зловеще»¹, «ведьмы-бабки»², «ученье-мученье»³, «бабки-ведуньи»⁴, «скатерть-самобранка»⁵, «цыганка-побирушка»⁶, «пьян-распьян»⁷, «шайка-братия»⁸, «матка-воля»⁹, «мужики-хлебоборобы»¹⁰, «палочка-выручалочка»¹¹, «царь-батюшка»¹², «мать-Россия»¹³ и др.

Поэтическая изобразительность и выразительность писателя усиливается также инверсией, характерной для народно-песенных лирических жанров: «Ой, люди добреньки, сповидаю ли я своих малых детушек?...»¹⁴; «Един ты у меня, сиротинка горькая»¹⁵; «Спи, душенька безгрешная... даст бог тебе счастья!»¹⁶; «Ну, садись, орясина дубовая, на мою доску липовую»¹⁷; «А у нас на Руси святой иное слышится всюду»; «Навались, робяты»¹⁸; «Медов у нас море разливное»¹⁹; «Алехан-а-ан... где ты, сокол наш ясный?»²⁰.

Яркие сравнения, эпитеты и метафоры заимствованные Пикулем из сокровищницы фольклора, придают его прозе стилистическое многообразие и художественно-эмоциональную выразительность: «Под серебряный купол церкви поплыл чистый, как ручей, голос смоленского парня»²¹; «Луница засвечивала желтая и круглая, будто глаз совиный»²².

В романе «Фаворит» Пикуль использует и жанр бывальщины. Бывальщина отлична от сказки тем, что говорит о достоверном, реальном. Художественная задача бывальщины выходит далеко за пределы объяснения или пояснения реального факта, чем-либо обратившего на себя внимание.

¹ Там же. С. 51.

² Там же. С. 59.

³ Там же. С. 66.

⁴ Там же. С. 68.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ Там же. С. 88.

⁷ Там же. С. 92.

⁸ Там же. С. 174.

⁹ Там же. С. 228.

¹⁰ Там же. С. 330.

¹¹ Там же. С. 61.

¹² Там же. С. 123.

¹³ Там же. С. 105.

¹⁴ Там же. С. 61.

¹⁵ Там же. С. 64.

¹⁶ Там же. С. 64.

¹⁷ Там же. С. 74.

¹⁸ Там же. С. 77.

¹⁹ Там же. С. 97.

²⁰ Там же. С. 95.

²¹ Там же. С. 60.

²² Там же. С. 76.

Бывальщина – это устный рассказ о чем-либо, истина которого удостоверяется либо личным опытом рассказчика, либо свидетельством кого-нибудь из окружающих. Бывальщина – это, как правило, рассказ о современности или недавнем прошлом.

По своей форме бывальщина всегда несет на себе приметы сословно-классовой и местной принадлежности рассказчика. Это выражается в стиле бывальщины как личного повествования – сказа. Жанрово-стилевая особенность бывальщины сохраняется и в романе Пикуля: «Оренбург... где ж такой? – спросил мальчик.

– В конце света город имеется. Вокруг пески да соль, хлебушка нету, люди тамошни одним мясом, будто звери дикие, кормятся, а чуть из города высунутся – им сразу петлю на шею и тащат на базар в Хиву, где продают всех, как баранов»¹.

В данном эпизоде отчетлива местная прикрепленность и живая манера повествования. Память о недавнем прошлом сочетается в бывальщине с элементами домысла, нередко и фантазии. Сказитель, охваченный желанием сделать рассказ интересным, стремится подняться над фактами, дополнить их изложение чем-то таким, что выводит повествование за пределы строгой достоверности. Разумеется, это не та условность, которая лежит в основе художественного произведения, но здесь обнаруживается тенденция к личностной интерпретации фактов, к их особому изложению. Вот и в бывальщине об Оренбурге город представлен так, как если бы рассказчик был сам свидетелем изображенных событий, хотя в действительности этого не было.

Одним из видов устного народного творчества является народный театр, основанный на ролевой игре древних обрядов. Бытовали на Руси игры, имевшие к обрядам либо косвенное отношение, либо совсем не связанные с ними. В драматизированных играх в шуточно-гротескной форме народ изображал типичные картинки из жизни деревни и города. Игры постепенно превращались в комические бытовые сценки, отсюда естественный переход к малым формам народной драмы. Таким образом, народный театр вырос из самой жизни народа и всеми нитями был связан с его мировоззрением и эстетикой. Большую роль в развитии народного театра сыграли драматические действия скоморохов. В народной драме особенно широко представлена бытовая тематика. В действенно-зрительных образах проходят перед нами типичные сцены из прошлой жизни России: ярмарка, суд, улица с булочником, тюрьма, трактир и т. п. Многие из подобных сцен не содержат какой-нибудь общественно значимой проблематики. Их цель — развлечь зрителя, для чего широко использовались приемы фарса, буффонады, показывались различные картины, персонажи выкрикивали веселые каламбуры, пели звонкие песни.

¹ Там же. С. 62.

Но за всем этим скрывалось большое общественно-социальное содержание. Дело в том, что в комическое, нелепое положение всегда попадали представители господствующих классов: барин, поп, купец, судья, чиновники. Иногда в бытовых сценах изображался и сам царь.

В романе «Фаворит» Пикуль художественно воспроизводит сцены народной драмы, автором которой был Федор Волков: «Театральными подмостками стала для Федора Волкова вся Москва...

Народ оповестили заранее, чтобы шел на Басманные, Мясницкую и Покровку, где в машкерадном действе узрят люди русские всю гнусность пороков и усмотрят признаки добродетели. Из афишек печатных москвичи сведали, что после явления “Торжествующей Миневры” будут “разные игральщица, комедии кукольные, фокус-покус и разные телодвижения <...>

На целые две версты растянулась многотысячная процессия пересмешиков, дударей и комиков. Первой протащила хромающая на костылях Правда, затасканная по судам, где ей глаз подбили, и эта несчастная Правда волокла на себе разломанные в тяжбах весы Фемиды.

Оголтело плясали на морозе рогатые сатиры:

Шум блистает. Дурь летает.
Хмель шатает, разум тает,
Наглы враки, сплетни, драки —
Все грызутся как собаки.
По-ми-ри-тесь!
Рыла пьяны пожалейте —
Не де-ри-тесь! <...>

Наконец из переулка выехали натуральные добродетели: Аполлон, играя на лире, беседовал с музами, шествовали старцы в белых хитонах, венчаные лаврами... Везли на колеснице крепостную девку Агафью, изображавшую Минерву Торжествующую, и была та Агафья обликом разительно схожа с самой императрицей, глядящей на нее сверху...»¹

Эта живописная сцена точно передает колорит и живое биение пульса эпохи. В итоге роман Пикуля обретает художественную объемность.

Лексико-стилистическая палитра автора «Фаворита» расцветается поэтическими красками и песенных жанров фольклора. Пикуль цитирует в своем романе слова морской песни: «Еще не бывал я на Конго-реке. / Дернем, парни! Дернули... / Там жмет лихорадка людей в кулаке. / Дернем, парни! Дернули...»², которую поют матросы. Заодно с ними пел и Прошка Курносов, которого продал на корабль «одноглазый». Смысл и ритм этого текста сближает его с бурлацкими песнями. В них ярко отражаются тяжесть труда моряков и опасность долгих морских скитаний. Но в то же время чувство товарищества и единения придает им мажорное звучание.

В романе Балашова звучат уже другие по характеру песни. В описа-

¹ Там же. С. 139—140

² Там же. С. 147.

ние свадебного обряда у него включена лирическая песня:

Разлило-ось, разлеле-еялось,
По лугам вода вешняя,
По болотом осенняя,
Унесло, улелеяло,
Со двора три кораблика:
Уж как первый корабль плывет —
С сундуками-оковами,
А второй-от корабель плывет —
С одеялы собольими,
Уж как третий корабель плывет
Со душой красной девицей...¹

Песня «Разлилось, разлелеялось» принадлежит к широко распространенным. Известно свыше двадцати ее вариантов, что свидетельствует о ее устойчивости в свадебном фольклоре и очевидной продолжительности бытования. По-видимому, это послужило одной из причин включения ее в текст романов «Младший сын» и «Святая Русь», изображавших историческую эпоху XIII—XIV вв. Но самое главное — песня «Разлилось...» имеет, по мнению Д. Балашова, скорее всего переяславское происхождение и наряду с другими отражает конкретные события того времени.

Меткие слова, приметы, присловья и другие народные выражения разнообразят не только авторское в исторических романах, но и речь героев, насыщая ее тонким юмором, шуткой. Например, В. Пикуль в романе «Фаворит» использует разговорное выражение «водить за нос»², чтобы показать недоверие комиссии от Адмиралтейства Прошке Курносову, который был подмастерьем у мастера Катасонова: «Прошку уже шпыняли:

— Ты что, парень, за нос тут всех водишь?

— Никого за нос я не вожу, а когда бывал на верфях англицких, там усмотрел, что англичане тако и крепят стрингеры»³.

Конечно, фольклорные мотивы и образы у Пикуля не всегда лежат на поверхности, в отличие от произведений Д. Балашова, но вместе с тем они глубоко органичны как для одного, так и для другого писателя и связаны с их философией жизни и концепцией искусства.

Фольклор, так же как и народный язык, по-настоящему, до конца раскрывается только тем писателям, творчество которых народно по самой своей сути. В глубоко искренней и постоянной привязанности к народу — секрет подлинной национальной самобытности как Балашова, так и Пикуля, одной из главных граней творчества которых является особое творческое освоение фольклорных жанров, освещенных и согретых подлинной человечностью и поэзией.

¹ Там же. С. 232.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 337.

Фольклорные изобразительно-выразительные средства используются Д. Балашовым и В. Пикулем не как фольклорные приемы народно-поэтического стиля, а как художественные способы воссоздания колорита и изображения людей прошлых эпох. Благодаря этому происходит взаимное наложение времен: прошлое, сближаясь с настоящим, обретает художественную достоверность, а современность — историческую перспективу и масштабность.

Е. А. Богданова

**ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СКАЗКЕ
«ТАЙНА ВОЛШЕБНОЙ ЛАГУНЫ,
ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДЕЛЬФИНА ПО ИМЕНИ ДИНЬ»
Н. О. МЕТЛИНОЙ**

Нина Олеговна Метлина — детская писательница, которая работает главным редактором популярной тверской областной молодежной газеты «Смена+» и журнала «Реноме: Тверской регион».

За сказку «Тайна Волшебной Лагуны, или Приключения дельфина по имени Динь» Н. О. Метлина в 2007 году была награждена дипломом «За вклад в развитие литературных традиций Тверского края», в том же году она стала лауреатом премии губернатора Тверской области в номинации «За произведения для детей и юношества».

Жанр сказки считается одним из основных видов народного устного поэтического творчества. Сказки выражают мечты о будущем, отношение к действительности, эстетические идеалы, мировоззрение народа во всем мире¹.

Литературная сказка — это эпический жанр, ориентированный на вымысел, тесно связанный с народной сказкой, но, в отличие от нее, принадлежащий конкретному автору и не имеющий вариантов². Литературная сказка либо подражает фольклорной, либо создает дидактическое произведение на основе нейтральных сюжетов.

Существенным признаком литературной сказки является ее социальность, извечная борьба добра со злом, правды и неправды, справедливости и несправедливости, борьба, которая всегда заканчивается победой и торжеством добрых, честных и справедливых сил. Неотъемлемая черта литературной сказки — это сочетание действительности с фантастикой³. Кроме

¹ Померанцева Э. В. Русская народная сказка. М.: АН СССР, 1963. С. 3.

² Словарь литературоведческих терминов / Ред. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 356—357.

³ Брауде Л. Ю. К истории понятия «литературная сказка» // Известия АН СССР. Серия

того, литературная сказка, как правило, обращается к более обширной аудитории, ко всем грамотным, в том числе и детям, существует на литературном языке, отражает личность автора, его мировоззрение, филологическую подготовку и художественный вкус.

Таким образом, литературная сказка – это авторское художественное, прозаическое или поэтическое произведение, основанное либо на фольклорных источниках, либо сугубо оригинальное, фантастическое, волшебное, рисующее чудесные приключения вымышленных или традиционных сказочных героев, произведение, в котором волшебство, чудо играют роль сюжетообразующего фактора, служит отправной точкой характеристики персонажей.

К изучению русской народной сказки обращались многие исследователи: В. Я. Пропп, Э. В. Померанцева, Е. М. Мелетинский, И. П. Лупанова, В. П. Аникин. К жанру литературной сказки – Л. В. Овчинникова, Л. Ю. Брауде и др.

У ряда исследователей и собирателей встречаются свидетельства о модернизации сказки, о вторжении современности в традиционную сказочную жизнь¹. Сказка остается верной вековой традиции и вместе с тем живет новой жизнью, своеобразно отражая новую действительность. Сказке свойственны возможности варьирования, обновления традиционного текста. С ростом грамотности, увеличением сети школ, библиотек, с всё большим распространением книг и газет сказки больше не играют той значительной роли в народном быте, как в недавнем прошлом. Из жанра увлекательного и поучительного для всех они превратились в рассказ для узкого семейного круга, преимущественно для детей².

Некоторые исследователи стремились охарактеризовать сказочный вымысел как независимый от реальности (К. С. Аксаков, В. Я. Пропп)³, а другие желали понять, как в фантазии сказок преломилось отношение народных рассказчиков к окружающей действительности (А. П. Афанасьев, П. Н. Сакулин)⁴.

В отличие от фольклорной сказки (волшебной, о животных, бытовой), литературная сказка, основываясь на фольклоризме, выполняет и дополнительные функции. Во-первых, помимо дидактической, нравоучительной задачи, литературная сказка ставит перед собой цель представить философское понимание концепции мира и человека; во-вторых, автор стремится изобразить пороки человека не в застывшей аллегорической, а в философско-диалектической форме; в-третьих, в литературной сказке проявляется авторский индивидуальный способ видения мира и человека в

«Литература и язык». 1977. Т. 36. № 3. С. 233.

¹ Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. С. 154.

² Там же. С. 191.

³ Аникин В. П. Русская народная сказка. М.: Учпедгиз, 1959. С. 3, 5.

⁴ Там же. С. 4.

нем. Сказочники нарушают правдоподобие, а смещение реального плана в изображении – отличительная черта всех сказок.

Литературная сказка создается конкретным автором, в каноничной письменной форме, образ героя индивидуализирован, а сюжет не ограничен какими-либо мотивами. Несмотря на существенные отличия литературной и фольклорной сказок, наблюдается проникновение фольклорного жанра в литературную сказку¹.

Сказочное творчество Н. О. Метлиной еще не было рассмотрено с литературоведческой точки зрения, но, так как оно становится все более популярным, то требует детального изучения.

В литературной сказке сюжеты и композиция в значительной степени подчиняются авторской воле и фантазии. Для литературной сказки характерно необычное начало, далекое от фольклорной традиции, более напоминающее по жанру произведение реалистического характера².

В сказке Н. О. Метлиной «Тайна Волшебной лагуны, или Приключения дельфина по имени Динь» нет традиционного сказочного зачина, читатель непосредственно включается в уже развивающийся сюжет: «В этот день море наконец-то успокоилось. Вода стала чистой и прозрачной, и плывущий дельфин ясно различал камешки, лежащие под ним на далеком дне»³. Дальнейшее развитие сюжета позволяет увидеть в сказке Метлиной традиции русской народной сказки, а именно: многоходовость повествования⁴, что для современных литературных сказок не является редкостью. Каждый новый ход берет начало в основном сюжете, легко вплетается в канву повествования и либо завершается независимо от основного сюжета, либо является его необходимой частью.

В «Тайне волшебной лагуны...» четко прослеживается сюжет поиска. Главный герой подвергается определенным испытаниям (заточение, колдовство ведьмы, предательство Бородавки), выдерживает их (спасет динозавра Заморыша и жителей Лагуны, помогает пробудить Лилию, находит наследного принца) и получает заслуженную награду (становится королем Волшебной Лагуны). Подобное развитие событий находит отражение в русских народных сказках в стремлении показать положительного героя, смелого, отважного, способного на подвиг. Для русских народных сказок подвиг является кульминационным моментом повествования⁵, как и закон «сказочной справедливости», заключающийся в неизменном торже-

¹ Цикушева И. В. Жанровые особенности литературной сказки // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. 2008. № 1. С. 22.

² Там же. С. 2.

³ Метлина Н. О. Тайна Волшебной лагуны, или Приключения дельфина по имени Динь. Тверь: Типография Алексея Ушакова ГУШ, 2006. С. 3.

⁴ Пропп В. Я. Морфология русской народной сказки. Л.: АCADEMIA, 1928. С. 113.

⁵ Лупанова И. П. Русская народная сказка в творчестве писателей первой половины XIX века. Петрозаводск: государственное издательство Карельской АССР, 1959. С. 316.

стве доброго начала, торжестве справедливости. Зло в образе осьминога Бородавки пасует перед героями, добрыми и справедливыми¹.

Сказочному фольклору присуще теснейшее переплетение реально-бытового и фантастического планов повествования. Фантастика и волшебство органически входят в жизнь и быт персонажей, воспринимаясь ими как нечто вполне закономерное и ничуть не удивительное.

Русским сказкам свойственно наделять волшебством определенные предметы: кольцо, топор, платок, зеркало, яблоко. В современных авторских сказках это список изменяется и варьируется по желанию автора. Так, в «Тайне Волшебной Лагуны...» волшебством обладают предметы-символы Волшебной Лагуны: колокольчик Диня, витая ракушка Рапан (королевский символ), выпавшие в полнолуние акулы зубы.

Колокольчик появляется в самом начале повествования (его находит в песке Золотая рыбка), становится символом главного героя и даже дает ему имя: «И теперь, когда дельфин плыл, колокольчик раскачивался и звенел: динь, динь! Золотая рыбка очень смеялась и хлопала плавниками. А потом она вдруг подумала: почему бы не назвать дельфина Динь? Имя это ему очень понравилось. Оно было короткое, звонкое и красивое. Так дельфин стал Динем»². С помощью колокольчика Динь помогает подводным гномам разбудить цветок лилию: «Раз, два, три... и колокольчик Диня зазвучал, как настоящая нота Соль. <...> Чудесная лилия не спеша поднимала свою царственную головку»³.

Волшебством обладает символ витой ракушки рапан, который встречается на всех предметах королевской семьи. Им подписан самый важный документ королевства (документ о рождении наследного принца), им отмечен колокольчик Диня и ключик от тайной двери в Немой бухте. Сама ракушка рапан в финале сказки предсказывает счастливый финал и торжество справедливости, волшебным образом расколовшись и сложившись в образ главного героя и его спутницы.

Кольцо, один из основных волшебных атрибутов народной сказки⁴, так же встречается в повествовании, принадлежит не положительному герою, а одному из отрицательных — осьминогу Коротышке, но в итоге выполняет функцию помощника: «Один из осьминогов поднял кольцо, брошенное рыбкой, рассмотрел его и весь преобразился. Он отпустил дельфина и его подругу и стал виновато размахивать щупальцами, как бы извиняясь перед ними»⁵.

Выбор числительных в сказках основан на народном представлении о значении чисел. Самые частотные по использованию в текстах русских

¹ Там же. С. 298.

² Метлина Н. О. Тайна Волшебной лагуны... С. 4.

³ Там же. С. 72—73.

⁴ Аникин В. П. Русская народная сказка... С. 45.

⁵ Метлина Н. О. Тайна Волшебной лагуны... С. 76.

народных сказок числа: 3, 7, 9, 12¹. В сказке Н. О. Метлиной мы видим отход от традиции, так как особой магией наделено число 11, не имеющее аналогов в традиционной сказке. Этому числу придано особое значение: «Да, сегодня пришла пора предупредить вас кой о чем. Но, смотрите, не проболтайтесь. Одиннадцать месяцев назад одиннадцатого числа у Королевы родились дети. Десять девочек, а одиннадцатый мальчик. Он-то и должен быть Королем»².

В традиционной сказке число 3 носило так же характер определения количества локаций (царств), важных для развития сюжета. Мы можем предположить, что и в сказке Н. О. Метлиной число 11 несет то же значение, если подсчитать основные важные локации: 1. Волшебная Лагуна; 2. Забытая дорога; 3. Жемчужный грот; 4. Город кораллов; 5. Русалочий омут; 6. Остров Вымерших Ящеров; 7. Отмель погибших кораблей; 8. Поющие холмы; 9. Илистая бездна; 10. Немая бухта; 11. Вулкан Громыхало.

Современной литературе свойственно использование пейзажных зарисовок, но именно этот художественный прием в народной сказке носил функциональный характер, был краток и лаконичен (чистое поле, синее море)³. Развернутое пейзажное описание встречалось в связи с определенными ситуациями.

В «Тайне Волшебной Лагуны...» не раз встречаемся с ненавязчивыми, органично вплетенными в сюжет пейзажными зарисовками. Действие народных сказок происходит чаще всего на суше, а морские темы разрабатываются крайне редко и не так подробно. Именно в этом заключается особенность авторской сказки – она переносит нас в мир авторского «мироощущения и мировоззрения»⁴. Пейзажные зарисовки в сказках Н. О. Метлиной компактны и органичны, они раскрывают читателю красоту подводного мира и разнообразие морских жителей: «Таинственный свет ложился причудливыми бликами на ветвистые песчаные дорожки и круглые клумбы с подстриженными ухоженными водорослями»⁵; «Тут были и воздушные легкие арки, под которыми пролетали шаловливые рыбки. И высоченные дворцы со сводчатыми крышами и фигурными окнами. И чудесные лестницы, уходящие прямо ввысь по скале. По ним все те, кто не умели плавать, а лишь ползали по дну, могли подняться на самую поверхность моря и полюбоваться закатом»⁶; «Якорь почти совсем занесло илом: виднелся только кусочек цепи. Почти все подводные камни сбились в одну огромную неустойчивую кучу. Несколько небольших скал упали как подкошенные, выворотив на дно свое безобразное щербатое основание. В

¹ Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 302.

² Метлина Н. О. Тайна Волшебной лагуны... С. 5.

³ Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 205.

⁴ Цикушева И. В. Жанровые особенности литературной сказки... С. 23.

⁵ Метлина Н. О. Тайна Волшебной лагуны... С. 4.

⁶ Там же. С. 28.

взбудораженной воде кругами носились взъерошенные водоросли и разломанные ракушки»¹.

В русских народных сказках широко использовались лирические вставки — песни, причитания. Это поэзия высокая и чистая, характерная для сказок на стадии развитого поэтического сознания народа. В сказках Н. О. Метлиной встречаем песенки-попевки и стихотворения, написанные специально для книги ее мужем. Песенки просты и легки для детского восприятия и занимают особое место в сюжете, позволяя через них шире раскрыть характер персонажа, которому они принадлежат.

Исследователи сказочной поэтики отмечали, что изображение жеста «неизвестно старой сказке», и появляется в дальнейшем у отдельных сказочников в процессе развития сказочного жанра по пути психологизации. Отсутствие названного элемента обуславливается устностью исполнения, театрализованностью действия². В литературной сказке эту функцию выполняют авторские вставки в прямой речи героя.

Ощущение «фольклорности» в авторских сказках нарушается ориентацией автора на детскую аудиторию: в организации формы сказки, в попытке активизации читателя³, когда происходит его объединение с автором: «Но вот настало утро, и на душе у наших друзей стало гораздо веселее. <...> Наверное, наших друзей спасут те, кого они сами когда-то вызволили из беды...»⁴

Форма авторской сказки отличается от формы традиционной сказки. Народные сказки являются единым текстом, не разделенным на части. Сказка Н. О. Метлиной разделена на 25 глав, каждая из которых носит название той или иной тайны: «Тайна первая. Чудовище на троне», «Тайна двенадцатая. Ленегнда о ревущем ящере», «Самая главная тайна» и т. п. Тайну и загадку носят в себе не только названия, но и содержание каждой главы. Это стилевая особенность, присущая конкретному автору.

Основной герой волшебной сказки в сущности один, независимо от того, как его зовут и откуда он родом. Перед читателем предстает обобщенный собирательный образ положительного героя, созданный фантазией и мечтой народа и воплощенный в сходные между собой конкретные, вплетенный в разнообразные фабульные схемы. Какими бы ни были испытания и приключения, как ни разнообразны чудовища, с которыми они борются, — основная повествовательная линия этих сказок едина. Мужественный, бесстрашный, верный, красивый герой преодолевает все беды и невзгоды и завоевывает свое счастье⁵. Типичный герой волшебной сказки — крестьянский юноша, младший сын, падчерица или сирота, которых с

¹ Там же. С. 74.

² Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 269.

³ Там же. С. 309.

⁴ Метлина Н. О. Тайна Волшебной лагуны... С. 77.

⁵ Померанцева Э. В. Русская народная сказка... С. 63.

теплым юмором называют «золушкой» или «дурачком». Героем может быть и царский сын – в русской сказке это Иван-царевич¹.

В сказке Н. О. Метлиной главный герой – Дельфин Динь, нетипичный герой для русской сказки, так как является представителем мира животных, но в тоже время выполняющий все функции главного героя, заявленных в русских народных сказках. Такой выбор героя характерен для литературной сказки, где мировосприятие автора играет основополагающую роль. Дельфину Диню свойственны качества традиционного главного героя: он мужественный, смелый, честный, верный. У него усилены положительные черты, такие как выдержка и чувство долга: «Только тут маленький дельфин все понял. Во время шторма одна рыбка зарылась в песок, а коралл упал и закрыл собой ее норку. И сейчас бедная рыбка там, одна, в темноте и страхе. Надо во что бы то ни стало спасти ее»²; «А дельфин не стал смеяться, как Золотая рыбка. Он, напротив, нахмурил брови и грозно сказал: – Не ожидал я, что вы такие трусы. Если вам нравится подневольная жизнь в этом болоте, то можете оставаться. А мы спасем бедного Заморыша и уплывем отсюда. Прощайте!»³; «А зачем вы здесь? – задал самый главный вопрос Динь, – Может быть, вы – прекрасная пленница этой бездны? Тогда мы спасем вас!»⁴.

В некоторых народных сказках прослеживается зависимость героя от расположения к нему добрых сил, в частности животных, что обусловлено природной добротой героя, врожденной гуманностью, чувством долга⁵. Герой авторской сказки полагается в основном на себя и редко на случай, помощь со стороны принимает скромно, не требовательно, всегда с благодарностью. Скромность главного героя так же подчеркивается его поведением после коронации: до этого момента герой не подозревал о своем происхождении. Такой переход от статуса обычного героя к статусу царствующей особы мы нередко встречаем среди знакомых сюжетов народных сказок⁶.

Обратимся к женским образам в русских народных сказках. Это чаще всего образ матери главного героя, царевны, за руку которой сражается главный герой или жизнь которой спасает, или образ волшебной помощницы (будь то человек или животное). Женский образ часто соотносится с мудростью, рассудительностью.

В «Тайне Волшебной лагуны» основной помощницей главного героя становится Золотая рыбка, спасенная Динем после шторма. Не случаен и

¹ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. М.; СПб.: Академия исследования культуры; Традиция, 2005. С. 7.

² Метлина Н. О. Тайна Волшебной лагуны... С. 3.

³ Там же. С. 57.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 317.

⁶ Померанцева Э. В. Русская народная сказка... С. 63.

сам образ героини: в русских сказках она играет роль волшебного помощника, выполняющего любое желание за спасение. Образ Золотой рыбки отсылает нас в первую очередь к «Сказке о рыбаке и рыбке» А. С. Пушкина. Тот же образ мы можем встретить и в сказке братьев Гримм, и в сказке Е. Кульман. Волшебная рыбка в этих сказках выполняет одно за другим желания рыбака и в конце концов возвращает все к первоначальному состоянию¹.

В сказке Н. О. Метлиной Золотой рыбке отводится особая роль – она не только волшебный помощник, но и мудрая спутница и подруга. Она сочетает в себе все разнообразие женских положительных образов русской народной сказки²: она умна, мудра и в меру любопытна: «Ты нашел меня, а я нашла куда более интересное. Смотри: это королевский документ про какого-то Одиннадцатого»³; «Да ты что, ничегошеньки не понял? – подпрыгнула Золотая рыбка. – Нет, а ты разве что-то поняла? – Конечно. Ведь эта дорога, про которую он ничего не помнит, и есть та самая Забытая дорога. Оттого она так и называется, что про нее все забыли! Видишь, как все просто?»⁴

Как уже было сказано выше, перейдя в авторскую сказку, золотая рыбка не потеряла своих волшебных способностей – она по-прежнему исполняет желания. Для главного героя это имеет большое значение, так как вследствие исполнения первого желания рыбка становится его верным другом: «Ну что ж, теперь ты можешь выбрать любое желание, какое только захочешь. Я всё исполню. Так что же ты желаешь больше всего на свете? – Я? – обрадовался маленький дельфин и, ни секунды не задумываясь, ответил: – Я очень хочу подружиться с тобой. Об этом я мечтал всю жизнь...»⁵. Исполняя второе желание, рыбка помогает ему добраться до нужного места: «Конечно, ты спас меня! А мы, золотые рыбки, выполняем любое желание (конечно, посильное!) нашего спасителя. Ну, говори скорее! Какое у тебя сейчас самое сильное желание? – У меня? – ошарашено переспросил Динь. – Поскорее добраться до Русалочьего омута»⁶.

Помимо главного героя рыбка исполняет желание Господина Моллюска (придворного волшебника) и тем самым дает основную завязку сюжета сказки — найденный документ заставляет героев отправиться на поиски таинственного принца.

Социальный и моральный смысл приобретают действия чудесных сил, выступающих на стороне героя, и значительно позже и медленнее – демонических противников героя (чудовищ, людоедов, злых духов). Это

¹ Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 173.

² Померанцева Э. В. Русская народная сказка... С. 65.

³ Метлина Н. О. Тайна Волшебной лагуны... С. 9.

⁴ Там же. С. 12—13.

⁵ Там же. С. 4.

⁶ Там же. С. 38—39.

объясняется тем, что социальное зло в сказке очень рано получает реальное воплощение¹.

Образы положительных героев, их помощников и чудесных предметов, служащих им, составляют единую систему, выражающую народные идеалы и мечты. Это безупречный, светлый, радостный мир. Это мир противопоставлен злу жизни, темным силам сказочного царства. Народная фантазия не скупилась на создания страшных чудищ и безжалостных злодеев: Баба-Яга, Леший, Кощей Бессмертный. В некоторых сказках мы встречаем их и в роли испытателей главного героя².

В литературной сказке количество и разнообразие злодеев зависит от фантазии автора. С первых страниц сказки Н. О. Метлиной мы сталкиваемся с героем – осьминогом Бородавкой, подходящим под описание главного злодея: он страшен, агрессивен и коварен³: «Это было огромное фиолетовое чудовище, такое ужасное, что Динь поневоле съежился. Все тело этого страшили было сплошь покрыто круглыми бородавками. Вместо плавников было много щупалец, которые постоянно шевелились»⁴.

Образ этого героя не находит аналогов в русской народной сказке, так как данный вид морского обитателя не свойственен русской природе. К чисто фольклорному образу жителя морей относят персонажа сказки П. П. Ершова «Конек-горбунок» – «Чудо-юдо рыба-кит»⁵. Но в традиционных сказках, как писал В. Я. Пропп, один персонаж легко заменяется другим⁶. Эти замены имеют свои иногда очень сложные причины. Действительная жизнь сама создает новые, яркие образы, которые и вытесняют сказочных персонажей.

Редкая волшебная сказка обходится без рассказа о зловещей старухе, Бабе-Яге, которая, однако, оказывается весьма заботливой и внимательной к герою. Отрицательные черты не были изначальным свойством образа Бабы-Яги⁷. Баба-Яга, по классификации В. Я. Проппа, являлась испытателем главного героя, благодаря ей герой после выполнения задания получал или совет, или волшебный предмет⁸. В современном мире образ Бабы-Яги приобрел полностью отрицательное значение.

В сказке Н. О. Метлиной образ Бабы-Яги нашел свое отражение в образе русалки-ведьмы Гуцурулы: «Динь и Золотая рыбка наконец-то разглядели огромную старую русалку, всю поросшую зелеными водорослями и мхом. Из-под нависших мохнатых бровей на наших друзей смотрели

¹ Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. С. 14.

² Пропп В. Я. Морфология русской народной сказки... С. 50.

³ Померанцева Э. В. Русская народная сказка... С. 65.

⁴ Метлина Н. О. Тайна Волшебной лагуны... С. 5.

⁵ Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 239.

⁶ Пропп В. Я. Морфология русской народной сказки. С. 97.

⁷ Аникин В. П. Русская народная сказка... С. 55.

⁸ Пропп В. Я. Морфология русской народной сказки. С. 16.

злые, колючие глаза»¹. Образ русалки относится к числу наиболее популярных образов народной мифологии, представленной в литературе, в частности, в авторских сказках А. С. Пушкина, Г. Х. Андерсена, В. А. Жуковского, Н. Заболоцкого, в повестях Н. В. Гоголя и др.

Для многих авторов характерно введение в традиционную сюжетную схему новых героев, не предусмотренных сказочной традицией². Так, в сказочном сюжете нашли свое место жители Поющего Холма: гномы Корюшка, Нотка и другие, прекрасная Лилия. Образ последней сравнивается главными героями с образом «Спящей красавицы»: «Спящая красавица! – восхищенно произнесла Золотая рыбка. – А я думал, они только в сказках бывают, – пробормотал Динь. – Хотел бы я посмотреть на того принца, который разбудит ее. Должно быть, это будет настоящий принц!»³ Отсылка к знаменитой сказке позволяет читателю приблизиться к главным героям, оказаться с ними на одной ступени, ведь и Динь и Рыбка, как и многие дети, читают и знают сказки. Таким образом создается эффект сказки в сказке.

Обитатели Острова Ящеров вызывают особый интерес, прежде всего своей принадлежностью к виду вымерших живых существ – динозаврам. Спасенный Динем и Золотой рыбкой динозавр Заморыш впоследствии оказывает неоценимую помощь главным героям в их поисках. Жители острова Ящеров разговаривают на особом наречии, которое понятно читателю, но в то же время необычно и непривычно: «Мамус, родная мамус! – что есть силы завопил он, боясь, что она не услышит его слишком слабенький голос, и со всех ног бросился в раскрытые объятия. – Сынус, милый сынус, — прошептала Завра и прижала детеныша к своей груди»⁴. Так же создается особый язык в сказке о муми-троллях финской писательницы Туве Янсон и в сказке о Винни Пухе английского писателя Алана Милна.

Народной сказке обычно чужд психологический анализ, она не описывает чувства героев изнутри, а показывает их через внешние проявления – поступки и действия⁵. Но в литературной сказке о герое можно многое узнать по описанию его внутреннего мира, его переживаний.

Конечно, рассмотренными выше особенностями связь сказки Н. О. Метлиной с народно-поэтической традицией не ограничивается. Однако, возможно, это глубинное родство является одной из причин интереса и популярности сказок нашей землячки у юных читателей.

¹ Метлина Н. О. Тайна Волшебной лагуны... С. 42.

² Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 208.

³ Метлина Н. О. Тайна Волшебной лагуны... С. 68.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Лупанова И. П. Русская народная сказка... С. 203.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ

И. А. БУНИНА, Ю. П. КУЗНЕЦОВА, Н. И. ТРЯПКИНА

А. В. Гончарова как ученый много работала над проблемой «русская литература и фольклор». Она была убеждена в том, что устно-поэтическое творчество народа всегда служило и будет служить источником «живой воды» вдохновения для истинных поэтов. Подтвердим эту мысль на примере нескольких параллелей, выявленных в произведениях И. А. Бунина, Ю. П. Кузнецова, Н. И. Тряпкина. Литературные позиции этих авторов были близки, но далеко не тождественны, и тем не менее опора на русские фольклорные традиции, мотивы и образы позволила им выразить свои взгляды на исторические судьбы России и всего мира в XX веке.

Бунин, Кузнецов и Тряпкин проявляли интерес к таким темам, как «человек и природа», «человек и Бог», «человек и устройство мира», «жизнь и смерть», «скоротечность жизни», «пращурь и связь поколений», «русское богатырство», «русский национальный характер и его искажения в новейших исторических условиях», «трагедии России и всего мира в XX веке». Поэты осмысливают онтологические, аксиологические, гносеологические проблемы, создают свою художественную философию и антропологию на основе русского фольклора, христианской системы ценностей¹, используют и трагический, и героический, и сатирический виды пафоса. Но при этом Бунин все-таки остается в рамках реалистического типа творчества, Кузнецов проявляет себя как романтик и раскрывает мысли, близкие к бунинским, средствами романтической поэтики, Тряпкин же синтезирует обе эти традиции.

Показательна параллель, возникающая в рамках темы «человек и природа». В стихотворении Бунина «Белый олень» (1912), в «Атомной сказке» (1968) Кузнецова и в «Сказке» (1979) Тряпкина использован фольклорный мотив: стрелок отправляется на охоту и встречает потенциальную невесту. Бунин опирается на народную песню «Не разливайся, мой тихий Дунай»², Кузнецов — на былины и сказки о богатыре Дунае, которые на уровне топики пересекаются с этой песней, а также на волшебную сказку о царевне-лягушке, Тряпкин развивает сказочно-мифологический сюжет, помещая своего героя-стрелка в пространство мифа о мировом древе и тем самым сталкивая социум и космос, человека и высшие силы.

В стихотворениях Бунина и Тряпкина происходит необычная трансформация традиционного сюжета: у Бунина Белый Олень в ответ на удар

¹ Применительно к поэзии Бунина эту концепцию отстаивали в последние годы О. А. Бердникова, Т. А. Кошемчук, Л. А. Смирнова.

² См. примеч. О. Н. Михайлова, А. К. Бабореко в изд.: *Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1965. Т. 1. С. 563.*

плеткой и использование самострела губит стрелка, превращая его в домоседа (этот мотив отсутствует в первоисточнике, хотя и подразумевается в общем контексте свадебной обрядовой поэзии):

Едет стрелок в зеленые луга,
В тех ли лугах осока да куга,
В тех ли лугах все чемер да цветы,
Вешней водою низы налиты.
— Белый Олень, Золотые Рога!
Ты не топчи заливные луга.

Прянул Олень, увидавши стрелка,
Конь богатырский шатнулся слегка,
Плеткой стрелок по Оленю стебнул,
Крепкой рукой самострел натянул,
Да опустилась на гриву рука:
Белый Олень, погубил ты стрелка!
<...>
Тут и забавам стрелецким конец —
Будешь ты дома сидеть, молодец¹.

Бунин создает аутентичную, лирическую транскрипцию фольклорного источника, сохраняет в нем песенное начало, а в содержательном плане — раскрывает «мысль семейную», утверждает патриархальные, родовые ценности.

В стихотворении Кузнецова, опирающегося на эпическую (сказочную и былинную) версию сюжета, герою Ивану удастся погубить лягушку, никаких препятствий на его пути не возникает — лягушка-царевна, в отличие от героини волшебной сказки и в отличие от жены Дуная Настасьи, не молит о пощаде, она покорна и беспомощна:

«Пригодится на правое дело!» —
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток².

Однако, умертвив царевну, Иванушка губит самого себя как царского стрелка и превращается в Ивана-дурака, счастливого итогом своего бездушного эксперимента.

На уровне сюжета между стихотворениями Бунина и Кузнецова обнаруживается определенная связь: в обоих случаях лирический герой вмешивается в патриархальный мир, в мир природы, в законы его существования и тем самым ставит самого себя на грань бытия и небытия. Но у Бунина драматический конфликт разрешается благополучно: стрелок опустил самострел вовремя, сохранил жизнь Оленю, предпочел погибнуть сам в

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений... С. 348.

² Кузнецов Ю. П. Крестный ход: Стихотворения и поэмы. М.: СовА, 2006. С. 52.

своим прежнем качестве, понимая, что гибель стрелка означает начало его новой жизни в новом качестве – главы семьи, рода. Завершается стихотворение вполне реалистической картиной домашней, семейственной жизни героя:

...Сладким вином поезжан напою,
Всех особливей невесту твою:
Чтоб не мочила слезами лица,
Чтоб не боялась кольца и венца¹.

Герой Кузнецова, напротив, идет безоглядно и бездумно своим путем до трагического конца, он переступает грань жизни и смерти, добра и зла и совершает величайший грех – убивает ту, которая могла стать его суженой и продолжательницей рода. Условность эксперимента, совершаемого Иванушкой в «Атомной сказке», очевидна. Кузнецов проявляет себя как поэт-романтик.

Бунин оказывается ближе к фольклорному источнику, создавая свою, литературную редакцию народной песни: он подробно описывает детали происшествия, делая, однако, неожиданный для свадебной обрядовой поэзии акцент на гибели стрелка. Поэт вполне убедительно объясняет, почему же стрелок не убил Оленя Золотые Рога, – потому что сам стрелок погублен Белым Оленем, то есть побежден любовью. Это объяснение отсутствует в народной песне, которая под пером Бунина трансформируется и становится литературным произведением, метафорически выражающим следующую мысль: человек не должен покушаться на природу, красоту, любовь, так как сам подвластен любви и красоте, является органической частью природы и необходимым звеном в цепи поколений. Мифологический сюжет становится для Бунина основой художественного мышления и помогает создать метафорический образ: Белый Олень – олицетворение природного начала, той силы, которая благословляет человека на любовь и гармонию в отношениях с миром.

Подтекст стихотворения Кузнецова более многослойный, а переплетение фольклорных сюжетов в нем более сложное. Кузнецов, кроме сказки о царевне-лягушке, явно опирается на известную былинку о богатыре Дунае, который вскрыл белое тело своей возлюбленной, чтобы убедиться, что в ее чреве находится его собственное чадо с руками по локоть в золоте, ногами по колени в серебре, а убедившись, пришел в ужас от содеянного и убил себя своим «кинжалищем». Покушение на основы бытия оборачивается нравственной и физической гибелью для героя.

По словам исследователей, «убив жену и тем самым подтвердив свою власть над ней, Дунай, однако, совершает страшный грех. Убей Дунай Настасью в бою – на то и бой богатырский (убивает же Добрыня Златыгорку). Но Дунай поднял на нее руку в тот момент, когда Настасья уже

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений... С. 348.

стала его женой, и не просто женой – в этом-то все и дело! – а матерью будущего героя. И Дунай, таким образом, поднял руку на патриархальное родовое право – то самое, защищать и утверждать которое он был призван всеми своими силами. Недаром Дунай непременно проверяет слова жены, взрезывает ей чрево и обнаруживает чудесного, но – увы! – недоношенного младенца. Трагический конфликт достигает своей высшей точки именно в этот момент. По суровым воззрениям предков, потомок богатырского рода стоил дороже, чем женщина-жена, жена же ценилась в первую очередь как мать. Вот тут Дунаю и предстоит навек покрыть себя позором, вот тут грозит ему развенчание. Но не вздохнув, не дрогнув, не задержавшись даже на мгновение, Дунай совершает единственный оставшийся ему подвиг, по-прежнему утверждающий в Дунае героя, – убивает себя»¹.

Кузнецов опирался на художественный потенциал данной былины, он спроецировал воплощенный в ней драматический конфликт на трагические коллизии новейшей истории человечества. Фольклорный мотив он соединил с современным цивилизационным контекстом (научно-техническая революция, атом, электричество), подчеркивая условность ситуации, и рассказал сказку, но атомную, сказку на теперешний лад. Герой Кузнецова убил не просто лягушку, даже не царевну-лягушку, – он погубил будущее своего рода, будущее человечества. При этом он не ужаснулся, как Дунай-богатырь, не покончил с собой, а почувствовал блаженство от того, что обладает такой властью над миром. Лишь на уровне авторской позиции (и во многом благодаря заглавию «Атомная сказка») поступок своего героя Кузнецов толкует как самоубийственный, как преддверие гибели всего человечества.

Бунин в своем стихотворении отстаивает необходимость гармонии между человеком и окружающим миром, поэтому драматический конфликт и разрешается у него благополучно. Кузнецов же вынужден признать, что современный человек уже перешагнул некую грань, нарушил хрупкое равновесие и теперь наслаждается псевдогармонией («И улыбка познания играла на счастливом лице дурака»). Оба поэта сходятся в одном: человеческое вмешательство в жизнь природы должно соединяться с нравственностью, познание должно иметь пределы, чтобы не погубить Божий мир.

Значимость реализованного Буниным и Кузнецовым мифопоэтического сюжета об охотнике, метившемся в мироздание, по достоинству оценил Николай Тряпкин, воплотивший данный сюжет в своей «Сказке» (1978). Если герой Бунина целится в сердцевину всего сущего (Белого Оленя), но все-таки опускает руку, если герой Кузнецова уже бестрепетно «вскрывает» эту сердцевину («белое царское тело» лягушки), то стрелок Тряпкина целится и бьет без промаха уже не просто в представителя при-

¹ Балашов Д. М., Новичкова Т. А. Русский былинный эпос // Былины: В 25 т. СПб.: Наука, 2001. Т. 1. С. 21—78.

родного мира, а в «голубицу на Звездном дубу да у Млечной реки», то есть в Божий дух. Современный человек рушит ось мироздания, отказывается от Бога, от нравственных законов и тем самым приводит мир к Апокалипсису¹.

Своеобразие поэтического воплощения Н. Тряпкиным названной темы обусловлено глубоким мифологическим подтекстом. Герой-стрелок отправляется у Тряпкина на охоту в том пространстве, где доминируют «Звездный дуб» и «Млечная река». Млечный путь в произведениях Тряпкина осмысливается как ось мира, как Мировое древо, как синоним Вселенной. Архитектоника этого Млечного пути, весьма сложная и разветвленная, включает в себя земную ось, земное колесо, колыбель, ковчег, арки, перекладыны, пути, хребтины и хребты, родовое древо и древо жизни.

Согласно многочисленным мифам разных народов, мировое древо воплощает в себе единство всего мира, связь вселенной и человека, это модель мира, где для каждого существа, предмета или явления есть свое место. Мировое древо — это также посредник между мирами — своеобразная дорога, путь, мост, лестница, по которой можно перейти из этого, земного мира в мир предков, потусторонний мир².

В поэтическом мире Тряпкина все эти образы синонимичны, взаимозаменяемы, находятся в отношении свободного варьирования. Сущность творческой работы Тряпкина можно охарактеризовать так: поэтическая реконструкция мифа. Когда-то народное поэтическое сознание обобщило крестьянский жизненный опыт в мифологических сюжетах и образах, а теперь Тряпкин расшифровывает их смысл и находит соответствия им в современности, в действительности XX века, пытается в суетной, быстротекущей, катастрофической, трагической, атеистической эпохе найти и показать людям истину, высшую основу бытия.

По свидетельству исследователей фольклора О. В. Беловой и В. Я. Петрухина, «в славянской модели мира концепту единого мирового древа присуща статичность: мировая ось должна быть неподвижной, ее движение равнозначно трансформации и в конечном итоге гибели мира»³. В художественном мире Тряпкина мировая ось, с одной стороны, сохраняет свое значение и стабильность, а с другой — колеблется, подвергается испытаниям разрушительной деятельностью человека. В славянской мифологии роль Мирового древа выполняет дуб — именно «Звездный дуб» у

¹ Об этом подробнее см.: *Николаева С. Ю.* «Под сенью философской...» (Русский космизм в поэзии Ю. П. Кузнецова и Н. И. Тряпкина) // Юрий Кузнецов и Россия: Материалы IV Международной конференции, посвященной творческому наследию Ю. П. Кузнецова. М.: Изд-во Литинститута им. А. М. Горького, 2011. С. 93—114.

² *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Ред. Н. И. Толстой.* Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка). М.: Международные отношения, 2004. С. 253—254.

³ *Белова О. В., Петрухин В. Я.* Фольклор и книжность: миф и исторические реалии. М.: Наука, 2008. С. 67.

«Млечной реки» и изображает Тряпкин в стихотворении «Сказка» (1979):

Исходился, избегался царский стрелок
Да по дебрям лесным.
Ничего не добыл он на царский пирог
Самострелом своим.
Ни единой косули не прыгнет вокруг,
И дроздов не слышать.
И не к чести уже свой испытанный лук
Наготове держать.
Закручинился парень, уселся на пне.
(А уж ночка-то – вот!)
И послышалось вдруг: где-то там, в вышине,
Голубица поет.
И вскочил молодец, и наставил трубу
Сквозь лесные суки.
*И узрел голубицу на Звездном дубу
Да у Млечной реки.*
И ударила стрелка под то ли крыло,
И промчалась насквозь...
И великое пламя над миром прошло,
А верней – пронеслось.
Издымились деревья, пропала трава,
И не стало воды.
Только месяц вверху зарыдал, как сова,
От великой беды...¹

Тряпкин считает недопустимым раскачивание мировой оси, и в этом он продолжает размышления своего современника Ю. П. Кузнецова и предшественника И. А. Бунина.

Сказочный мотив у Кузнецова выполняет дидактическую функцию: не ограниченное нравственными канонами познание мира человеком обращается против мира и человека. У Тряпкина человек идет еще дальше в своем дерзком стремлении овладеть миром и посягает уже на «голубицу на Звездном дубу Да у Млечной реки», то есть он восстает против Бога, Святого Духа, он колеблет мировую ось, мировое древо, и в итоге мир рушится, возникает картина Апокалипсиса, воссозданная во многих стихотворениях Тряпкина:

Дьявол заходит в кабак,
Бог восседает за стойкой.
Пьют из *Большого Ковша*,
Спирт не мешая с водою².

Таким образом, Бунин стоит у истоков важнейшей темы – темы кри-

¹ Тряпкин Н. И. Горящий Водолей. М.: Молодая гвардия, 2003. С. 474.

² Тряпкин Н. И. Горящий Водолей... С. 381.

зиса религиозно-нравственного сознания современного человека и общества, которая стала для Кузнецова и Тряпкина основополагающей, во многом определила своеобразие их художественных миров.

Еще одна параллель между поэтами (на этот раз Буниным и Кузнецовым) обнаруживается в рамках темы русского национального характера, русского богатырства. И вновь единым поэтическим источником при разработке этой темы становится фольклор, в частности былинный эпос. Особое внимание поэты обращали на таких былинных персонажей, как Илья Муромец, Святогор, а также воссоздавали обобщенный образ русского богатыря.

И Бунин, и Кузнецов явственно осознавали двойственность характера русского человека-богатыря. Так, Кузнецов с восхищением говорит о русском богатырстве, любит «потягиванием богатыря»¹, но, вспоминая Илью Муромца, сидевшего на печи до тридцати трех лет, вынужден неоднократно с горечью признавать его пассивность, мечтательность, легкомыслие:

Качнет потомок буйной головою,
Подымет очи – дерево растет!
Чтоб не мешало, выдернет с горою,
За море кинет – и опять уснет².

Страшный Суд проспал и не заметил...
Вот что значит богатырский сон!³

В постперестроечную эпоху Кузнецов открыто обращался к современным русским измельчавшим «богатырям» с горькой укоризной, например в стихотворении «На пирушке» (2000):

В мире скука. А у нас пирушка,
Честь по чести дольний стол накрыт.
На одном конце палит Царь-пушка,
На другом Царь-колокол гремит.

Поднимите, дьяволы, стаканы
Выше свеч и белых облаков!
Не про нас ли говорят курганы
И тоскуют сорок сороков?⁴

Когда-то Н. К. Михайловский, старший современник Чехова и Бунина, под впечатлением чеховской «Степи» рассуждал: «Читая, я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная куда и зачем, так, кости разминает, и, не сознавая своей огромной силы, просто не думая об ней, то

¹ Кузнецов Ю. П. Крестный ход... С. 436.

² Там же. С. 61.

³ Там же. С. 416.

⁴ Там же. С. 415.

росточек сорвет, то дерево с корнем вырвет, все с одинаковою легкостью, и даже разницы между этими действиями не чувствует»¹. Михайловский в целом верно уловил суть русского национального характера в чеховской интерпретации. Русское богатырство часто оказывается нереализованной, хотя и мощной, потенцией, остается лежать под спудом: «Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватает так невысоко?»² Аналогом у Кузнецова служит «Лежачий камень» (1997):

Трава племен шумит о лучшей доле,
Века времен обходит стороной.
А он лежит в широком чистом поле,
Орел над ним парит в глубокий зной³.

Русский богатырь способен на многое, но использует свои богатырские силы не всегда, и поэтому колесо его судьбы, по наблюдениям Кузнецова, катится «по плакун-траве и по трын-траве» («Колесо»)⁴. Он способен как к глубокому философствованию, так и к легкомыслию.

Бунинская трактовка темы русского богатырства предваряет кузнецовскую, при этом эволюционирует от описательно-реалистической к условно-метафорической. В более ранних стихах (1901–1911) образ богатыря слит с пейзажем, а пейзаж пронизан историческими аллюзиями:

Стрелюю скиф насквозь его пробил,
И там, где смерть ему закрыла очи,
Восстал курган – и темный ветер ночи
Дождем холодных слез его кропил⁵.

Воткнув копье, он сбросил шлем и лег.
Курган был жесткий, выбитый. Кольчуга
Колола грудь, а спину полдень жег...
Осенней сушью жарко дуло с юга.

И умер он. Окостенел, застыл,
Припав к земле тяжелой головою.
И ветер волосами шевелил,
Как ковылем, как мертвою травюю.

И муравьи закопошились в них...
Но равнодушно все вокруг молчало,

¹ Цит по: *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем: Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. М.: Наука, 1974—1983. Сочинения. Т. 7. С. 634.

² *Чехов А. П.* Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. Т. 13. С. 143.

³ *Кузнецов Ю. П.* Крестный ход... С. 362.

⁴ *Там же.* С. 83.

⁵ *Бунин И. А.* Собрание сочинений... С. 159.

И далеко среди полей нагих
Копье, в курган воткнутое, торчало¹.

Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке².

В более поздних стихах Бунин непосредственно обращается к былинным мотивам и сюжетам и создает сложные историсофские концепции. В своем произведении «Святогор» (1913) он противопоставляет современного русского человека (Ивана) былинному богатырю, показывая их неравенство в силе и духе, — нынешний Иван не способен даже оседлать Святогорова коня, а силой и ловкостью может померяться разве что с «диким татаринном»:

В чистом поле, у камня Алатыря,
Светит месяц по шлему богатыря:
Принял божию смерть Святогор.
Конь вздыхает, ревет по-звериному:
Он служил господину единому!
А Иван распахнул бел шатер:

Он ползет по росе, подкрадывается,
Он татаринном диким гоняется,
Он за гриву хватает коня.
Ночь за ночью идет, ворон каркает,
Ветром конь вокруг Алатыря шаркает,
Стременами пустыми звеня³.

Бунинская интерпретация былины о гибели Святогора и о его преемнике Илье Муромце «Святогор и Илья» (1916) как своей основной мыслью (утрата былого могущества Руси, превосходство былых богатырей над нынешними), так и поэтикой, интонационно-ритмическим рисунком близка многим стихотворениям Кузнецова:

Но и меч не берет: с виду рубит,
Да не делает дела, а губит:
Где ударит – там обруч готов.
Нарастает железная скрепа:
Не подняться из гробного склепа
Святогору во веки веков!

¹ Там же. С. 180.

² Там же. С. 335.

³ Там же. С. 357.

Кинул биться Илья – божья воля.
Едет прочь вдоль широкого поля,
Утирает слезу... Отняла
Русской силы земля половину:
Выезжай на иную путину,
На иные дела!¹

Одна из самых трудных проблем для русского богатыря – это проблема нравственного выбора. Вдохновившись знаменитой картиной В. М. Васнецова «Витязь на распутье», Бунин написал стихотворение «На распутье» (1900), в котором раскрыл весь драматизм такого выбора:

На распутье в диком древнем поле
Черный ворон на кресте сидит.
Заросла бурьяном степь на воле,
И в траве заржавел старый щит.

На распутье люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бед готовит, и едва ли
Ты по нем воротишься домой.

Путь направо без коня оставит –
Побредешь один и сир и наг, –
А того, кто влево путь направит,
Встретит смерть в неизвестных полях...»
<...>

Дремлет полдень. На тропах звериных
Глеют кости в травах. Три пути
Вижу я в желтеющих равнинах...
Но куда и как по ним идти?

*Где равнина дикая граничит?
Кто, пугая чуткого коня,
В тишине из синей дали кличет
Человечьим голосом меня?*

*И один я в поле, и отважно
Жизнь зовет, а смерть в глаза глядит...
Черный ворон сумрачно и важно,
Полусонный, на кресте сидит² (курсив наш. – С. Н.).*

У Кузнецова есть одноименное стихотворение «Распутье» (1977), в котором звучат те же вопросы и возникают те же образы (необъятный про-

¹ Кузнецов Ю. П. Крестный ход... С. 386.

² Бунин И. А. Собрание сочинений... С. 124—125.

стор, не постигаемый умом, одиночество и душевная отвага лирического героя, тонкая грань между жизнью и смертью, между добром и злом):

На распутье я не вижу Бога.
Славу или пыль метет вдали?

*Что хочу от сущего пространства?
Что стою среди его теснин?
Все равно на свете не остаться.
Я пришел и ухожу — один.*

Прошумели редкие деревья
И на этом свете, и на том.
Догорели млечные кочевья
И мосты — между добром и злом¹ (курсив наш. – С. Н.).

Бунинская традиция прослеживается здесь довольно явственно. Исторические и былинные аллюзии Бунина в поэзии Кузнецова лишаются реалистической осязаемости, усиливаются, сгущаются до плотности символа и мифа. Стоит добавить, что о тройственном выборе жизненного пути героя-богатыря у Кузнецова речь идет и в таком знаковом, программном для него произведении, как «Золотая гора» (1974), где богатырь выступает в ипостаси современного поэта.

Итак, обращение к художественному потенциалу русского фольклора, способы его творческого освоения сближают таких поэтов XX века, как Бунин, Кузнецов, Тряпкин. Целые мотивные комплексы, определенные темы и сюжеты, взятые из былин, песен и сказок, обнаруживают в новейшую эпоху истории России свою актуальность и становятся для названных поэтов общим оселком, благодаря которому продлевается жизнь фольклорной традиции в литературе. Фольклорная традиция помогает Бунину, Кузнецову, Тряпкину создать образ своего времени, передать мироощущение русского человека начала XX — начала XXI веков. Драма русской жизни, начинавшаяся при Бунине и правдиво воссозданная им, обрела особую остроту в эпоху Юрия Кузнецова и Николая Тряпкина и раскрылась в их поэзии.

¹ Кузнецов Ю. П. Крестный ход... С. 139.

IN MEMORIAM

А. А. Петров

СПИСОК НАУЧНЫХ И МЕТОДИЧЕСКИХ ТРУДОВ А. В. ГОНЧАРОВОЙ¹

1949

1. Развитие народно-песенной культуры в Ржевском районе: (К вопросу районного изучения фольклора): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1949. 16 с.

1960

2. Отрядные результаты // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1960. 15 января. № 2. С. 1.

3. Курс литературы для восьмилетней школы // Литература в школе. 1960. № 1. С. 69–71. Авт.: В. А. Никольский, Т. Н. Сидельникова, Д. М. Файгелеринт, В. Г. Костин, А. В. Гончарова, Л. В. Брадис, Е. Я. Черкасова, В. А. Миронов.

1961

4*. Русская народная песня на уроках литературы в VI классе восьмилетней школы // На путях перестройки преподавания литературы в средней школе: Сб. метод. статей / Ред. В. А. Никольский. Калинин: Калининский гос. пед. ин-т им. М. И. Калинина, 1961. С. 29–35.

1962

5. Устное русское народное творчество на уроках литературы в восьмилетней школе // Тезисы докладов на конференции по итогам научно-исследовательской работы за 1961–1962 учебный год / Ред. В. С. Тарасенко. Калинин: Калининский гос. пед. ин-т им. М. И. Калинина, 1962. С. 37–38.

¹ Исправленный и дополненный список. За основу взята публикация *Петров А. А., Строганов М. В.* Александра Васильевна Гончарова. Список научных и методических трудов А. В. Гончаровой. Публикации о А. В. Гончаровой // Вестник Тверского государственного университета. 2010. № 4. Серия «Филология». Вып. 2. С. 263–274. Астериском помечены издания, не просмотренные составителем de visu.

1963

6. Песенное творчество М. В. Исаковского // Учен. зап. / Калинин. гос. пед. ин-т. Т. 36: Кафедра русской и зарубежной литературы. Калинин, 1963. С. 140–176.

7. А. М. Смирнов-Кутаческий // Учен. зап. / Калинин. гос. пед. ин-т. Т. 36: Кафедра русской и зарубежной литературы. Калинин, 1963. С. 218–224.

1966

8. О песенном творчестве Виктора Гусева // Учен. зап. / Калинин. гос. пед. ин-т. Т. 46: Очерки русской поэзии. М.: Московский рабочий, 1966. С. 218–258.

1968

9. Современное состояние фольклора колхоза «Молдино» // Тезисы докладов межвузовской научной конференции по проблеме историко-социологического исследования жизни села. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1968. С. 55–58.

10. Старый фольклор в новом «Молдине» // Опыт историко-социологического изучения села Молдино / Ред. В. Г. Карцев. М.: Московский рабочий, 1968. С. 115–126.

11. О современном народном творчестве в Молдинской деревне // Опыт историко-социологического изучения села Молдино / Ред. В. Г. Карцев. М.: Московский рабочий, 1968. С. 392–405.

12. Уроки о загадках // Литература в школе. 1968. № 4. С. 32–38.

1969

13. Два урока о сказке в V классе // Литература в школе. 1969. № 4. С. 38–45.

14. Чистый родник поэзии // Калининская правда. 1969. 4 июля. № 155. С. 4.

1970

15*. Современное состояние фольклора Калининской области (К вопросу об отношении устных рассказов Великой Отечественной войны к литературе) // Современное состояние народного творчества: Программа конференции и тезисы докладов. Л.: ИРЛИ АН СССР, 1970. С. 49–51.

16. Об устных рассказах Великой Отечественной войны (по материалам Калининской области) // Учен. зап. / Калинин. гос. пед. ин-т. Т. 77:

Вопросы развития жанров в русской литературе и устном народном творчестве. Калинин, 1970. С. 135–153.

17. Учитесь делать чудо // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1970. 20 февраля. № 8. С. 2.

18. О чем шумит Ржевский бор // Калининская правда. 1970. 5 июля. № 155. С. 4.

1971

19*. О собирании фольклора студентами-заочниками // Методические материалы по высшему заочному педагогическому образованию. М.: МГЗПИ, 1971. С. 12–16.

20. Былины в VI классе // Литература в школе. 1971. № 3. С. 41–51.

1972

21. О возможных тверских источниках «Сказки о попе и работнике его Балде» А. С. Пушкина // Пушкинские чтения на Верхневолжье: Сборник 1 / Ред. В. А. Никольский. Калинин: б/и, 1972. С. 17–31.

22. Устные рассказы Великой Отечественной войны // Русская народная проза / Русский фольклор: Материалы и исследования / Ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука, 1972. С. 122–138.

23. Результаты экспедиции 1965 г. Калининская область // Русская народная проза / Русский фольклор: Материалы и исследования / Ред. С. Н. Азбелев. Л.: Наука, 1972. С. 271–272.

24. Первые шаги // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1972. 16 февраля. № 6–7. С. 2.

1974

25. Устные рассказы Великой Отечественной войны: Спецкурс / Ред. Н. А. Гуляев. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1974. 174 с.

1979

26. Войны кровавые цветы: Устные рассказы о Великой Отечественной войне. М.: Современник, 1979. 286 с.

1981

27. Традиции устного народного рассказа в произведениях Шолохова и Леонова военных лет // Русская литература. 1981. № 3. С. 158–169.

1984

28*. Положение о городском смотре творческих работ, посвященных 40-летию Великой Победы. Калинин, 1984. 6 с.

1985

29. Русский фольклор о Великой Отечественной войне: Учебное пособие. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1985. 78 с.

30. Устные рассказы о Великой Отечественной войне и советская художественная проза: Автореф. дис. д-ра филол. наук / ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР, сектор народного творчества. Л., 1985. 32 с.

1986

31. Жанровые особенности устных мемуарных рассказов о Великой Отечественной войне // Русская литература. 1986. № 1. С. 124–137.

1987

32. Устный народный рассказ в романе «Русский лес» // Леонид Леонов: Творческая индивидуальность и литературный процесс. Л.: Наука, 1987. С. 228—238.

33¹. Традиционные лирические песни Тверского края и русская культура XIX в. // Седьмые Бирюковские чтения, посвященные 250-летию Челябинска: Тезисы докладов / Ред. А. И. Лазарев. Челябинск, 1987. С. 147–148.

1988

34. Народные устные рассказы об Октябрьской революции и гражданской войне // Восьмые Бирюковские чтения: Тезисы докладов / Ред. А. И. Лазарев. Челябинск, 1988. С. 291–292.

1989

35. Родники творчества // Калининская правда. 1989. 21 мая № 117. С. 4.

36. Друг великого композитора // Калининская правда. 15 июня № 138. С. 4.

¹ Позиции №№ 33—34, 39 помогла уточнить сотрудница Челябинской ОУНБ Светлана Юрьевна Санникова. Пользуясь случаем, выражаю ей сердечную благодарность.

1990

37. Из истории культуры Тверского края: К проблеме фольклорно-литературных взаимодействий: Учебное пособие. Тверь: Твер. гос. ун-т. 1990. 80 с. (В соавторстве с Н. А. Забелиным).

38. Народные устные рассказы об Октябрьской революции и гражданской войне // Фольклор народов РСФСР: Межвузовский научный сборник. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1990. С. 84–90.

1993

39. Повесть «Матерь человеческая» В. А. Закруткина и русский фольклор // Вестник Челябинского ун-та. 1993. Серия 2. «Филология». № 1. С. 62–72.

1994

40¹. Повесть В. Г. Распутина «Живи и помни» и традиции фольклора // IX Бирюковские чтения на Урале. Челябинск, 1994.

41*. Фольклор Верхней Волги // Волга русская река. Самара, 1994.

1995

42. Волга — русская река // Русская провинция. 1995. № 2. С. 81–83.

1996

43*. Традиции свадебного фольклора в серии исторических романов Д. М. Балашова «Государи московские» // Вестник Челябинского ун-та. 1996. № 2.

44. Роман «Великий стол» Д. М. Балашова и древнерусские литературные традиции // Учен. зап. / Твер. гос. ун-т. Тверь, 1996. Т. 2. С. 85–86.

1997

45. Легенды // Православная Тверь. 1997. Май, июнь, июль. № 5–6—7. С. 5.

¹ По сообщению С. Ю. Санниковой, этого выпуска нет в городе Челябинске; есть предположение, что материалы этих чтений не были изданы. IX Бирюковские чтения проходили 30.05 — 01.06.1990 г.

1998

46. Традиции свадебной обрядовой поэзии в серии исторических романов Д. М. Балашова «Государи московские» // НДВШ. Филологические науки. 1998. № 1. С. 14–22.

47. Моя историческая родина // Русская провинция. 1998. № 4. С. 83–93.

1999

48. Золотые зерна: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь: Русская провинция. 1999. 344 с.

49. Фольклорные истоки образа Остафия Долгополова («Емельян Пугачев» В. Я. Шишкова) // Творчество В. Я. Шишкова в контексте русской литературы XX века: V Всероссийские Шишковские чтения: Материалы научной конференции. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С. 81–87.

50. Свадебная поэзия в серии исторических романов Д. М. Балашова «Государи московские» // Сохранение и возрождение фольклорных традиций. М., 1999. С. 139–148.

2000

51. Верхневолжские начала образа профессора Вихрова в романе Л. М. Леонова «Русский лес» // Записки Тверских краеведов. Тверь: Русская провинция, 2000. № 2. С. 53–59.

52. Воспоминания о старом учителе: К истории создания личного фонда А. М. Смирнова-Кутаческого (1876—1958) // Личные фонды и коллекции тверских краеведов в архивах: Материалы научно-практической конференции (Тверь, 15 июня 2000 г.). Тверь: ГЕРС, 2000. С. 31–35.

2001

53. У истока: Фольклорные традиции в русской литературе 1970 – 90-х годов: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. 240 с. (В соавторстве с Л. Н. Скаковской).

2002

54. Золотые зерна. Книга 2: Сказки, народные рассказы Тверского края / Сост., вступ. ст., подгот. А. В. Гончаровой; худож. С. А. Шереметьева. Тверь: Чудо. 2002. 348 с.

55. Т. В. Кириллова // Тверская область: Энциклопедический справочник. 2-е изд. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://region.library.tver.ru>.

56. Т. И. Филиппов // Тверская область: Энциклопедический справочник. 2-е изд. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://region.library.tver.ru>.

57. Из истории собирания и исследования фольклорной прозы // Тверская филология: прошлое, настоящее, будущее: К 85-летию филологического факультета Тверского государственного университета / Ред. С. Ю. Николаева. Тверь: Золотая буква, 2002. С. 90–95.

58. Письмо В. И. Платову // Тверская жизнь. 2003. 16 сентября. № 169. С. 3.

59. О жанровой специфике устных мемуарных рассказов Великой Отечественной войны // Традиционная мужская культура и фольклор Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов / Ред.-сост. М. В. Строганов. Тверь: Золотая буква, 2002. С. 47–49.

2003

60. Концепция женского образа в романе Л. М. Леонова «Русский лес» и устные народные рассказы о войне // Художественные традиции в русской литературе: К 80-летию профессора А. В. Гончаровой: Сборник научных трудов / Ред. С. Ю. Николаева. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. С. 129–139.

2005

61. Народные устные рассказы о Великой Отечественной войне и художественная проза 40—80-х годов. Тверь: Золотая буква, 2005. 296 с.

62. О жанровой специфике устных мемуарных рассказов Великой Отечественной войны // Фольклор Великой Отечественной войны: Сборник научных трудов / 60-летию Победы в Великой Отечественной войне посвящается / Ред. О. Е. Лебедева, М. В. Строганова. Тверь: Золотая буква, 2005. С. 78–80.

63. Они сменили книгу на винтовку // Тверская жизнь. 2005. 18 января. № 6. С. 4.

64. Венок фронтового фольклора // Место победы в нашем строю. [Специальный выпуск лирического альманаха «Иволга» ТвГУ]. Тверь: ООО «Типография Алексея Ушакова ТУШ@», 2005. С. 40–43.

65. После боя сердце просит музыки вдвойне... // Межкультурная коммуникация в современном славянском мире: Материалы первой международной научной конференции / Твер. гос. ун-т, Тверь: Алексей Ушаков, 2005. Т. II. С. 162–168.

2006

66. Народный устный рассказ как жанр фольклора (на материале художественной прозы 40–80-х годов). Тверь: Золотая буква, 2006. 296 с.

67. Мастера народных рассказов о Великой Отечественной войне // В. И. Симаков и устное народное творчество: Материалы и исследования. Вып. 3 / Сост. О. Е. Лебедева, М. В. Строганов. Ред. М. В. Строганов. Тверь: Тверской гос. ун-т; Марина, 2006. С. 230–236.

2008

68. Каким помнится мне Алексей Матвеевич Смирнов-Кутаческий // А. М. Смирнов-Кутаческий: личность и научное наследие: Материалы и исследования / Ред. М. В. Строганов. Тверь: Марина, 2008. С. 28–40.

Публикации о А. В. Гончаровой

1. *Цветкова А., Новикова Н.* Интересные встречи // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1959. 27 ноября. № 39 (123). С. 1.

2. *Кузнецова, Дергачёва, Орлова* Институт нам многое дал // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1967. 19 июня. № 10 (197). С. 2.

3. *Жигач Л.* На родине С. Есенина // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1967. 22 октября. № 25 (212). С. 2.

4. *Васильева Л., Меркулов Н.* Собранный летом материал пригодится на занятиях // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1967. 19 ноября. № 29 (216). С. 2.

5*. *Хамидов Хасан* Путь в науку // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1968. 9 февраля. С. 2.

6. *Меркулов Н.* В деревню за песнями // Калининская правда. 1968. 9 октября. № 237. С. 4.

7. *Беляев А.* Работа интересная, нужная // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1970. 27 февраля. № 9 (322). С. 2.

8. *Бакиева Л.* Первый опыт // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1970. 3 апреля. № 14 (327). С. 1.

9. *Чиков В.* Пушкинский праздник Верхневолжья // Калининская правда. 1970. 9 июня. № 9. С. 4.

10. *Стенник Ю. В.* Литература и фольклор // Русская литература. 1970. № 1. С. 251–252.

11. *Мельц М. Я.* Всесоюзная конференция, посвященная современному состоянию народного творчества // Русская литература. 1971. № 2. С. 221.

12. *Соколова Л. М.* Священные места // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1971. 4 июня. № 22. С. 2.

13. В Белый за песнями // Бельская правда (Белый). 1971. 13 июля. № 82. С. 4.

14. *Гельгардт Р. Р.* Первое заседание // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1971. 1 декабря. № 41. С. 2.

15. *Мотузка М.* Родниковая вода: Заметки с первого областного праздника русского фольклора // Калининская правда. 1972. 16 июня. № 140. С. 4.

16*. *Вражиновски Т.* [Рец.] // Македонский фольклор. Списание за институтом за фольклор. 1973. № 11. С. 146.

17*. *Мицева Е., Кузманова В.* [Рец.] // Известия на етнографския институт и музей Болгарска академия на науките. Кн. XVI. 1974. С. 472.

18. *Померанцева Э. В.* [Рец.: Русский фольклор XIII. Русская народная проза. Л.: Наука, 1972] // Известия АН СССР. Серия «Литература и язык», 1974. Т. 33. № 1. С. 88.

19*. *Скидан В.* I ажываюць легенды... // Чырвоная змена (Минск). 1975. 25 августа.

20. *Попов Николай* Устные рассказы о войне // Калининская правда. 1974. 30 ноября. № 280. С. 4.

21. *Красноштанов С.* Книга о слове народном // Дальний Восток. 1975. № 9. С. 147–148.

22. *Бурмистрова К. И.* [Рец.: А. В. Гончарова. Устные рассказы Великой Отечественной войны. Изд-во Калининского университета, 1974] // НДВШ. Филологические науки. 1976. № 3. С. 118–119.

23*. *Иоаниди А. Л.* Народна творчѣств та етнография // Орган Институту мисецтвознавства фольклору та етнографии им. М. Рильского. УССР. 1976. С. 83–85.

24. *Пальчиков Владимир* Войны людская память [Рец.: Войны кровавые цветы. Устные рассказы о Великой Отечественной войне / Сост. А. В. Гончарова. М.: Современник, 1979] // Калининская правда. 1980. 14 июня. № 136. С. 4.

25. *Фадеев Д.* «Войны кровавые цветы» // Смена. 1980. 5 июня. № 67. С. 4.

26. *Бакус Л. В.* Устные народные рассказы о Великой Отечественной войне [Рец.: Войны кровавые цветы. Устные рассказы о Великой Отечественной войне / Сост. А. В. Гончарова. М.: Современник, 1979] // Русская литература. 1982. № 4. С. 223—226.

27. *Дунаева Л., Курочкина Т., Курятникова С., Соболева Ю., Соколова А.* У истоков // Калининская правда. 1982. 10 августа. № 182. С. 3.

28. *Шмелева Е.* Гордится учениками // Калининец (Калининский гос. пед. ин-т). 1989. 6 января. № 1. С. 1.

29. *Огородняя С., Исаева Л. и др.* С любовью к людям // Смена. 1989. 21 января. № 4 (5314). С. 3.

30. *Воейков В.* Создано общество краеведов // Калининская правда. 1989. 11 марта № 58. С. 4.

31. *Яковлев В.* «Круглый стол» «Калининской правды»: «Двина Даугава» // Калининская правда. 1989. 28 марта № 73. С. 3.

32. *Феоктистова Галина* Куда красу сподевати... или Про женщину, которая поет // Вече Твери. 1990. 16 октября. № 7. С. 2–3.

33. *Мирюшкин В.* Познать, спасти и сберечь [Рец.: Гончарова А. В., Забелин Н. А. Из истории культуры Тверского края. Тверь, 1990] // Тверская жизнь. 1991. 14 ноября. № 220. С. 2.

34. Русский фольклор: Библиографический указатель (1981—1985) / Сост. Т. Г. Иванова. СПб.: АН России, 1993. С. 184, 397.

35. Российские фольклористы: Справочник / Сост. Л. В. Рыбакова. М.: Индрик, 1994. С. 36, 161.

36. *Строганов М. В.* Фольклор и литературное краеведение // Наука Тверского края. Вып. 1: Филология / Гл. ред. Г. А. Грибанов. Тверь: Типография ВА ПВО им. Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, 1994. С. 63, 64.

37. *Григорьева Олеся* Книги — достояние Твери // Караван+. 1997. 3 декабря. № 48. С. 4.

38. *Григорьева Г. М., Кирьянов С. Н., Белецкая Е. М. (Нилочкина Д.)* И это всё о ней // Тверская жизнь. 1998. 5 мая. № 80. С. 3.

39. *Маркова Татьяна* «Золотые зерна» для глубокой пахоты // Тверская жизнь. 2000. 16 февраля. № 29. С. 3.

40. *Пресс-центр администрации Тверской области* «Золотые зерна» Тверского края // Тверская жизнь. 2000. 27 апреля. № 77. С. 1.

41. *Кириянов С. Н.* [Рец.: А. В. Гончарова. Золотые зерна: Сказки, легенды, предания, мемуарные рассказы Тверского края. Тверь, 1999] // НДВШ. Филологические науки. 2001. № 1. С. 119–121.
42. У краеведов юбилей // Тверская жизнь. 2001. 16 января. № 8. С. 8.
43. *Сивакова Маргарита* «Долины старинных поместий» ждут меценатов // Вече Твери. 2001. 18 апреля. № 73. С. 5.
44. *Михайлов Александр* [Бойников А.] От чистого истока // Вече Твери. 2002. 26 июня. № 110. С. 7.
45. *Кузьмин Владимир* Размышляя над истоками [Рец.: А. В. Гончарова, Л. Н. Скаковская. У истока: Фольклорные традиции в русской литературе 1970–90-х годов. Тверь, 2001] // Тверская жизнь. 2002. 19 июля. № 124. С. 4.
46. *Кириянов С. Н.* У истока слова [Рец.: А. В. Гончарова, Л. Н. Скаковская. У истока: Фольклорные традиции в русской литературе 1970–90-х годов. Тверь, 2001] // Русская провинция. 2002. № 2. С. 128.
47. *Сивакова Маргарита.* «Золотые зерна» птицы Алконост [Рец.: Золотые зерна. Кн. 2: Сказки, народные рассказы Тверского края. Тверь, 2002] // Тверская жизнь. 2002. 29 октября. № 195. С. 5.
48. *Мельц Микаэла* Золотые зерна устной прозы [Рец.: Золотые зерна. Кн. 2: Сказки, народные рассказы Тверского края. Тверь, 2002] // Тверская жизнь. 2003. 24 января. № 13. С. 6.
- 49*. *Молчановский В. В.* Межкультурное взаимодействие: диалог внутри национальной культуры (По поводу книги: Гончарова А. В., Скаковская Л. Н. У истока: Фольклорные традиции в русской литературе 1970–1990-х годов. Тверь, 2001. 240 с.) // Мир русского слова. 2003. № 1. С. 121–122.
50. *Маркова Татьяна.* И хочется навеки уберечь... Спецкурс Александры Гончаровой // Тверская жизнь. 2003. 20 мая. № 87. С. 4.
51. *Кириянов С. Н.* [Рец.: А. В. Гончарова. «Золотые зерна». Кн. 2: Сказки, народные рассказы Тверского края. Тверь, 2002] // НДВШ. Филологические науки. 2003. № 5. С. 115–118.
52. *Серов Николай* Зерна науки на целине фольклора // Тверская газета. 2004. 7 мая. № 31. С. 11
53. *Ручников Петр* О пользе изучения традиций // Тверская жизнь. 2004. 25 июня. № 116. С. 6.

54. Гончарова Александра Васильевна // Ведущие ученые Тверского государственного университета / Ред. А. Н. Кудинов. Тверь: Научная книга, 2006. С. 38.

55. 9 мая 2005 года [Фото] // Время свершений: 20 лет с университетом: К 70-летию ректора ТвГУ А. Н. Кудинова / Ред. Л. Н. Скаковская. Тверь: Тверская фабрика печати, 2007. С. 256.

56. Александра Васильевна Гончарова // Тверская жизнь. 2009. 28 мая. № 99. С. 2.

57. Памяти профессора А. В. Гончаровой // Вестник ТвГУ. 2009. Июнь. № 6. С. 2.

58. *Маркова Татьяна* Без алых парусов? // Тверская жизнь. 2009. 24 июня. № 116. С. 7.

59. *Редькин В. А.* Памяти А. В. Гончаровой // Тверь: Литературный альманах: Поэзия, проза, драматургия, литературная критика, публицистика / Ред. С. Ю. Николаева. Вып. 12. Тверь: Издательство «Ванчакова линия», 2011. С. 70–71.

60. *Маркова Татьяна* Золотые зерна серебряных родников // Тверская жизнь. 2013. 30 апреля. № 82. С. 4.

61. *Георгиева Татьяна.* В поле ее любви // Тверская жизнь. 2013. 24 мая. № 96. С. 8.

ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

ТВЕРСКОГО КРАЯ

Памяти А. В. Гончаровой

(1923–2009)

Сборник научных статей и публикаций

Отпечатано с авторских оригиналов

Технический редактор А.В. Жильцов
Подписано в печать 27.11.2013. Формат 60x84^{1/16}.
Усл. печ. л. 9,5. Тираж 100. Заказ № 474.
Тверской государственный университет
Редакционно-издательское управление
Адрес: 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.
Тел. РИУ (4822) 35-60-63.